

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 23

Нижний Новгород

2013

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «НГЛУ»*

УДК 81'1:008+82(091)+378.14+1(091)

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 23. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013. – 180 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:

Е.С. Гриценко (*зам. главного редактора*), Е.В. Плисов (*отв.секретарь*),
М.К. Бронич, В.М. Бухаров, М.А. Викулина, М.А. Грачев, Е.Н. Дмитриева,
В.Г. Зусман, В.И. Карасик (Волгоград), З.И. Кирнозе, Л.П. Крысин
(Москва), Е.В. Курбакова, М.М. Лебедева (Москва), Л.А. Львов,
М.И. Никола (Москва), О.Г. Оберемко, Е.Р. Поршнева, М.С. Ретунская,
Е.П. Савруцкая, Т.Н. Синеокова, В.В. Сдобников, О.Н. Сенюткина,
В.М. Строгеецкий, А.А. Сергунин (Санкт-Петербург), С.В. Устинкин,
Э.Д. Фролова (Санкт-Петербург), А.Н. Шамов, Л.Е. Шапошников,
Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция),
У. Реннер-Хенке (Германия), М. Руэп (Германия), К. Флидль (Австрия),
С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий ВАК РФ с 19.02.2010 г.

ISSN 2072-3490

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 23

Nizhny Novgorod

2013

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 23. –
Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University,
2013. – 180 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B. Zhigalev

Editorial Board:

E. Gritsenko (*Deputy Editor-in-Chief*), E. Plisov (*Executive Secretary*),
M. Bronich, V. Bukharov, M. Vikulina, M. Grachev, E. Dmitryeva, V. Zusman,
V. Karasik (Volgograd), Z. Kirnoze, L. Krysin (Moscow), E. Kurbakova,
M. Lebedeva (Moscow), L. Lvov, M. Nikola (Moscow), O. Oberemko,
E. Porshneva, M. Retunskaya, E. Savrutskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov,
O. Senyutkina, V. Strogetsy, A. Sergunin (St-Petersburg), S. Ustinkin,
E. Frolova (St. Petersburg), A. Shamov, L. Shaposhnikov, D. Boxer (USA),
D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany),
M. Ruep (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

D.L. de Oliveira (<i>Rio de Janeiro, Brazil</i>) Focus Encoding in Russian and Brazilian Portuguese	9
С.Е. Бугрова (<i>Нижний Новгород</i>) Типология компенсационных стратегий	18
Н.А. Голубева (<i>Нижний Новгород</i>) Прецедентные единицы в религиозном дискурсе	26
Г.А. Калмыкова (<i>Ульяновск</i>) Влияние процесса грамматикализации на формирование каузальных союзов в немецком языке	35
А.П. Коржавый (<i>Калуга</i>) Число и характер компонентов древнеанглийских биномиальных словосочетаний в различных типах текстов (на материале «Утешений философии» Боэция и Англосаксонской хроники)	47
И.В. Матвеева (<i>Нижний Новгород</i>) Ролевые отношения коммуникантов в современной немецкоязычной проповеди	56
Н.Н. Прокопьева (<i>Нижний Новгород</i>) Функции оценочной лексики в христианской немецкоязычной проповеди (на материале проповедей Папы Римского Бенедикта XVI)	64
Н.Б. Руженцева (<i>Екатеринбург</i>) <i>Иван и Наташа</i> : прецедентные имена собственные в национальном и межнациональном дискурсе	71

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Ch. Nord (<i>Wien, Österreich</i>) Funktionalismus funktional übersetzen: am Beispiel von Beispielen	86
--	----

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

- Е.М. Фомина** (*Нижний Новгород*)
Образ города в цикле Теодора Драйзера «Трилогия желания» 105
- Т.И. Юрченко** (*Пятигорск*)
Место М.Ю. Лермонтова и его литературного наследия в творчестве немецкого писателя Зигфрида фон Фегезака 114

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

- М.В. Лагунова** (*Нижний Новгород*)
Экспертиза образовательных и научно-методических достижений профессорско-преподавательского состава в рамках повышения квалификации 125
- Н.В. Макшанцева** (*Нижний Новгород*)
Сущностная характеристика профессиональной языковой личности специалиста-лингвиста 139
- М.П. Самойлова** (*Нижний Новгород*)
Развитие православного образования в нижегородском регионе как фактор межконфессиональных отношений 146
- Н.В. Шумейко** (*Киев, Украина*)
Историко-педагогические основы формирования системы обучения иностранным языкам в высшей школе Словацкой Республики в условиях поликультурности 155

ХРОНИКА

- Язык и религия в проблемном поле германистики: научные мероприятия и направления поиска 164
- Об экспертизе электронных учебных материалов по иностранным языкам 169
- Марина Серафимовна Ретунская (1940-2013) 172
- Наталья Васильевна Живолупова 174
- Natalia Vasilievna Zhivolupova 178

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

Diego Leite de Oliveira (<i>Rio de Janeiro, Brazil</i>) Focus Encoding in Russian and Brazilian Portuguese	9
Svetlana Bugrova (<i>Nizhny Novgorod</i>) A Typology of Compensatory Strategies	18
Nadezhda Golubeva (<i>Nizhny Novgorod</i>) Precedent Units in Religious Discourse	26
Galina Kalmykova (<i>Ulyanovsk</i>) Impact of Grammaticalization on the Formation of Causal Conjunctions in German	35
Alexey Korzhavyi (<i>Kaluga</i>) Number of Components and their Nature in Old English Binominal Phrases in Different Text Types (<i>The Consolations of Philosophy</i> by Boethius and <i>The Anglo-Saxon Chronicle</i>)	47
Irina Matveyeva (<i>Nizhny Novgorod</i>) Role Relations in the Modern German Sermon	56
Nadezhda Prokopyeva (<i>Nizhny Novgorod</i>) Functions of Axiological Lexemes in the German Christian Sermon (with a focus on sermons by Pope Benedict XVI)	64
Natalia Ruzhentseva (<i>Ekaterinburg</i>) <i>Ivan</i> and <i>Natasha</i> : Precedent Names in the National and International Discourse	71

CRITICAL ISSUES IN TRANSLATION THEORY AND PRACTICE

Christiane Nord (<i>Vienna, Austria</i>) Functional Translation of Functionalism: An Example of Examples	86
---	----

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE

Ekaterina Fomina (*Nizhny Novgorod*)

The Image of the City in Theodore Dreiser's *Trilogy of Desire* 105

Tatiana Yurchenko (*Pyatigorsk*)

The Role of Mikhail Lermontov and his Literary Heritage in the Creative Work of the German Writer and Poet Siegfried von Vegesack 114

CROSS CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION

Marina Lagunova (*Nizhny Novgorod*)

Assessing the Faculty's Achievements in Teaching, Research / Scholarship, and Academic Service as Part of Professional In-Service Training and Development 125

Natalia Makshantseva (*Nizhny Novgorod*)

Essential Features of the Linguist's Professional Linguistic Personality 139

Maria Samoylova (*Nizhny Novgorod*)

The Development of Religious (Russian Orthodox) Education in Nizhny Novgorod Region as a Factor in Inter-Faith Relations 146

Natalia Shumeiko (*Kiev, Ukraine*)

Historical and Pedagogical Background of University-Level Foreign Language Training in the Multicultural Environment of Slovakia 155

CHRONICLE

Language and Religion in German Studies: Academic Events, and Research Areas and Issues 164

Assessing E-Learning Materials in Foreign Language Education 169

Marina Serafimovna Retunskaya (1940-2013) 172

Natalia Vasilievna Zhivolupova 174

Natalia Vasilievna Zhivolupova 178

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1'367:811.134.3'367

FOCUS ENCODING IN RUSSIAN AND BRAZILIAN PORTUGUESE

Diego Leite de Oliveira

Federal University of Rio de Janeiro, Brazil

This article presents preliminary reflections of an initial PhD research, which analyses focus strategies in Russian and Brazilian Portuguese, considering the Usage-Based Models framework. The main purpose here is to identify strategies of both languages for encoding focus in linguistic structure. The question explored is that these structures may be considered constructions, that is, form-meaning pairings, in the terms established by Goldberg (1995).

Key words: clefts, constructions, focus, Portuguese, Russian.

Выражение ремы в русском языке и в бразильском варианте португальского языка

Диего Лейте де Оливейра

В статье представлены предварительные данные докторского исследования, в котором рассматриваются стратегии выражения ремы в русском языке и в бразильском варианте португальского языка на основе положений функционально-когнитивной лингвистики. Целью данной статьи является определение стратегий, которые употребляются в обоих языках для выражения ремы в лингвистической структуре. Анализируется вопрос о том, что такие структуры можно считать конструкциями, то есть, парами типа *форма-значение*, согласно Голдберг (1995).

Ключевые слова: расщепленные предложения, конструкции, рема, португальский язык, русский язык.

Introduction

There is a big debate about the nature of language and the way that it is organized in the human mind. Among the various mechanisms to investigate it, the comparative study of languages provides interesting discoveries about the behavior of languages being analyzed, and may provide important insights to confirm or refute theories about linguistic structure. This article analyses the focus strategies in discourse by comparing two languages relatively distant from each other, namely, Russian and Brazilian Portuguese.

In theater, the stage lighting plays important roles for staging. One of them is to highlight characters, directing the viewer's attention to an actor or part of the stage. As the projector throws light to one or another character or part of the stage, some elements are highlighted, while others remain in the background. Therefore, the information, which without the proper lighting could not be understood as a whole, often with the adequate light, becomes something accessible to the viewer. This is about focus.

Focus is not only used in performing arts. Language also provides focus representation strategies, which are used by speaker / writer to highlight parts of information that he evaluates as more important or worthy of emphasis in communication. Thus, the notion of focus in Linguistics is directly related to the information flow in discourse.

The concept of focus used here was presented in Lambrecht (1994, 2000) [1; 2], where 'focus' is defined as "that element of a pragmatically structured proposition whose occurrence makes it possible for the sentence to express a 'pragmatic assertion', i.e. to convey new information to an addressee. Somewhat more technically, the focus is that element whereby the presupposition and the assertion differ from each other".

In this essay, there are presented some reflections on focus in Russian and Brazilian Portuguese, as well as the functional role this category plays in discourse. In addition, it is argued that focus encoding in both languages may be interpreted in terms of constructions [3], form-meaning pairings involving morphosyntactic and prosodic means.

This paper begins by providing a brief reflection on focus structure and presenting examples, descriptions and discussions on the way focus is codified in Russian and Portuguese. Then, some concluding remarks are presented in section 3.

Focus in Linguistics

The concept of focus has been discussed for a long time by scholars, under the most varied perspectives. Despite the differences of approaches and methods for analysis, many of these scholars seem to agree in associating focus to new information or at least the more important information of the sentence, as it is possible to see in the quotes below:

Information focus is one kind of emphasis, that whereby the speaker marks out a part (which may be the whole) of a message block as that he wishes to be interpreted as informative. What is focal is "new" information [4];

Focus is a formally marked pragmatic function attaching to the most important or salient information in the given communicative setting with respect to the modifications which the speaker wishes to effect in the pragmatic information of the addressee and with respect to the further development of the discourse [5];

Focus is a discourse concept which is applicable to the element that brings new information in the sentence. Sometimes this element may be the sentence as a whole, sometimes may be explicitly related to the presupposition, which is associated to the information shared by speakers [6].

The mechanisms used by natural languages for focusing elements in discourse are considerably varied and may involve morphosyntactic and prosodic aspects. This phenomenon is compelling and has drawn the attention of scholars for a long time, being considered under several frameworks. Despite the meaningful amount of researches on this theme, the richness and complexity of focus representation still requires detailed analysis from linguists.

Regarding the prosodic aspects, the focused element in the sentence is phonetically prominent, that is, receives the main accent mark, as pointed out by Dik (1989), Lambrecht (1994) and Quarezemin (2009). For Lambrecht (1994), there is a direct relationship between prosodic prominence and the relative communicative importance of the highlighted element in an utterance, which represents an expressive iconic relationship between form and meaning. The examples (1), (2) (3) and (4), from Brazilian Portuguese and Russian respectively, may show how focus functions in prosodic terms:

- (1) Eu comprei um Livro hoje.
I bought a BOok today.
- (2) Eu comprei um livro HOje.
I bought a book toDAY.
- (3) СеГОдня я купил книгу.
TodAY I bought a book
- (4) Сегодня я купил КНИгу.
Today I bought a BOok.

The syllables in capital letters are that receiving the main accent mark, what shows the focused element in the clause. It's possible to note that both in Russian and Portuguese the sentential accent may specify the information the speaker considers the most important in the sentence.

As for morphosyntactic aspects, the focus may be expressed by several strategies in a variable way in several world languages. One of the possible ways of focusing elements is by using a different word order, as in (5) and (6):

- (5) Пришло письмо.
To come-past-neut the letter.
The letter came.

- (6) Chegou o Médico.
To come-past-neut the doctor.
The doctor came.

In both instances a movement verb is used meaning arrival to some place. Both Russian and Portuguese allow the clause subject to be postposed to the main verb, without any difficulty in understanding the clause. In Russian the word *pismo* postposed to the verb *prishlo* may introduce completely new information to the discourse. In Portuguese, it is common to postpose elements to movement verbs in speech in order to introduce elements not mentioned yet in discourse.

Although Portuguese may allow some variability in word order, this variability is reduced in comparison to Russian. The latter more often allows the changing of SVO order, accommodating the syntax to the informational structure, without damage to communication. In Russian the old (or shared) information tends to come first.

Van Valin (1999) compares typologically different world languages in terms of rigidity and flexibility of their word order and rigidity and flexibility of their focus structure [7]. According to him, it's possible to find languages in which the word order is very rigid, but the focus structure is flexible – as in English – languages in which the word order is flexible, but the focus structure is rigid – as in some Banto languages – languages in which both word order and focus structure are rigid – as in French – and languages in which both word order and focus structure are flexible – as in Russian. It's important to notice that the researcher does not classify

languages in a categorical way, allocating them in equal frames. He analyses languages in terms of a *continuum*, so that the world languages may vary from the more rigid to the more flexible and vice versa. Thus, if English is analyzed as a language in which word order is rigid, and Russian is analyzed as a language in which word order is flexible, in Portuguese one should say that the word order is not so rigid as in English and not so flexible as in Russian.

Still from morphosyntactic point of view, Jespersen (1937, *apud* Lambrecht 2001) anticipates Van Valin in a study on English, where he highlights the frequent occurrence of cleft sentences in the above language and points out its function as a focus representation mark. Jespersen believed that the high occurrence of cleft sentences was a mean by which the disadvantages of having a rigid word order may be solved, what could explain why this type of construction is not found or extensively used in languages in which the word order is more flexible than in English, French or Scandinavian languages.

Although in Portuguese the word order is not as rigid as in English, the use of cleft sentences has become very frequent both in speech and writing. Moreover, the types of cleft constructions are considerably variable, as pointed out by Braga [8] and Oliveira et al. [9].

In Russian such variability and frequency of cleaving strategies does not exist, what corroborates Jespersen's thesis that language in which the word order is more free tend not to use cleft sentences. On the other hand, in Russian there are a number of very different focus particles to highlight items in a sentence, what does not exist in Portuguese or English, at least the same way as in Russian, as in (7), (8) and (9):

- (7) Может быть, я вам завтра **же** скажу, а может быть, нет...
 Maybe toMOorrow I will say that, or maybe not...
 (Dostoievski F. *Bielyie Notchi*)

- (8) **Это** я в этот последний месяц выучился болтать, лежа по целым суткам в углу и думая... о царе Горохе.

I've learned to chatter this last month, lying for days together in my den thinking... of Jack the Giant-killer (Dostoievski F. *Priestuplenie I nakazanie*).

- (9) **Вот** одно, во что я верю.

That is the one thing I have faith in! (Tolstoi L. *Voina i mir*).

In (7) particle *zhe* highlights the word *zavtra* and is postposed to the word in focus. In (8) *eto* may highlight the pronoun *ja* and is prepended to the word in focus, as well as *vot* in (9), which highlights the word *odno*.

Vinogradov (1947), in a study on various particles in Russian, among them *vot*, *eto*, *zhe* and others, notes the possibility of some of them to appear prepended or postposed to the word in focus, so that these particles may refer to a specific item in discourse or a whole utterance [10]. Under the Variationist Sociolinguistics, Grishina (2008) adopts a different conception when analyzing the particle *vot* and its variants *von* and *ot*. Besides concluding that the unmarked form is *vot*, explaining the contexts of use of each variant, Grishina classifies *vot* as an example of lexicalization of emphasis function [11].

As mentioned before, focus is related to functional processes of language, introducing information considered new, not recoverable by the addressee or the more important information in discourse. In terms of information flow, it is important to note that, all the time, in discourse information not shared between speaker and addressee is introduced. The tendency is to introduce the information supposed to be shared by speaker and addressee first in order to introduce new information after. In this regard there is a large tradition in Linguistics pointed out by Halliday 1967, Chafe 1976, Dik 1989, Lambrecht 1994 and others, which discusses how world languages encode information supposed to be shared between speaker / hearer and writer / reader.

If one considers that focus strategies are used to introduce new information, it is possible to conclude that new information may be introduced through prosodic and / or morphosyntactic markers, as in (12):

- (10) –КТО разбил **окно**?
– **Окно** разбил ПЕтя [12].

In (12) it is possible to note that *okno* was dislocated to the left, that is, it appears in its marked form. However, the focalized item in this example is not *okno*, but *Petja*, which also is in its marked form. In Russian this inversion occurs for a purpose clearly exposed in context. As *okno* already was mentioned in previous sentence (*Kto razbil okno?*), the tendency is this item to be in the beginning of the sentence. Such

dislocation is possible in Portuguese, but with a kind of topic construction and without putting the subject in the end, as pointed out in (11):

- (11) – Quem quebrou **a janela**?
 – **A janela**, Pedro quebrou.

This type of construction is often named by linguists as topic construction in Portuguese. The pragmatic motivation for dislocating the object is the same both in Russian and Portuguese. Since in both languages this is given information, *onko*, in Russian, and *janela*, in Portuguese, tend to appear in the left, while new information, Petja and Pedro appear in the right.

The *topic-focus* opposition is often discussed in contemporary Functional Linguistics, so that there are defenders of that point of view, as well as critics. Here topic and focus are not considered as an opposition, because topic is related to the thing the clause is about and focus highlights important elements in sentence, being the latter not only related to new information, since focus may also indicate contrast, as in (12):

- (12) – А ТЫ же говорил, что она не глупая?
 – Это ОНА мне говорила, что не глупая.

In (12) all information was introduced in previous sentence and it is reformulated after through a contrast marking. In this case *eto* is marking a contrast in comparison with the word *Ty* in previous context.

The above questions lead us to an interesting reflection about a comparison between Russian and Brazilian Portuguese, from the point of view of information flow and focus marking. Both languages allow the sentence elements to be dislocated depending on the pragmatics, although Russian is more flexible in this regard. In cases in which Portuguese does not allow changing the word order, the cleaving starts to play an important role. Although in Russian there are not such variability from the point of view of cleaving, in Russian there are a rank of emphasis marker used to focus elements in discourse.

Conclusion

One property of natural languages is the variation, that is, the alternation between different forms expressing the same referential content

or submitted to the same truth conditions. This variation, contradicting the Structuralism and the common sense, is ordered and systemic. It can be explained, if the linguistic context and pragmatic relations are considered (Labov 1972).

In this study, it was argued that Russian and Portuguese use similar strategies to focus elements in discourse. It was seen that focus structures may influence the word order of elements in sentence, in a lesser degree in Portuguese, but in such a sensitive way in Russian. It was also discussed that other types of constructions may present dislocated elements in discourse, as topic constructions.

Evidences from Russian and Portuguese refers to morphosyntactic phenomena that may be explained by pragmatic factors, showing that linguistic system is not separated from the context in which language is used, as well as from the other human cognitive skills, what may be confirmed crosslinguistically. However, regarding the focus encoding in Russian and Portuguese, it requires a more detailed analysis that may arise from this initial research.

References

1. Lambrecht K. Information structure and sentence form. A theory of topic, focus, and the mental representations of discourse referents. Cambridge: Cambridge University Press, Cambridge Studies in Linguistics. Vol. 71. 1994.
2. Lambrecht K. A framework for the analysis of cleft constructions // Linguistics. 2001. 39, 3. P. 463-516.
3. Goldberg A.E. A Construction Grammar Approach to Argument Structure. University of Chicago Press, 1995.
4. Halliday M.K.A. Linguistics and the Teaching of English // Briton J. N (ed.) Talking and writing: A Handbook for English Teachers. London: Methuen, 1967.
5. Dik S. The Theory of Functional Grammar. Part I: The Structure of the clause. England: Foris Publications, 1989.
6. Miotto C. „Focalização e quantificação” // Revista Letras. 2003. 61, Curitiba. P. 169-189.
7. Van Vallin R. A typology of the interaction of focus structure and syntax // Rachilina E.V., Testelec J.G. (Eds.) Typology and linguistic theory from description to explanation: For the 60th birthday of Aleksandr E. Kibrik. Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. P. 511-524.

8. Braga M.L. Construções clivadas no português do Brasil sob uma abordagem funcionalista // *Matraga*. 2009v. 16. P. 173-196
9. Braga M.L., Oliveira D.L., Barbosa E.M. Como focalizar constituintes no português brasileiro. 2012 (in press).
10. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*. Moskva: Uchpedgiz, 1947.
11. Grishina E. Tchastitsa vot: varianty, ispolzuiemyie v neprinujdionirietchi. Instrumentarii rusistiki: korpusnyie podkhody // *Slavica Helsingiensia*. 2008. № 34. P. 63-91.
12. Kimmelman V. On the interpretation of èto in so-called èto-clefts // Zybatow G, Lenertová D., Junghanns U., Biskup P. (eds.) *Studies in Formal Slavic Phonology, Morphology, Syntax, Semantics and Information Structure: Proceedings of FDSL 7, Leipzig 2007*. Frankfurt: Peter Lang, 2009. P. 319-329.

Сведения об авторе

Diego Leite de Oliveira
Assistant professor of Russian language and literature,
Federal University of Rio de Janeiro, Brazil
E-mail: diegooliveira@letras.ufrj.br

Диего Лейте де Оливейра
старший преподаватель русского языка и литературы
Федерального университета Рио-де-Жанейро, Бразилия
E-mail: diegooliveira@letras.ufrj.br

УДК 81'271:81'23

ТИПОЛОГИЯ КОМПЕНСАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ

С. Е. Бугрова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается коммуникативный акт с позиций неэффективности / неуспешности, раскрывается содержание понятия «компенсационный коммуникативный акт», выявляются основные области возникновения коммуникативных неудач, систематизируются коммуникативные стратегии в аспекте компенсаторности.

Ключевые слова: компенсационный коммуникативный акт, компенсаторность, коммуникативный барьер, компенсационная стратегия.

A Typology of Compensatory Strategies

Svetlana Bugrova

The paper analyzes the communicative act from the point of view of ineffectiveness / communicative failure, defines the notion of a “compensatory communicative act,” outlines major areas where communicative failures typically occur, and codifies compensatory communication strategies.

Key words: compensatory communicative act, compensativeness, communicative failure, compensatory strategy.

Любое коммуникативное взаимодействие происходит в рамках социальных контекстов и определяется установками на коммуникативное взаимодействие, соотносимыми с социальными, культурными и личностными характеристиками говорящих. При этом успешность (эффективность) коммуникативного акта напрямую зависит как от внешних факторов, влияющих на процесс взаимодействия, так и от выбора лингвистических средств. Однако в ряде случаев, при нарушении конвенций эффективного общения, а также по иным причинам цель коммуникации оказывается не достигнутой. Подобные «аномалии» принято называть коммуникативными провалами, сбоями, нонсенсом, коммуникативными барьерами и т.п. Наиболее часто для обозначения данного феномена используется термин «коммуникативная неудача», понимаемый как возникшее в процессе коммуникативного взаимодействия непонимание, которое может быть устранено при

условии использования определенного комплекса стратегий и тактик (см., например, [1; 2; 3] и др.).

Успех в осуществлении коммуникативного намерения воспринимается как оптимальный результат коммуникативных усилий говорящих, непонимание же является предпосылкой к пересмотру линии поведения. Стремление добиться планируемого результата общения, преодолеть непонимание определяет выбор соответствующих коммуникативных стратегий и тактик. Целью исследования, представленного в статье, является выявление подобных компенсаторных коммуникативных стратегий и попытка их типологизации.

Материалом исследования послужили англоязычные диалогические текстовые фрагменты, содержащие признаки коммуникативных неудач, отобранные методом сплошной выборки из произведений художественной литературы американских и британских авторов. Сигналами коммуникативных неудач можно считать наличие переспросов (What?; What do you mean? и др.), многократного повторения одного и того же вопроса, уточнений (Saying?; Saying what?; Meaning?), отличной от ожидаемой эмоциональной реакции адресата, в том числе выраженной паралингвистическими средствами.

Причинами возникновения коммуникативных неудач могут стать как лингвистические факторы, связанные непосредственно с языковой организацией коммуникативного взаимодействия, так и различные нелингвистические «помехи». Для преодоления непонимания необходимо определение причины (области) возникновения проблемы с последующим на нее воздействием.

Анализ коммуникативных стратегий в аспекте компенсаторности (направленности на устранение непонимания), предполагает выделение в составе основного макроакта как коммуникативного события, так называемого компенсационного коммуникативного акта. Последний представляет собой совокупность этапов, объединенных общей целью (преодоление коммуникативной неудачи), где важными являются как внелингвистическая фаза, так и фаза внешней речи (собственно воздействие на коммуникативную неудачу).

Причины возникновения непонимания могут быть соотнесены с лингвистической и нелингвистической составляющими коммуникативного процесса. Рассмотрим каждую из них подробнее.

Обратимся к примеру, иллюстрирующему первый тип. В нем возникновение непонимания обусловлено ненормативным звуковым оформлением, а именно, неправильной постановкой ударения в слове *sharpie*. Источник проблемы находится в области языкового оформления высказывания. Адресант корректирует адресата и объясняет правильный вариант постановки ударения в слове и затем верно его произносит: No. *Sharpei*. Accent on the last syllable.

Patrick: 'It's a sharpei, right?'

The man: 'No. Shar-pei.'

Patrick: 'Shar-pei?'

The man: 'No. *Sharpei*. Accent on the last syllable.'

Patrick: 'Well, whatever. It's a beautiful animal.' [4. С. 158].

В следующем примере непонимание связано со второй группой факторов:

Momo: 'It's a flirtation?'

Kate: 'Yes, only we don't flirt. It's like courtly love.'

Momo: 'The one who was married to Kurt Cobain?'

Kate: 'Courtly love, Momo. *Courtly*. Did you ever read any Chaucer at school.'

She shakes her head [5. С. 150].

Как видим, непонимание обусловлено фонетическим созвучием лексических единиц *courtly* и *Courtnie* (бывшая супруга Курта Кобейна Кортни Лав), в основе которого лежит различие в фоновых знаниях коммуникантов, связанное с их возрастными характеристиками.

Выделение источников коммуникативных неудач в соответствии с составляющими интеракции предполагает выявление компенсационных стратегий, также соотносимых с этими составляющими. Организация речевого взаимодействия при этом напрямую связана с уровнем лингвистической компетенции коммуникантов.

В рамках компенсационного коммуникативного акта умение скорректировать и оформить высказывание играет немаловажную роль. Хотя языковые ошибки и оговорки не оказывают значительного влияния на процесс коммуникации, они способны снизить

эффективность речевого взаимодействия. При устранении такого вида непонимания адресант использует стратегию, которую правомерно определить как конверсационно-корректирующую.

Simon: 'I got your note, Uncle Ted. I haven't told a soul. I wouldn't of anyway.'

Ted: 'Wouldn't have,' I muttered.

Simon: 'Oh, sorry. I never get that right.' [6. С. 351].

В приведенном фрагменте имеет место непонимание, вызванное нарушением употребления грамматической формы сказуемого, для преодоления которой адресант использует конверсационно-корректирующую стратегию, уточняя глагольную форму *wouldn't have* и выделяя смысловым ударением вспомогательный глагол *have*.

Несмотря на то, что нарушения понимания, связанные с лингвистическим оформлением высказывания, в материале выборки представлены довольно широко (40%), основные источники коммуникативных неудач все же находятся в культурологической, социальной и личностной плоскостях, то есть связаны с личностью коммуникантов. При попытке устранения «проблемы» подобного рода адресант воздействует на систему ценностей адресата. При этом адресант, как правило, пользуется информационно-аддитивной стратегией, суть которой заключается в сообщении необходимой информации и заполнении информационного вакуума.

The Rum and Milk: 'Was your distant connection Wilmot a midget?'

Mr.Mulliner: 'No. He was a Nodder.'

The Rum and Milk: 'A what?'

Mr.Mulliner: 'It is not easy to explain the lay mind the extremely intricate ramifications of the personnel of a Hollywood motion-picture organization. Putting it as briefly as possible, a Nodder is something like a Yes-Man, only lower in the social scale. A Yes-Man's duty is to attend conferences and say "Yes". A Nodder's, as the name implies, is to nod. The chief executive throws out some statement of opinion, and looks about him expectantly. This is the cue for the senior Yes-Man to say yes. He is followed, in order of precedence, by the second Yes-Man – or Vice-Yesser, as he is sometimes called – and the junior Yes-Man. Only when all the Yes-Men have yessed, do the Nodders begin to function. They nod.' [7. С. 215].

Для приведенного фрагмента характерно непонимание, возникшее в результате различия в объеме тезауруса коммуникантов,

а именно, незнания одним из них значения слова *Nodder*. Для достижения понимания используется информационно-аддитивная стратегия – сообщение необходимой информации.

В ходе анализа фактического материала было выявлено, что в случае, если источником непонимания служат внешние факторы общения, а именно, ситуация, третьи лица, дистантность коммуникации, говорящие прибегают к использованию паралингвистических средств. Однако при этом, как правило, невербальные средства сопровождают передачу информации, способствуя достижению понимания. Таким образом, среди компенсационных стратегий также возможно выделение коммуникативно-ситуационной стратегии, используемой для преодоления непонимания, вызванного ситуацией общения.

Davey: 'Oh, Uncle Ted,' he kept saying. 'Uncle Ted, Uncle Ted.'

Ted: 'Sh! I've got to concentrate on this f..... car.'

Davey: 'On the string common.'

Ted: 'What?'

Davey: 'On the...steering...column. The windscreen wipers. There.'
[6. С. 332].

В данном фрагменте непонимание обусловлено экстремальной ситуацией общения, в которой адресанту необходима концентрация на управлении машиной. Попытка адресата помочь не реализуется с первого раза, поэтому он использует коммуникативно-ситуационную стратегию: произносит слова медленно и с интервалом ('On the...steering...column. The windscreen wipers. There.').

Преодоление непонимания сопровождается установкой коммуникантов на кооперативное поведение, создание благоприятного эмоционального фона, при этом компенсационные стратегии характеризуются мелиоративностью, являющейся неотъемлемой составляющей устранения непонимания между собеседниками. На основе сказанного можно сделать вывод о том, что в условиях компенсационного коммуникативного акта возможно использование стратегии эмпатии или мелиоративной стратегии. Однако стоит отметить, что данная стратегия, по сути, является сопутствующей и используется в сочетании с информационно-аддитивной, конверсационно-корректирующей и коммуникативно-ситуационной стратегиями в качестве дополнительного ресурса обеспечения понимания.

Michael: 'After all, you're something of a sabra, yourself, Albert.'

Albert was puzzled by this remark. A Jew could only call himself a sabra, he had understood, if he was born in the land of Israel.

A friend: 'Your brother is making a friendly joke, Albert. 'Sabra' is also a word for a kind of fruit. A prickly pear, spiky on the outside but sweet and soft on the inside.'

As good a description of Albert as anyone ever found [6. С. 232].

В вышеприведенном примере непонимание обусловлено тем, что адресат не знает второго значения слова *sabra* – колючая груша. Для заполнения информационного вакуума адресант обращается к другому лексико-семантическому варианту слова *sabra*, проводя параллель между свойствами фрукта и чертами характера Алберта. ('Sabra' is also a word for a kind of fruit. A prickly pear, spiky on the outside but sweet and soft on the inside). Кроме того, для создания благоприятного эмоционального фона адресант реализует мелиоративную стратегию (Your brother is making a friendly joke, Albert). Использование словосочетания *friendly joke (behaving towards someone in a way that shows you like them and are ready to talk to them or help them* [8. С. 610]) создает положительный эмоциональный фон.

Harry: 'Vodafone for Joni? Why a seven-year-old girl receiving a bill from Vodafone?'

Cyd: 'For her *cell*, stupid,' Cyd said. And then, switching to a grotesque parody of a London accent, like Dick Van Dyke in *Mary Poppins*: 'For her mob-bile fone, mayte, innit?' [9. С. 194].

Возникшее из-за различия фоновых знаний коммуникантов непонимание преодолевается посредством уточнения референта и реализации мелиоративной стратегии – употреблением ласкательного какофемизма *stupid* и разговорного апеллятива *matye*.

Что касается количественного соотношения различных источников непонимания, а также стратегий и тактик, используемых для его преодоления, то из 812 диалогических единств, составивших корпус примеров, в 445 фрагментах источник непонимания связан с лингвистической составляющей. В 367 случаях непонимание вызвано лингвистическими причинами (языковыми нарушениями). При этом в основе непонимания, формально соотносимого с неверным языковым оформлением, может лежать экстралингвистический фактор, то есть коммуникативная неудача вызвана двумя источниками. В этих случаях в рамках одного

компенсационного коммуникативного акта пересекаются две стратегии.

Итак, процесс преодоления коммуникативных неудач напрямую зависит от источника их возникновения и осуществляется посредством следующих компенсационных стратегий: конверсационно-корректирующей (языковой контроль); информационно-аддитивной (сообщение дополнительной информации) и коммуникативно-ситуационной (связанной с внешними факторами общения). Сопутствующая мелиоративная стратегия, направленная на создание благоприятного эмоционального фона коммуникации, реализуется в комплексе с вышеперечисленными компенсационными стратегиями. В случае, если возникновение коммуникативной неудачи вызвано двумя источниками, названные компенсационные стратегии могут пересекаться в рамках одного компенсационного коммуникативного акта.

Библиографический список

1. Ringle M., Bruce B. Conversation Failure // Lehnert W., Ringle M. (eds.). Strategies for Natural Language Processing. Hillsdale, New Jersey; Lawrence Erlbaum, 1981.
2. Bosco M.F., Bucciarelli M., Bara G. B. Recognition and Repair of Communicative Failures: A Developmental Perspective // Journal of Pragmatics, 2006. Vol. 38. P. 1398-1429.
3. Шпомер Е.А. Коммуникативные неудачи в диалогическом общении в соотнесенности с коммуникативными законами и типами языковой личности: на материале немецкого языка: Дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2011. 309 с.
4. Ellis B.E. American Psycho. Picador. London, 2006. 384 p.
5. Pearson A. I Don't Know How She Does It. Vintage Books. London, 2011. 384 p.
6. Fry S. The Hippopotamus. Arrow Books. London, 2011. 400 p.
7. Wodehouse P.G. Blandings Castle. Arrow Books. London, 2008. 391 p.
8. Longman Exams Dictionary. Pearson Education Limited. Harlow, 2006. 1833 p.
9. Parsons T. Men from Boys. Harper. London, 2011. 330 p.

Сведения об авторе

Бугрова Светлана Евгеньевна
аспирант кафедры английской филологии,
ассистент кафедры иностранных языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: bugrovalana@mail.ru

УДК 811.112.2'42

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ*

Н.А. Голубева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются языковые единицы, которые реализуют различные виды прецедентности в рамках общей теории прецедентности, раскрываются онтологический признак прецедентности и функциональный статус языковых единиц, которые являются производными знаками, репрезентирующими систему языка на уровне слова и текста в немецком языке.

Ключевые слова: прецедент, прецедентная единица, виды прецедентности, прецедентный феномен, концепция библейской прецедентности.

Precedent Units in Religious Discourse Nadezhda Golubeva

The article analyses linguistic units which represent different kinds of precedence within the general theory of precedence, and describes the ontological characteristics of precedence and the functional status of derived signs, that represent the language system at the word and text level in the German language.

Key words: precedent, a unit of precedence, kinds of precedence, precedent phenomenon, concept of Biblical precedence.

Проблема описания лингвистического статуса прецедентных единиц не теряет своей актуальности на протяжении последних трех десятилетий (В.В. Алпатов, И.В. Бугаева, Д.Б. Гудков, Н.А. Голубева, М.Я. Дымарский, Н.М. Орлова, Г.Г. Слышкин, Т.Н. Тимофеева и др.). Вместе с тем в лингвистике обозначился устойчивый интерес исследователей к изучению конфессиональных особенностей дискурса [1]. Целью настоящей статьи является выявление стилистической маркированности прецедентных единиц на примере религиозного дискурса в немецком языке. Оно направлено на изучение языковых символов прецедентности, которые ориентированы на библейскую концептосферу и имеют значимость в масштабах мировой цивилизации.

* Работа выполнена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, проект 6.8444.2013 «Религиозная сфера коммуникации: дискурсивные особенности, жанры и типы текста».

Дискурс понимается здесь в лингвофилософской традиции Ж. Дерриды, Ю. Кристевой и их единомышленников как стиль, индивидуальный язык (ср. *стиль Достоевского, язык Пушкина, богослужебный дискурс*). «Прецедент» мы понимаем в лингвистическом, широком смысле, а именно, не только как хорошо известные «прецедентные феномены», но и языковые единицы лексического и грамматического уровня, несущие онтологический признак прецедентности. Первые передают энциклопедическое знание, вторые – языковое. Концептуализация любого прецедентного знака возможна в двух проекциях – системно-языковой и дискурсивной (о видах прецедентов см. [2]). В терминологии Н. Хомского это можно соотнести с понятиями «competence» и «performance».

Языковая единица, употребление которой мотивируется путём отсылки к прецеденту любого типа, считается прецедентной. Каждый прецедент в зависимости от характера передаваемого им знания даёт основание различать лексический, эпистемический и грамматический виды прецедентности.

Лексический вид прецедентности определяется производностью языкового знака в рамках вторичной номинации – прямой и косвенной (*Eisen* ← *eisern*; *goldenes Herz*; *ein Tempel der Kunst*), а также повторной номинации в отношениях синонимии (*Vater* ← *Ahn*) как на системном уровне, так и в дискурсе. Значительная роль в актуализации этого вида прецедентности принадлежит лексической языковой и речевой метафоре. Так как лексическая метафора строится на суждении, которое передаёт не только знание ментального лексикона, но и фоновые знания, то она реализует наряду с лексическим видом прецедентности и эпистемический, напр., *Engelsgeduld*, *Potemkinsche Dörfer* (о метафоре как прецедентной единице см. [3]).

Широкая сфера реализации эпистемической прецедентности – прецедентные феномены. Ср.: прецедентный факт – приведенный Л.В. Щербой в 1928 году языковой пример студентам-филологам «Глокая куздра ...».

Грамматический вид прецедентности раскрывается в производности формы, значения и функции грамматической (морфологической и синтаксической) единицы в синхронии и диахронии. Так, союз *weil* в древневерхненемецком языке с исходным

темпоральным значением (сущ. *Weile*) приобрёл позже каузативное значение. В синхронии язык также фиксирует переосмысление исходных грамматических значений, например, функционирование модальных глаголов для выражения эпистемической модальности или образование на синтагматическом уровне любой именной фразы – словосочетания (*Die Zeitung ist gelesen worden (ist gelesen) ← die gelesene Zeitung*).

В свете вышеприведенных теоретических установок посмотрим на реализацию концепции библейской прецедентности в текстах толкования Евангелия от Матфея [4]. В целом, среди библейских символов, которые реализуют эпистемический вид прецедентности, можно выделить прецедентный текст (*Bibel*), прецедентное имя (*Jesus*), прецедентную ситуацию (*die Sintflut*), прецедентное высказывание (*Jedem das Seine!*). Прецедентным фактом является Рождение Христа (*die Geburt Jesu Christi*), а прецедентной моделью – предательство Иуды (*Judas Verrat*) как модель предосудительного поведения человека.

Прецедентное имя (ПИ) получает статус имени-символа, некоего прототипа, указывающего на эталонную совокупность определенных качеств, а потому сродни абстрактному имени. В анализируемом нами тексте – это имена учеников Христа, мест их святых деяний, названия праздников и событий библейского сюжета. Ср.: *der Heilige Geist, Maria, Prophet Jesaja, Nazareth in Galiläa, das Heilige Land, der See Genesareth, Noach, die Klagemauer, Jünger Jesu, Weihnachten, Fest der Heiligen Familie, das Fest der Erscheinung des Herrn, König Herodes* и др. Например:

Als aber die Oberschicht, die Frommen und die Mächtigen, auch begannen, zu ihm zu kommen – **die Pharisäer und die Sadduzäer** – legt Johannes noch einmal kräftig zu [4. S. 27];

In jenen Tagen trat **Johannes der Täufer** auf und verkündete in **der Wüste von Judäa** [4. S. 24].

Прецедентная ситуация (ПС) – это «эталонная», семантическая ситуация, связанная с набором определённых коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в ее когнитивную базу. ПС стоит близко к понятию прецедентной идеи, так как не предполагает повествование о протекании события: *конец света (Судный День, Страшный Суд), всемирный потоп, убийство младенцев (das Ende der Welt, die Sintflut, der Kindermord)*.

Дифференциальные признаки ПС в нижеприведенных примерах (беззащитность, жестокость, всепоглощающее стремление к власти) становятся универсальными, а атрибуты ПС (лодка, младенец) фигурируют как символы ПС:

Wie die Menschen in den Tagen vor der Flut aßen und tranken und heirateten, bis zu dem Tag, an dem Noach in die Arche ging, und nichts ahnten bis **die Flut** hereinbrach und alle wegraffte [4. S. 21];

Aus Angst vor diesem Feind [...] sucht er (Herodes – прим. автора, Н.Г.), dieses Kind zu töten [...] Daher seine Panik, die ihn sogar **zum Mord an allen männlichen Kindern dieses Alters** rund um Bethlehem antreibt [4. S. 42].

Вербализация ПС часто происходит через упоминание прецедентного факта (ПФ), который фиксирует эту ситуацию (положение). Как и ПС, он не имеет сюжета, развёртывающегося во времени, но ПФ еще более статичен, чем ПС. Ср., *Рождение Христа, приход пастухов к Его яслям, путешествие волхвов* и мн. др. Например:

[...] so wird es auch bei **der Ankunft des Menschensohnes** sein [4. S. 21];

Aber nicht Weihnachten, das Fest **der Geburt Jesu Christi**, ist das Thema des heutigen Evangeliums [4. S. 22];

Was erzählten **die Hirten bei der Krippe**? [4. S. 45].

Размышления о сущности, функциях и способах позиционирования прецедентных феноменов в дискурсе во многом, если не во всём, касаются прецедентного текста (ПТ). Это понятие трактуется в лингвистике в основном в рамках «сильного понимания» как наличия вербализованной «презумпции осведомленности» о каком-либо прецедентном событии. ПТ определяется как общеизвестное, устойчивое и узуальное выражение, составляющее когнитивный компонент культуры народа. Цитируемыми прецедентными текстами в анализируемом нами источнике являются тексты Священного Писания, в том числе Евангелие от Матфея, Евангелие от Луки, а также проповеди. Например:

Sind die Berichte **des Neuen Testaments** wahr? [4. S. 13];

Das Evangelium vom Christtag ist einer der feierlichsten Texte **der Heiligen Schrift** [4. S. 37].

Прецедентное высказывание (ПВ) напрямую связано с вопросами «жизни текста», эволюция которого в лотмановском

смысле predetermined «вне зависимости от воли его первоначального создателя» [5. С. 143]. Любой текст, а тем более прецедентный, запрограммирован на включение его в процесс воспроизведения с той или иной степенью активности. Поэтому ПВ традиционно рассматривается как ПТ малой формы, как прецедентное выражение, функционирующее в виде цитат, афоризмов, пословиц и поговорок, а также их дериватов в виде перекрученных мудростей. Например:

[...] warum die einfachen Leute in Galiläa und Jerusalem von ihm sagten: „**Noch nie hat ein Mensch so geredet, wie dieser Mensch redet**“ [4. S. 15].

Прецедентные феномены оставляют заметный след в развитии ментального лексикона. На примере рассмотренных прецедентных ситуаций можно говорить об их роли в появлении фразеологических единиц, которые в современном языке функционируют как метафоры (*избиение младенцев, Ноев ковчег, конец света*). Интересным с точки зрения функционирования ПВ представляется также происхождение многих цитат, превратившихся со временем во фразеологизмы, таких как *петь Лазаря, корень зла, козел отпущения; кто сеет ветер, тот пожнет бурю*. Подобные выражения связаны с прецедентным текстом – Библией. Но сегодня они не являются цитатными, так как утратили непосредственную связь с текстовым источником. Та же судьба постигла выражение *быть братом по несчастью*, которое в современном лексиконе отделилось от библейского описания духовных подвигов Иоанна Крестителя, которые засвидетельствованы в нижеследующем примере:

Da ist Johannes wirklich **ein Bruder in der Not** [4. S. 30].

В подобных фразеологизмах поверхностно-синтаксические отношения теряются, а глубоко-синтаксические связи с производящим (первичным) текстом и вовсе не просматриваются. Как производные, эти фразеологизмы стали привычными и цельными номинациями в силу их устойчивости, узнаваемости и воспроизводимости в готовом виде, а потому являются прецедентными единицами, которые реализуют лексический вид прецедентности.

Как сказано выше, лексический вид прецедентности передается единицами вторичной, а также повторной номинации. Продуктивными средствами вторичной номинации в религиозном

дискурсе являются дериваты, образованные аффиксальным способом, сложные слова, стяжения, а кроме того, метафоры (см. примеры выше). И далее:

Sind sie **glaubwürdig, zuverlässig**? [4. S. 12] ← Natürlich ist die Frage der historischen **Zuverlässigkeit**, der geschichtlichen **Glaubwürdigkeit** der Evangelien wichtig [4. S. 12];

[...] ist wirklich wahrer Gott und wahrer Mensch, den der Engel „Emmanuel“, „**Gott-mit-uns**“ genannt hat [4. S. 34].

Роль повторной номинации в организации анализируемого текста не менее значительна. Повторная номинация есть «наименование уже ранее обозначенного в данном контексте денотата: лица, предмета, действия, качества» [6. С. 524]. Для иллюстрации повторного обозначения образа Иисуса Христа приведем фрагмент текста:

Ist der Jesus, [...] auch wirklich **jener Mann aus Nazareth in Galiläa**, der uns der [...] [4. S. 12];

Bei Jesus haben seine Jünger aber gelernt, dass Wahrhaftigkeit eine Folge der Wahrheitsliebe **des Meisters** ist [4. S. 13];

[...] dass Jesus zwar **der Messias** ist, aber ganz anders [4. S. 14].

Анализ дальнейшего текста формирует продолжение номинативной цепочки повторных обозначений Христа – *der Herr, der Sohn des lebendigen Gottes, der Menschensohn, der Retter, der Erlöser, der neugeborene König der Juden, der Gesandte*. Аналогичные номинативные ряды возникают и для обозначения других денотатов святынь, например: *das Himmelreich – das Paradies; ein Kommen Gottes – ein Advent; Johannes der Täufer – Vorläufer Jesu, Wegbereiter*, а также элементов библейского сюжета, например, *die Pharisäer und die Sadduzäer – Schlangenbrut*.

В рамках грамматического вида прецедентности мы различаем морфологический и синтаксический типы. Но грамматический вид прецедентности во многом выражается через словообразование. Так, весомое число суффиксов (*-fähig, -haft, -ig, -lich, -wert, -würdig* и др.) в сочетании с отглагольными прилагательными выражают пассивное значение и являются грамматическим синонимическим средством формы пассива. Например:

[...] dass die Evangelien in einer **unglaublich** ehrlichen und schonungslosen Weise über die Fehler der Jünger Jesu berichten [4. S. 13].

Языковым инструментом реализации грамматической синонимии является конверсия в форме субстантивации, адъективации, прономинализации как формы проявления мены грамматических значений. Например:

Er kam in sein Eigentum, aber **die Seinen** nahmen ihn nicht auf [4. S. 36].

Грамматической метафорой объясняется употребление неопределённого артикля с именами абстрактными, обозначающими процессы, действия, состояния. Он наделяет эти существительные грамматической семой «новое», «неожиданное», «неизведанное», по образному выражению Е.И. Шендельс, «как будто впервые виденное» [7. С. 213]. Например:

Dann ist jeder Tag kostbar, **ein** Kommen Gottes [4. S. 23].

Для объективации косвенной речи, то есть воспроизведения прецедентного смысла, служит форма Konjunktiv I и уже в этом заключается её прецедентная функция. Вместе с тем она обусловлена перекатегоризацией лица, которая строится на столкновении двух грамматических значений (1-е и 3-е л. ед. ч.). Например:

Es wird nicht gesagt, Maria **habe** über all das viel **diskutiert** [4. S. 46].

Синтаксический тип грамматического вида прецедентности реализуют эллиптические конструкции с имплицитной предикативностью, в которых опущенные синтаксические элементы являются нулевыми единицами. Например:

Als König Herodes das hörte, erschrak er **und mit ihm ganz Jerusalem** [4. S. 48] ← [...], erschrak er und mit ihm (*erschrak*) ganz Jerusalem.

Способом реализации грамматического вида прецедентности является инверсия (пермутация). Она предусматривает изменение позиции грамматических элементов предложения без изменения общего смысла. В инверсии усматривается способ мены коммуникативной перспективы высказывания (тема-рематической прогрессии):

Durch das Wort, den Sohn, hat Gott alles geschaffen [4. S. 38] ← Gott hat alles durch das Wort, den Sohn, geschaffen.

Целесообразным представляется здесь также краткий анализ вставных конструкций. Например:

Oder wir halten uns bereit, **nicht in Angst und Panik, sondern in Vorfreude**, einmal [...] zu Gott heimkehren zu dürfen [4. S. 23] ← Oder wir halten uns bereit, einmal [...] zu Gott heimkehren zu dürfen. Es soll nicht in Angst und Panik, sondern in Vorfreude sein.

По своему синтаксическому типу приведенный пример является простым предложением, осложнённым парентетической вставкой. Вместе с тем, как убеждает элементарная транспозиция, в нем явно просматривается пропозитивная близость к соответствующему сложному предложению, то есть первое является семантико-синтаксическим «свёртком» последнего (о синтаксических прецедентных единицах см. подробнее [8].)

Представленный фрагмент научного поиска предпринят в русле общей теории прецедентности и концепции библейской прецедентности. Его результаты указывают на специфику прецедентного пространства, которое актуализируют прецедентные языковые единицы. Они передают процесс познания предметной области, отраженной в Библии, и воплощают эту реальность в слове и дискурсе. Религиозный дискурс является продуктивной стилистической сферой языка для реализации постулируемых в статье видов прецедентности.

Библиографический список

1. Плисов Е.В. Композиционные и лексико-грамматические особенности священнической молитвы на часах (на примере немецких католических молитв) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. Т. 70. №6. С. 87-91.
2. Голубева Н.А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы: Монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. 401с.
3. Нуждина А.В. Метафорическая номинация как прецедентная единица // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV: Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: Материалы Всеросс. науч. конф. 11-12 апреля 2013 года. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 992-995.
4. Schönborn Ch., Kardinal. Mein Jesus. Gedanken zum Evangelium. Wien: Molden Verlag, 2002. 285 S.
5. Лотман Ю.М. Тезисы к проблеме: Искусство в ряду моделирующих систем // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 198. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1967. С. 143-146.

6. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.

7. Шендельс Е.И. Избранные труды: К 90-летию со дня рождения. М.: МГЛУ, 2006. 352 с.

8. Борисова Д.А. Парентеза как экспрессивный способ формирования прецедентных смыслов // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Вып. 20. Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2012. С. 11-21.

Сведения об авторе

Голубева Надежда Александровна
доктор филологических наук,
профессор кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: nagol@mail.ru

УДК 811.112.2'42:159.955

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ КАУЗАЛЬНЫХ СОЮЗОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Г.А. Калмыкова

*Ульяновский государственный педагогический университет
им. И.Н. Ульянова, Ульяновск*

В статье рассматриваются вопросы процесса грамматикализации каузальных союзов, маркирующих отношение причинной обусловленности. Рассматриваются изменения в составе союзов и союзных слов в диахроническом аспекте на протяжении древневерхненемецкого, средневерхненемецкого и ранненовонемецкого периодов. Исследуемые союзы прошли три последовательные стадии от лексических единиц до маркеров обусловленности, накапливая изменения в зависимости от контекстного окружения.

Ключевые слова: грамматикализация, каузальные союзы, диахронический аспект, маркеры обусловленности.

Impact of Grammaticalization on the Formation of Causal Conjunctions in German Galina Kalmykova

The paper looks at grammaticalization of causal conjunctions, which mark cause-and-effect relations, and considers diachronic changes in conjunctions and conjunctive words from the old and middle Hochdeutsch through to the early new Hochdeutsch periods. The research shows that in that time period German conjunctions passed through three consecutive stages, from lexical units to causality markers, accumulating changes depending on their context.

Key words: grammaticalization, causal conjunctions, diachronic change, causality markers.

Процессы грамматической эволюции обозначаются в лингвистике термином «грамматикализация». В последнее время (приблизительно с начала 1980-х годов) вопросы грамматикализации находятся в фокусе внимания лингвистов и являются предметом интенсивного теоретического обсуждения. Суть этих процессов заключается в превращении лексической единицы в грамматический показатель. Закономерности грамматикализации выявляются на примере диахронических и типологических исследований.

Наша статья посвящена вопросу становления и грамматикализации союзов, которые маркируют в немецком языке причинно-следственные отношения. Проблема грамматикализации причинно-следственных союзов в немецком языке до настоящего

времени не обсуждалась широко. Так, в статье М. Зеттинг (1999) сравнивается порядок слов после союзов *wanta* (древневерхненемецкий) и *weil* в диахроническом аспекте [1]. Исследуется выражение «недейственной причины» в системе причинно-следственных отношений на примере становления concessивных союзов [2. С. 187-195]. Косвенно проблема грамматикализации причинно-следственных союзов затрагивается в работах К. Голь и С. Гюнтнер (1999) [3], а также Д. Барт-Вайнгартен и Э. Купер-Кулен (2002) [4].

Ключевыми работами по «теории грамматикализации» являются, прежде всего, работы К. Леманна, Б. Хайне, П. Хоппера и Э. Трауготт, а также работы Дж. Байби и Э. Даля по типологии грамматических категорий в языках мира [5. С. 11]. Основные идеи, выдвинутые лингвистами в области грамматикализации, связаны с немецкой лингвистической мыслью, хотя положения грамматикализации и сам термин впервые были употреблены А. Мейе (A. Meillet «L'evolution des formes grammaticales», 1912) [6; 7], однако в то время его идея не нашла поддержки. Лишь в середине 70-х годов XX века немецкий лингвист К. Леманн из университета Кёльна в своей небольшой работе «Размышления о грамматикализации» («Thoughts on Grammaticalization») положил начало исследованиям в этом направлении. Её второе издание вышло в университете Эрфурта в 2002 году [6].

Грамматикализация предполагает изменение и приобретение лексическими единицами в определенных контекстах грамматических функций, которые, будучи грамматикализованными, продолжают эти функции выполнять [8. С. 18]. Е. Курилович в 1965 г. так определяет этот процесс: «Грамматикализация состоит в повышении ранга морфемы, продвигающейся (*advancing*) от лексического к грамматическому или от менее грамматического к более грамматическому статусу» [6. С. 6]. Особенностью грамматикализации является наличие ограничений в выборе лексем, которые подвергаются этому процессу, поэтому круг лексем-источников грамматикализации достаточно ограничен [9; 10. С. 7-8; 11. С. 9-10].

Как уже упоминалось, грамматикализацию можно изучать как с диахронической, так и с синхронической точек зрения. Первый подход следует по пути наблюдений за тем, как определенная

лексическая единица приобретает статус функциональной категории. Второй подход заключается в том, что исследуемый образец рассматривается на определенной стадии истории языка. Важным в исследовании этих процессов является связь с семантикой, многозначностью и синкретизмом нескольких значений, заключенных в одной единице. В результате грамматикализации лексическое значение грамматикализованной единицы сокращается, то есть подвергается «десемантизации» или «выцветанию» (bleaching) [12. С. 62].

Г. Дивальд доказывает, что решающая роль в процессе грамматикализации принадлежит контекстам, их разнообразию [13]. Исходя из этого, она предлагает модель, в которой в хронологическом порядке выделяются три стадии грамматикализации.

Первая стадия – это «предварительные условия грамматикализации», когда из определенного контекста, в который погружено слово, выводится нетипичное для него значение, заданное этим контекстом.

Вторая стадия – «прохождение грамматикализации». Для данной стадии характерно наличие критических контекстов. Грамматикализованные лексемы представляют собой систему многочисленных, но не всегда ясно выраженных значений.

Третья стадия грамматикализации представлена как «реорганизация и дифференциация». Она осуществляется в «изолирующих контекстах», и функции грамматикализованных лексем при этом либо полисемантические, либо гетеросемантические.

Рассмотрим обозначенные стадии применительно к диахроническому аспекту формирования причинно-следственных союзов в немецком языке. В качестве предварительного замечания следует отметить, что все изменения, которые представлены в истории языка, – это уже зафиксированные изменения, являющиеся образцами письменной речи. В устном варианте языка данный процесс занял не одну сотню лет.

Первая стадия грамматикализации характеризуется нетипичным контекстом, при этом сам грамматикализованный элемент выполняет функцию триггера речевой импликатуры. Так, в древневерхненемецком периоде основным значением слова *h[wīla]* было «покой», «передышка», «перерыв». В это же время лексема *h[wīla]* стала активно использоваться в сочетании *dia wīla so* («в

период времени, когда») [14. С. 807]. Синтаксическое расширение валентности лексемы позволило использовать ее в новом качестве – указание на время в подчиненном предложении. В средневерхненемецкий период, с XV в. [15. С. 357], союз *wîle* стал использоваться и в качестве маркера обоснования. Вплоть до XVII в. наряду с темпоральным значением союз имел каузальное значение [16. С. 128], которое принимало также форму *dieweile* («solange», «während»), сохраняя наряду со значением обоснования темпоральное значение одновременности [15. С. 357].

Союз *thiu*, например, в разных контекстах имел разное значение. Так *mit thiu* у Татиана маркирует темпоральные, каузальные и уступительные отношения [15. С. 217]: *Uuad thô, mit thiu her ...* [16. С. 121] (*Es geschah da, weil er ...*).

Сочетание союза *thiu* с другими формальными словами имеет различные каузальные значения: *bi thiu* («deshalb»; «weil»), *in thiu* («unter der Bedingung dass»; «wenn»), *ze thiu daz* («damit»), *mit thiu* («während»): ...*inti gilegita inan in crippea, bithiu uuanta im ni uuas ande stat in themo gasthûse* («...und legte ihn in eine Krippe. Denn ihnen war keine andere Stelle in dem Gasthaus») [15. С. 363, 365].

Союз *thiu* с контактными конститuentами характерен для текстов Татиана. В других памятниках такой союз не встречается, но каузальные отношения маркируются союзами *sô, sar, thô, thâr, thane*.

В древневерхненемецкий период самостоятельное значение начинает приобретать форма *so*, которая временами выступает как самостоятельный союз с темпоральным, уступительным и причинным значениями, например: *So si in ira hus giang* (*Als sie in ihr Haus ging*) [17. С. 64].

Значение условия маркируется у Ноткера союзом *sôse (sôso)* «как», «(равно) как и», «а также», «как только», «как будто бы», «когда» [18. С. 269]:

*Sôse snél snéllemo pegágenet ándermo
Só uuirde sliemo firsnitén sciltriemo
(Wenn ein Tapferer einem anderen
Tapferen begegnet, so wird schnell der
Schildriemen zerschnitten)* [16. С. 185].

У Ноткера в переводе Бозция встречаем и союз *uuande* в каузальном значении: *Tés ist óuh túrft, uuánda mir ist úngeuuândo...* (*Das ist auch notwendig; denn mir ist unerwartet...*) [16. С. 116, 314].

В рифмованной поговорке древневерхненемецкого периода также используется союз *uuanda*, чтобы присоединить аргументированное утверждение:

Nisal nieman then diubal uorhtan,
uuanda her nemach manne scada sin, ...

(Niemand muss den Teufel fürchten,
denn er kann keinem Menschen Schaden tun, ...) [16. С. 155].

Наречный союз *dô* («когда», «тогда», «в то время как») соединяет в себе значения темпоральности и каузальности:

Dô sich Hagenen bruodar der slüzel underwant,
sô manige rîche gâbe bôt des heldes hant

(Als im Besitz der Schlüssel Hagens Bruder war,
Bot er reiche Gaben mit offenen Händen dar) [16. С. 147, 315].

Процесс грамматикализации затронул и лексему *als(o)*, которая, по наблюдениям Н.П. Еремеевской, соединяла в себе в средневерхненемецкий период такие значения, как временное, причинное, следствия, условия, сравнения, пропорционального сравнения, ограничительное; союзная синтагма *als verre* соединяла временное, условное и ограничительное значения и т.д. [19].

Современный союз *ob* прошел длительный путь грамматикализации. В древневерхненемецкий период союз *ibu* (его вариантами в древневерхненемецком были *ipu*, *ubi*, *obe*; в средневерхненемецком *ob(e)*, *op*) в разных контекстах имел значения «если», «как будто», «хотя (и)», «ли» [18. С. 245], к нововверхненемецкому периоду уже утвердился в значении «ли» (*ob*). Хотя в древневерхненемецкий период он широко использовался как условный союз (*oba*, *ube*): *ob* wir iht haben vriwende, di werdent sciene besant (Nibel., 57) (*wenn* wir irgendwelche Freunde haben, so werden die sofort durch Boten herbeigerufen) [16. С. 129].

Так, в *Straßburger Eide* (842 г.), договоре между Людвигом Немецким и Карлом Лысым против их брата Лотара, встречается вариант *oba* в значении условия:

Oba Karl then eid, then er sinemo bruodher Ludhuuuûge gesuor... [18. С. 37] (*Wenn* Karl ein Vertrag, in dem er bei seinem Bruder Ludowig schwört...).

Договор был написан на старофранцузском (*romana lingua*), а затем и на немецком (*teudisca lingua*), точнее, на рейнско-франкском диалекте. Союз *ibu* в значении условия встречается в самом старом

издании *Lex Salica*, латинский вариант которого датируется 507-511 гг., а его перевод на немецкий язык примерно 800 годом: ...*ibu ðanne in ðrittiû stîgu forstolan wirðit, gelte sol XV, forûzzan haubitgelt inti wirðriûn...* [15. С. 32] (*wenn es aber in dem dritten Gehege gestohlen wird, zahle er 15 Schillinge, außer dem Wertersatz und dem Weigerungsgeld*).

Существовали также некоторые подчинительные союзы, которые образовались не от местоименных корней или, по меньшей мере, сильно деформировали новые соединения. Это характерно для союзов *ob*, *ibu* в стяженных формах *nuba*, *niba* (уступительно-ограничительное: *es sei denn; wenn nicht; wenn auch, nicht* и т.д.).

Замечено, что в текстах древневерхненемецкого периода все старые союзы, которые выражали темпоральное или локальное значения, выражают синкретично каузальные, concessивные и условные значения [8. С. 217]. Так, в предложении из Отфрида мы находим союз *thaz*, который присоединяет предложение со значением цели: *Tho druhtin Krist giboran uuard..., thaz blidi ...* [15. С. 217] (*Herr Christ geboren war..., damit Freude...*).

С древневерхненемецкого периода до настоящего времени сохранилось значение каузатива у глагола *machen*, который входит в небольшую группу каузаторов наряду с *bringen*, *zwingen*, *lassen* [20]: *Liebe machete schœne wip* (Walter von der Vogelweide) [15. С. 397]. (Ср. Th. Fontane: “Und Schaffen *macht* Freude” [21. С. 104]; или W. Borchert: *Es ist der Oberst, der mich mit seinem alten Anzug zum neuen Menschen machen wollte* [22. С. 53]).

Многие причинно-следственные союзы в немецком языке сформировались на основе наречий, которые означали либо время (*weil*, *als*, *wenn*), либо пространство (*wo*, *da*, *denn*). Предлоги пространственной векторности и ориентации, такие как *von*, *zu*, *aus*, *in*, также в определенных контекстах (в сочетании с определенными именами существительными) приобретают значение причинности. Почти все союзные формы могли быть использованы не только в гипотаксисе, но и в паратаксисе, так что необходимы были дополнительные средства (вышеприведенные словоформы и, прежде всего, место в предложении) для того, чтобы элементарное предложение трансформировалось в придаточное.

Несмотря на полифункциональность и многозначность союзов, существуют попытки определить разряды, характерные для

древневерхненемецкого периода, например, приводится следующая классификация:

- сочинительные союзы: *inti, ouch, ioh, doh, abur, odo*;
- подчинительные союзы: *thaz, ibu, obe, oba, thô, alsô, êr, sô oftô sô*;
- темпоральные союзы: *sô, alsô, sâr, thô, thâr, thanne* [16. С. 127-129].

В древневерхненемецкий период происходит преимущественно становление контекстов, в которых закрепляется способность выделенного слова маркировать факт подчиненности одного суждения другому, но одновременно происходит и «расширение интерпретационного пространства грамматической единицы» [2. С. 74]. Признаками грамматикализации единиц на морфологическом уровне, согласно исследованиям Н.А. Голубевой [2. С. 74], являются концентрация конstituентов в пределах одной пропозиции, как *dia wîla so, bi thiu, in thiu, mit thiu, ze thiu daz*, или слитное написание конstituентов, как в случаях *bithiu, sôso, nuba* или *dieweile*.

Следует заметить, что количество подчинительных союзов в древневерхненемецкий период было немногочисленным и в процессе развития все они либо ушли из словарного состава языка, либо трансформировались, закрепив за собой значение формального маркера определенных отношений. К ним относятся, например, *ibu / oba* («wenn»), *nuba* («wenn nicht»), *uuanta (wanta) / bithiu uuanta* («weil» / «denn»), *sîd* («seitdem»; «darauf»; «weil»), *zi thiu daz* («damit»), *sus* («so»), *sôso, sôse* («wie», «so wie», «als ob»), *wanân, wanana* («woher», «warum»), *wio* («wie», «wie wenn»), *ziu* («warum»).

Вторая стадия, «прохождение грамматикализации», характеризуется наличием критических контекстов. Рассмотрим это на примере словоформы *thaz*, которая занимает особое место среди средств, служащих оформлению придаточного предложения. Лексема *thaz* представляет собой систему многочисленных, но не всегда ясно выраженных значений. В указательно-обобщающей функции *thaz* встречается и как член главного предложения, и как указатель придаточного предложения и может равным образом стоять в обоих предложениях, в этом случае в главном предложении *thaz* выполняет функцию коррелята. Но во многих случаях эта форма стоит между обоими предложениями и может представлять собой вид предложений *aro koinu* (вид наддиалектных предложений). Уже в

древневерхненемецкий период стало выявляться чрезвычайное семантическое богатство формы *thaz* в качестве средства связи [15. С. 217]. В «Песне о Гильдебранде» («Das Hildebrandslied»), несмотря на ее краткость, с помощью *thaz* строились придаточные дополнительные предложения, предложения цели и уступки. У Отфрида и Ноткера конструкция с *thaz* овладела почти всем спектром семантических подвидов придаточных предложений со структурными и логическими связями между придаточным и главным предложениями: здесь есть субъектные и объектные придаточные предложения, относительные, модальные, причины, цели, ограничительные, а также инструментальные и придаточные предложения времени. Конечно, в этом помогают и другие компоненты. Так, например, существовали конструкции *bi, in, zi thiū thaz* со значением причины и цели и многие более новые образования (ср. *bi thiū thaz ih irdualta* (weil ich versäumte) [17. С. 65]. В средневерхненемецкий период расширяются рамки контекстных значений *daz*. Сочетание *durch daz* имеет значение «damit», *umbe daz* приобретает значение «weil».

Таким образом, к средневерхненемецкому периоду союз *daz* являл собой крайнее проявление многозначности. Он вводит придаточные предложения всех функций, то есть используется лишь в качестве маркера подчинения [19. С. 136]. О завершении процесса десемантизации союза *daz* свидетельствует его сокращенная форма *dz* в литературных памятниках того времени (ср.: «Volksbuch vom Till Eulenspiegel» [15. С. 405]).

В средневерхненемецкий период в поэтических текстах часто встречается конструкция, которая также широко употребляется и в современном языке: *so..., daz* («so..., dass»):

... ein vogellin *sô* wol getân

daz ist der linden an *daz* zwi gegân («Her Dietmar von Eist») [15. С. 395].

Круг контекстов, в которых используется данная синтаксическая структура, ограничен и предполагает наличие скалярного свойства, вводимого коррелятом *so* (*so schön, so fleißig, so laut*), которое находит свое разрешение в присоединенном суждении, маркированном *daz*.

В ранненововерхненемецкий период наблюдается реорганизация и дифференциация значений грамматикализованных единиц. Это, по мнению Г. Дивальда, является признаком третьего

этапа грамматикализации. Так, в языке М. Лютера появляются формы, идентичные современным. Источником его языка послужил канцелярский язык Саксонии, который «унаследовали короли и князья Германии» [15. С. 106]. Тенденция к формально-синтаксическому различию между главным и придаточным предложением получила у М. Лютера четкое выражение в употреблении союзов. Вымирающие *wande / wan* заменено *denn* и *weil* в придаточном предложении: *und leget jn in eine Krippen, Denn sie hatten sonst keinen Raum in der Herberge; alle diese Schuld habe ich dir erlassen, die weil du mich batest* [15. С. 109].

В ранненововерхненемецкий период уже сформировалась вполне определенная группа подчинительных союзов. Круг контекстов, в которых они употреблялись, стал более дифференцированным, хотя и продолжает наблюдаться многозначность некоторых союзов. К ним относятся: *also* («ganz so», «ebenso», «so», «folgendermaßen», «nämlich», «wie»), *darmede* («damit», «auf diese Weise»), *y ...y / ye ...ye* («je ...desto»), *seit den malen das ... wes* («wenn...weshalb»), *wan / wann* («als», «weil», «denn»), *weyl* («seitdem», «solange», «während»), *efte* («wenn», «wenn doch», «ob», «oder»), *wente* («denn», «bis»).

На позднем этапе ранненововерхненемецкого языка система подчинительных союзов становится все более определенной. Некоторые из союзов не имеют стилевых ограничений и встречаются в произведениях разных стилей: *weil*, *ob*, *wenn*, *daß* (и разные сочетания с *daß*), *wofern*, *obzwar* и т.д.

В отличие от диахронического аспекта, когда языковые факты предстают лишь в установившемся, зафиксированном виде, синхроническое исследование процессов грамматикализации позволяет наблюдать условия непосредственного функционирования лексической единицы и ее десемантизации. Так, наблюдения исследователей показывают, что модальная частица *ja* все чаще выполняет в текстах функцию дискурсивного инференциального маркера. В этой функции частица сигнализирует об определенной аргументации, включенной в высказывание, или выполняет дейктическую функцию ссылки на источник информации, которая используется в качестве аргумента.

Процесс перехода союзов в разряд дискурсивных маркеров также исследуется в современной германистике. Так, К. Голь и

С. Гюнтнер рассматривают процесс перехода немецких союзов *obwohl* и *weil* в разряд дискурсивных маркеров, то есть исследуют переход от грамматической функции к истинной конверсационной, речевой, прагматической функции [3]. По аналогии с грамматикализацией речь идет уже о «прагматикализации». Д. Барт-Вайнгартен и Э. Купер-Кулен считают, что прагматикализация и грамматикализация связаны таким образом друг с другом, что прагматикализация является частным случаем, или подтипом грамматикализации. Они считают, что грамматической функцией дискурсивных маркеров является их способность организовать дискурс [4]. Вторая проблема связана с полисемичностью дискурсивных маркеров, поскольку необходимо решить, относятся ли они к одному классу слов или это омофоны, которые в разных контекстах выполняют разные функции.

Итак, грамматикализация проходила через стадию первичного сосуществования различных значений в одной лексеме к стадии, в период которой с помощью контекстуальных средств отсекаются многочисленные значения в пользу одного. Истоки многозначности союзов и союзных слов следует искать в истории языка. На вопросы о развитии системы сложного предложения, об оформлении специальных маркеров, о семантическом синкретизме можно получить обоснованный ответ, только обратившись к фактам истории языка, поскольку сутью языка является то, что он «находится в постоянном изменении» [23. С. 369] и зависит от исторических событий.

Исследование диахронических процессов на примере маркеров причинно-следственных отношений в немецком языке показало, что лексические единицы прошли три основные стадии: на первой стадии нетипичный контекст позволял слову проявлять нетипичное значение (как, например, слова с семантикой времени или пространства, включенные в цепочку последовательных событий, передают отношения не только темпоральности, но и обусловленности); второй этап характеризуется накоплением разнообразных контекстов, в которых эти нетипичные значения закрепляются; и на третьей стадии осуществляется дифференциация сформированных маркеров в изолирующих контекстах.

Библиографический список

1. Setting M. Ahd. „wanta“ + Verbletzt- / Verbzweitstellung und gwd. „weil“ + Verbletzt- / Verbzweitstellung – historische Kontinuität oder neuer Sprachwandel // *Zeitschrift für germanistische Linguistik* 27. 1999. S. 167-204.
2. Голубева Н.А. Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке: Дис. ... докт. филол. наук. Нижний Новгород, 2010. 417 с.
3. Gohl Ch., Günthner S. Grammatikalisierung von „weil“ als Diskursmarker in der gesprochenen Sprache // *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. Nr 18. 1999. S. 39-75.
4. Barth-Weingarten D., Couper-Kuhlen E. On the development of final though: A case of grammaticalization? // *New Reflections on Grammaticalization* / I.Wischer, G.Diewald (eds.). Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 2002. P. 345-361.
5. Майсак Т.А. Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // *Вопросы языкознания*. 2000. № 1. С. 10-32.
6. Lehmann Ch. Thoughts on Grammaticalization // *Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft der Universität Erfurt*, Nr 9. Erfurt, 2002. 171 S. (i-ix).
7. Lehmann Ch. Grammaticalization: Synchronic Variation and Diachronic Change // *Lingua e Stile* 20 / Seminario “Grammaticalizzazione”, Istituto di Glottologia, Università degli Studi, 25-29.03.1985. Pavia, 1985. P. 303-318.
8. Hopper P.J., Traugott E.C. Grammaticalization. Cambridge: CUP. 2003. 277 p.
9. Heine B. On the role of context in grammaticalization // *New Reflections on Grammaticalization. Typological Studies in Language* 49 / I. Wischer and G. Diewald (eds.). Amsterdam: Benjamins, 2002. P. 83-102.
10. Traugott E., Heine B. Introduction // *Approaches to grammaticalization* / E.C. Traugott & B. Heine (Eds.), Vol. 1. Amsterdam: Benjamins, 1991. P. 1-14.
11. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 398 p.
12. Nakayasu M. The Pragmatics of Modals in Shakespeare // *Polish Studies in English Language and Literature* / J.Fisiak (ed.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. 287 p.
13. Diewald G. A modal for relevant types of context in grammaticalization // *New Reflections on Grammaticalization. Typological*

Studies in Language 49 / I. Wischer and G. Diewald (eds.). Amsterdam: Benjamins, 2002. P. 103-120.

14. Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Bibliografisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 1997. 843 S.

15. Geschichte der deutschen Sprache / Verfaßt von einem Autorenkollektiv unter Leitung von W. Schmidt. Berlin: Volk und Wissen, 1970. 428 S.

16. Рахманова Н.И., Цветаева Е.Н. История немецкого языка: Учебное пособие. М.: Высш.шк., 2004. 334 с.

17. Admoni W. Historische Syntax des Deutschen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1990. 287 S.

18. Чемоданов Н.С. Хрестоматия по истории немецкого языка. М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1953. 346 с.

19. Еремеевская Н.П. Типы синтаксической связи в сложном предложении (средневерхненемецкий период): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988. 24 с.

20. Недялков В.П. Немецкая каузативная конструкция типа jmdn zum Lachen bringen // Проблемы лексикологии и грамматики. Вып. II. Мн., 1967. С. 112-125.

21. Fontane Th. Die Poggenpuhls. Berlin: Verlag der Nation, 1985. 160 S.

22. Borchert W. Draussen vor der Tür. Hamburg: Rohwolt, 1985. 121 S.

23. Paul H. Über Völkerpsychologie: Rede anläßl. des Stiftungsfestes der Universität München am 25. Juni 1910 // Süddeutsche Monatshefte. München, 1910, № 2. S. 363-377.

Сведения об авторе

Калмыкова Галина Александровна
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой иностранных языков
Ульяновского государственного
педагогического университета им. И.Н. Ульянова
E-mail: dr.kalmykova_g@mail.ru

УДК 811.111'01

**ЧИСЛО И ХАРАКТЕР КОМПОНЕНТОВ
ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ БИНОМИНАЛЬНЫХ
СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ТЕКСТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ «УТЕШЕНИЙ ФИЛОСОФИИ» БОЭЦИЯ И
АНГЛОСАКСОНСКОЙ ХРОНИКИ)**

А.П. Коржавый

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга

В статье на материале «Утешений философии» Боэция и Англосаксонской хроники рассматриваются такие характеристики древнеанглийских биноминальных словосочетаний, как число их компонентов, осложненность указательным местоимением с ослабленным лексическим значением и элиминация компонентов. Все количественные данные осмысляются как показатели функциональных особенностей исследованных текстов.

Ключевые слова: древнеанглийский период, биноминальное словосочетание, частотность словосочетания, указательное местоимение с ослабленным лексическим значением, элиминация.

Number of Components and their Nature in Old English Binominal Phrases in Different Text Types (*The Consolations of Philosophy* by Boethius and *The Anglo-Saxon Chronicle*)

Alexey Korzhavyi

The article examines such characteristics of Old English binomial phrases as the number of their components, the presence of the determiner and the elimination of components on the material of 'The Consolations of Philosophy' by Boethius and the Anglo-Saxon Chronicle. All quantitative data are compared and conceptualized as indicators of the functional characteristics of the studied texts.

Key words: Old English period, the binomial phrase, the frequency of phrases, determiner, elimination.

Функционирование древнеанглийского словосочетания (СС) до настоящего времени еще недостаточно изучено. Отдельные шаги в этом отношении (в частности – исследование функционирования биноминальных СС) предпринимаются как в российской науке, так и за рубежом. Под биноминальным словосочетанием (БНС) в настоящей работе понимается СС, состоящее из двух или более знаменательных слов, по крайней мере, два из которых являются существительными, соединенными друг с другом подчинительной связью.

В отечественной науке проблема функционирования СС в тексте была поставлена в «Грамматике современного русского литературного языка» [1. С.615-616], где выделены такие особенности, как нарушение порядка следования компонентов СС, нарушение контактности компонентов, интонационное расчленение СС (парцелляция), позиционные эквиваленты СС, употребление неполного СС, повторение предлога. Не все из указанных случаев функционирования СС актуальны для древнеанглийского материала (например, парцелляция и повторение предлога). Имеется также ряд особенностей, присущих именно древнеанглийскому, но не типичных для русского языка и потому в работе [1] не рассматриваемых.

В настоящей статье обсуждаются следующие количественные характеристики состава БНС: число компонентов наиболее частотных БНС в тексте, осложненность БНС указательным местоимением с ослабленным лексическим значением и элиминация компонентов БНС. Материалом явились два древнеанглийских текста, которые проанализированы путем сплошной выборки за исключением поэтических вставок и латинских вкраплений: прозаический перевод с латинского «Утешений философии» Боэция [2] и летописный древнеанглийский памятник – Англосаксонская хроника (рукопись А) [3]. Также на древнеанглийском сохранился перевод, сделанный частично стихами, а частично прозой.

Памятники представляют разные типы текста, что предполагает наличие определенных функциональных особенностей реализации в них указанных количественных характеристик БНС.

1. Число компонентов в наиболее частотных БНС в тексте. Самыми частотными БНС «Утешений философии» Боэция являются следующие типы:

1) простое СС модели N_2+N (ядерное существительное с зависимым существительным в родительном падеже – 30,29 %*, 223 БНС из 736), например: *Romana heretoga* ‘Римский консул’;

2) комбинированное СС модели $Pn+N_2+N$ (ядерное существительное с зависимым существительным в родительном падеже, которое сочетается с местоимением, – 25,13 %, 185 БНС из 736), например: *þone hlisan heora naman* ‘слава их имен’;

* Если не указано иное, то проценты даются от общего числа БНС в тексте (736 БНС в «Утешениях философии» и 798 БНС – в Англосаксонской хронике).

3) комбинированное СС модели $A+N_2+N$ (ядерное существительное с зависимым существительным в родительном падеже, которое сочетается с прилагательным, – 9,24 %, 68 БНС из 736), например: *hluterra wela wæter* ‘вода чистых источников’.

Второй и третий типы СС не являются элементарными (двухкомпонентными), но включают биномиальную синтагму и поэтому отнесены к БНС.

В Англосаксонской хронике наиболее частотны другие типы БНС:

1) простое БНС $N+N_x$ (ядерное существительное с зависимым существительным-приложением – 34,21 %, 273 из 798 БНС), например, *Æpelwald biscep* ‘епископ Этельвальд’;

2) простое БНС N_2+N (ядерное существительное с зависимым существительным в родительном падеже – 22,06 %, 176 из 798 БНС), например, *ofer Humbre tuþan* ‘через устье реки Хамбер’;

3) комбинированное БНС, представляющее собой объединение первых двух типов: $N+N_2+N_x$ (ядерное существительное с зависимым существительным-приложением, которое сочетается с зависимым существительным в родительном падеже, – 9,64 %, 77 из 798 БНС), например, *Offa Miercna cyning* ‘Оффа, король жителей Мерсии’.

Таким образом, состав наиболее частотных типов БНС в памятниках не совпадает, что естественно объяснить текстовыми особенностями произведений и их тяготением к использованию БНС определенной семантики.

В каждом из рассматриваемых ниже типов БНС либо четко различаются определенные семантические группы, либо, если такие группы выделить не удастся, БНС с наиболее частотными по своей семантике зависимыми и стержневыми компонентами.

В «Утешениях философии» Боэция в БНС типа N_2+N зависимый компонент чаще всего выражен следующими словами: *monnes (-a)* (26 БНС), например, *monna freodom* ‘свобода людей’; *Godes* (16 БНС), например, *Godes foreþonc* ‘Божье провидение’; *lichoman* (12 БНС), например, *þæs lichoman lustas* ‘похоти тела’.

Главный компонент данного типа БНС чаще всего выражен словами *sunu* (8 БНС), например, *eorðan sunu* ‘сын земли’; *anweald* (8 БНС), например, *þara cyninga anweald* ‘власть королей’.

В БНС типа $Pn+N_2+N$ зависимый компонент наиболее часто выражен такими лексическими единицами, как *gesceafta* (21 БНС),

например, *waldend eallra gesceafta* ‘Повелитель всех существ’, *goodes (-ra)* (18 БНС), например, *se staðol eallra goodra* ‘основание всех благ’, *monnes* и *worulde* (по 16 БНС), например, *ælces monnes gewunan* ‘привычка каждого человека’, *þisse worulde wites* ‘красота этого мира’.

Главный компонент этого типа БНС может быть выражен следующими словами: *fruman* (9 БНС), например, *from þisses middangeardes fruman* ‘с основания этого мира’, и *ende* (8 БНС), например, *on ðæt ende þisses capitulam* ‘в конце этой главы’.

Среди БНС модели $A+N_2+N$ различаются следующие семантические группы:

1) содержащие компоненты *godra monna*, например, *for godra manna þearfe* ‘ради блага добрых людей’, *godes monnes lof* ‘похвала хорошего человека’;

2) содержащие компоненты *soðan gesældæ*, например, *ða sceaduwa þære soðan gesældæ* ‘<лишь> тени истинного счастья’, *on ða ceastre þære soðan gesældæ* ‘в город истинного счастья’ и др.

Англосаксонская хроника, являясь историческим памятником, изобилует наименованиями лиц. Для БНС типа $N+N_x$ это следующие группы: содержащие полное имя (5 БНС – *Marcus Antonius*, *Caius Iulius*); содержащие личное имя и название рода (9 БНС – *Æðelwulf Ecgbrehting*); имена королей (100 БНС с общим компонентом *cyning* – *Æþered cyning*); имена епископов (28 БНС – *Byrnstan bisceop*); другие типы (Папы Римские, архиепископы, священники, правители, дьяконы с указанием имени).

Для БНС типа N_2+N характерны иные семантические группы, также связанные с историческим типом текста:

1) БНС, называющие географический объект и его принадлежность: *Wesseaxna lond* ‘земля западных саксов’, *Scotta cynedom* ‘королевство скоттов’, *Miercna rice* ‘земля жителей Мерсии’.

2) БНС, называющие родство: *Ceadwallan broþur* ‘брат Кеадвалла’, *Eadwulfes sunu* ‘сын Эдвульфа’;

3) БНС со стержневым компонентом *tuþan* ‘устье’, реже *stape* ‘берег’ и зависимым компонентом, называющим реку (данный тип часто используется при описании сражений или места высадки неприятельских кораблей): *Temese tuþan* ‘устье Темзы’, *Sæferne stape* ‘берег Северна’.

Для типа БНС $N+N_2+N_x$ в Хронике характерны следующие лексические группы:

1) обозначение лица, его титула и местности, к которой этот титул относится, например, *Beorhtric Wesseaxna cyning* ‘Бертрик, король западных саксов’;

2) обозначение лица, родственной связи и другого лица, с которым эта родственная связь показывается, например, *Æþered Æþelbyrhtes broþur* ‘Этельред, брат Этельберта’;

3) обозначение лица и его должности при королевском дворе, родственных или дружеских отношений с королем (общий компонент – *cyninges*), например, *Wulfric cynges horsðegn* ‘Вульфрик, королевский конюший’.

Таким образом, лексическое наполнение моделей имеет самое непосредственное отношение к типу текста и к частотности разных моделей БНС в Англосаксонской хронике и в «Утешениях философии». Анализ трех самых частотных типов БНС показывает, что комбинированные БНС более частотны в «Утешениях философии», чем в Англосаксонской хронике. Результаты подсчетов всех БНС, приводимые ниже, подтверждают это.

Таблица. Тип, число и структура БНС

Тип БНС	Число компонентов в БНС	Число БНС	
		Хроника	«Утешения философии»
простое	2	513	253
комбинированное	3	168	276
	4	44	101
	5	5	16
	6	0	3
	7	0	3
сложное	3	61	76
	4	7	8

Как видно из таблицы, в Англосаксонской хронике доминируют простые БНС, а в «Утешениях философии» – трехкомпонентные комбинированные. Все типы БНС, кроме простых, встречаются в «Утешениях философии» чаще, чем в Хронике, и лишь простые БНС встречаются у Боэция в два раза реже. Эти данные свидетельствуют о

том, что в «Утешениях философии» автору чаще требовалось выразить сложное понятие, которое невозможно описать словом или простым БНС. Эта черта объясняется, по-видимому, особенностями содержания философского текста.

2. Осложненность БНС указательным местоимением с ослабленным лексическим значением. Ряд проанализированных СС содержит относящееся к одному из входящих в них существительных указательное местоимение с ослабленным лексическим значением (УМОЛЗ). Вопрос, относится ли УМОЛЗ к числу знаменательных или служебных слов в древнеанглийском, является дискуссионным до настоящего времени. Общераспространенным является мнение, что в отличие от других германских языков того же периода в древнеанглийском уже сформировался так называемый определенный артикль, или (более строго) УМОЛЗ (англ. *determiner*). Эта точка зрения представлена в классических пособиях по древнеанглийскому языку [4. С. 97; 5. Р. 18].

Поскольку УМОЛЗ в данной работе считается служебным словом, оно рассматривается как дополнительная особенность функционирования БНС в тексте.

В «Утешениях философии» Боэция УМОЛЗ осложнено 381 СС из 736, т.е. более половины (51,77 %): *on oðre healfe þara munta* ‘по другую сторону гор’, *sio an rest eallra urra geswinca* ‘единственный отдых от всех наших трудов’, *þone hluttaran æwelm þæs hehstan godes* ‘чистый фонтан величайшего добра’.

В Англосаксонской хронике УМОЛЗ отмечено в 144 БНС из 798 (18,07%): *on þara twegra apostola dage* ‘в день памяти двух апостолов’, *mid bledsunge þæs papan Leon* ‘с благословения папы Льва’, *þa brycge ofer Treontan betwix þam twam burgum* ‘мост через р. Трент между двумя городами’.

Таким образом, в «Утешениях философии» частотность БНС с УМОЛЗ в 2,5 раза больше, чем в Англосаксонской хронике. Причин этого может быть несколько. Во-первых, Англосаксонская хроника – это памятник, создававшийся на протяжении нескольких веков, начиная с того времени, когда артикль в английском еще не сформировался, и заканчивая временем после перевода «Утешений философии», когда УМОЛЗ уже стало артиклем. Во-вторых, Англосаксонская хроника – это летопись, состоящая из множества не связанных между собой сверхфразовых единств большей или

меньшей длины. В коротких текстах УМОЛЗ почти нет, тогда как в более протяженных их больше. «Утешения философии» – это, напротив, большой связный текст, поэтому УМОЛЗ в нем встречаются относительно равномерно на протяжении всего произведения.

Таким образом, особенности построения текста и внутритекстовых связей определяют частотность БНС с УМОЛЗ в текстах. Как отмечает О.И. Москальская, «предложения, входящие в состав сверхфразового единства, связаны между собой не только единством темы <...>, но и разнообразными внешними сигналами, указывающими на то, что они представляют собой части одного целого. <...> Сигналами структурной связи между предложениями служат местоимения и местоименные наречия, выбор артикля, употребление времен и многое другое. Все эти явления не могут получить достаточного объяснения при рассмотрении изолированных предложений, их функционирование раскрывается лишь в масштабах сверхфразового единства и целого текста» [6. С. 26].

3. Элиминация компонентов БНС. В составе БНС проанализированных текстов встречаются случаи, когда один из компонентов словосочетания опущен, но легко восстанавливается из контекста. В «Утешениях философии» элиминация зафиксирована в 70 БНС из 736 (9,51%): *Her endað sio fiorðe boc Boeties and ongingð sio fifte* ‘Здесь заканчивается четвертая книга Боэция и начинается пятая’ (реконструировано БНС *sio fifte boc Boeties*). В Англосаксонской хронике элиминация встречается в три раза реже и зафиксирована в 23 БНС из 798 (2,89%): *and se Cynewulf ricsode .xxxi. wintra and his lic liþ æt Wintanceastre and þæs æþlinges æt Ascanmynster*. ‘И Кюневульф правил 31 год, и его тело лежит в Винчестере, и его воина в Асканминстере’ (реконструировано БНС *þæs æþlinges lic*).

Предложение, в котором компоненты БНС элиминированы, отсылает к предыдущему и содержит тем самым указание на ранее сказанное, т.е. элиминация выступает в нем как «сигнал левосторонней связи» [6. С. 26]. Приведенные примеры демонстрируют именно этот случай. Реже элиминированные компоненты БНС восстанавливаются из правого контекста (правосторонней связи). Пример из «Утешений философии»: *Hwæt mæg ic þy mare secgan be þæm weorðscipe and be þæm anwealde þisse worulde?* ‘Что могу я тебе еще сказать о славе и о величии этого

мира?’ (реконструировано *be þæt weorðscipe <þisse worulde>*). Пример из Англосаксонской хроники: 913 <...> *þa landleode <...> ahreddon eall þæt hie genumen hæfdon, and eac hira horsa and hira wæpna micelne dæl*. ‘Жители захватили всё, что могли захватить, и также бóльшую часть их лошадей и оружия’ (реконструировано *hira horsa micelne dæl*).

Причину того, что элиминация в три раза чаще встречается в философском памятнике, можно усматривать в жанровых особенностях текста: элиминация здесь выполняет описанную О.И. Москальской текстообразующую функцию, тогда как в Англосаксонской хронике, состоящей из коротких сверхфразовых единств, возможности элиминации более ограничены.

Изложенные факты указывают на различие между проанализированными памятниками в отношении частотности типов БНС в них и специфики их функционирования. В философском и историческом памятнике частотны различные типы БНС, что связано с жанровыми особенностями памятника. В три раза различаются показатели текстов по УМОЛЗ (51% и 18%), и элиминации (9% и 3%). Философский памятник в обоих случаях имеет бóльшие показатели. Одной из причин этого, как было показано, является необходимость обеспечения внутритекстовых связей.

Библиографический список

1. Шведова Н.Ю. Словосочетание в предложении // Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 615-624.
2. King Alfred's Old English version of Boethius 'De Consolatione Philosophiae'. // Электронный ресурс Интернет: <http://archive.org/stream/kingalfredsolden00boetuoft/>.
3. Anglo-Saxon Chronicle. Manuscript A. // Электронный ресурс Интернет: www.asc.jebbo.co.uk/a/a-L.html.
4. Ильиш Б.А. История английского языка. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1968. 420 с.
5. Mitchell B. A Guide to Old English / Bruce Mitchell, Fred C. Robinson. 5th Edition. Oxford: Blackwell, 1997. 376 p.
6. Москальская О.И. Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.

Сведения об авторе

Коржавый Алексей Павлович
аспирант кафедры теории языкознания
и немецкого языка
Калужского государственного
университета им. К.Э. Циолковского
E-mail: aleksej-korzhavyj@yandex.ru

УДК 811.112.2'27:811.112.2'23

РОЛЕВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КОММУНИКАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРОПОВЕДИ*

И.В. Матвеева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А.Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассмотрена понятийная категория коммуникативных ролей как однозначно отражающая характер отношений «говорящий – слушающий» в немецкоязычной проповеди. Категория коммуникативных ролей предполагает отношения пересечения / непересечения участников обозначаемой ситуации с участниками речевого акта. Монологическое слово пастыря вскрывает глубинную категорию координат: взаимопересечение и многократное вхождение одного и того же актуализатора категории коммуникативных ролей в различные контексты.

Ключевые слова: адресант, адресат, проповедь, коммуникативные роли.

Role Relations in the Modern German Sermon

Irina Matveyeva

The article focuses on the communicative roles of “the speaker” and “the listener” in the modern German language sermon as a way of analyzing the complex hierarchical relationship between the preacher and the audience, and revealing the profoundly dialogical nature of the preacher’s monolog. The speaker may act not only as the subject of the communication but, semantically, as a listener or a third party. The complex system of social and ethical conventions intensifies the differences between the parties; this is reflected verbally, as the speaker seeks to distribute communicative roles, choosing particular language forms and anthropocentric pronouns.

Key words: sender, recipient, sermon, communicative roles.

В настоящее время закономерным представляется интерес к изучению современного языка церковно-религиозных жанров, в том числе жанра проповеди. Проповедь является центральным, ведущим жанром религиозного дискурса. Н.Б. Мечковская считает проповедь фундаментальным жанром религиозной коммуникации: «С началом проповеди учение начинает жить в сознании некоторого сообщества людей. Если слово Бога, услышанное пророком, – это мистический «первотолчок» в зарождении религии, то проповедь, в которой пророк (наставник) доносит Божье Слово людям, – это «второй

* Работа выполнена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, проект 6.8444.2013 «Религиозная сфера коммуникации: дискурсивные особенности, жанры и типы текста».

толчок», и при этом не мистический, а вполне наблюдаемый. Религия как мистический коммуникативный процесс начинается именно с проповеди учения людям» [1. С. 205].

Современную богослужебную проповедь отличает многофункциональность, связанная с ее многоплановой природой. Проповедь одновременно содержит в себе предметную тему (отражение реального события, значимого для аудитории в религиозном контексте) и духовную тему (реализация сути христианского вероучения). Предметная тематика неоднородна: различают предметно-событийную тему (событие, связанное с жизнью, смертью и воскрешением Христа, или с жизнеописанием святых – Predigt zum Hochfest der Erscheinung des Herrn), тему-факт (событие реальной обыденной действительности, которое осмысливается с религиозной точки зрения и подчиняется духовной теме – Predigt zur Bischofsweihe von Benno Elbs) и тему-повод (тот или иной христианский праздник или другое религиозное или светское событие, послужившее отправным пунктом для проповедника – Predigt zu Fronleichnam, Predigt zu Festmesse “200 Jahre Gesellschaft der Musikfreunde in Wien”).

Содержание и форма высказывания определяются, в первую очередь, иллокутивной целью – намерением говорящего, который опирается на сложившиеся традиции. Иллокутивная цель проповедника заключается в таком воздействии на слушателей, чтобы они захотели изменить свою жизнь в соответствии с нравственными установками Евангелия [2. С. 165]. Цель каждой проповеди получает конкретную формулировку в зависимости от того, какая из функций выходит на первый план: вызвать у слушателей чувство сострадания к больным, разъяснить основы доктрины о предопределении, вселить чувство уверенности в собственном спасении [3].

Содержательные и формальные свойства речевого произведения определяет также вид коммуникации. Для храмовой проповеди характерна принадлежность к сфере коллективной коммуникации, так как пастырская проповедь – это публичная речь, произносимая, как правило, в церкви священнослужителем (адресантом) перед прихожанами (адресатом) по определенному поводу с целью оказания религиозно мотивированного воздействия на адресата [4]. Есть также основания утверждать, что духовная проповедь, наряду с церковным посланием, существует и в условиях массовой коммуникации,

поскольку современные технические средства дают возможность проповедникам существенно расширить свою аудиторию с помощью радио, телевидения, сети Интернет и печатных СМИ.

В фокусе внимания современной лингвистики, характеризующейся антропоцентрической направленностью, находится человек говорящий. В связи с этим значительный интерес представляет изучение текстов современной богословской проповеди с позиции диалогичности.

Диалогичность, фактор двойного адресата, роль личности проповедника – это те значимые факторы с точки зрения коммуникативной лингвистики, которые находят свое отражение в немногочисленных работах исследователей [4; 5; 6; 7]. Между тем, немецкоязычная проповедь остается в этом отношении мало исследованной. Диалогичность, как отмечают исследователи, обусловлена социальной сущностью человеческого мышления и языка в любой из форм их проявления в процессе межличностного общения или автокоммуникации.

В настоящей статье внимание уделяется типу соотношения «говорящий – слушающий» в религиозном общении. Существует точка зрения, согласно которой «диалогичность монологического слова пастыря отражает сложные иерархические отношения проповедника и слушателя» [6]. Категория коммуникативных ролей предстает как способ анализа данных отношений. Такой подход позволяет рассмотреть морфологические и синтаксические особенности конститuentов «поля лица» в функционально-коммуникативном фокусе и описать их [8].

Для лингвистического анализа значение приобретают все формы выражения категории лица. При этом важна и категория числа. Маркировка коммуникативных ролей осуществляется и тогда, когда в высказываниях речь идет не о единичном человеке, но о некотором множестве. Переходы от форм выражения единственного числа к формам выражения множественного числа и наоборот значимы как для автора при передаче той или иной идеи проповеди, так и для слушателя при интерпретации содержания. Важную особенность персональной структуры автор данной статьи видит в том, что «процесс отбора языкового материала рассматривается как экстралингвистически обусловленный, но зависящий от взаимодействия коммуникантов и их социально-психологических

особенностей» [9. С. 47]. В данном случае происходит либо типовое ранжирование языковых средств и вовлечение их в ткань дискурса, либо контекстуальное, обусловленное прагматическими, социальными, культурными, психологическими факторами.

Образ автора в проповеди представляется сложным, комплексным. Проповедник воспринимает своих слушателей как братьев, членов одной семьи: *Liebe Schwestern und Brüder!* С одной стороны, проповедник выступает посредником между Богом и прихожанами, он доносит до своих слушателей слово Божие. С другой стороны, проповедник может также выступать в роли слушателя.

С точки зрения теории коммуникации, традиционные участники коммуникативного акта – адресант (проповедник) и адресат (прихожане) – подразумевают участие в этом акте третьего «скрытого коммуниканта» – Бога, который выступает одновременно через призму субъекта речи как «скрытый наадресант» и как «скрытый наадресат». В этом заключается уникальность речевого акта проповеди. М.М. Бахтин отмечал, что любое сообщение подразумевает наличие, существование «высшего наадресата (третьего), абсолютно справедливое понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени» [10. С. 323].

Позиция автора не может сохраняться на протяжении всей религиозной проповеди неизменной. Частотное сосуществование в проповеди глагольных форм 2-го и 1-го лица множественного числа отражает сложную структуру с взаимопересечением и с многократным вхождением одного и того же элемента в различные контексты, например:

Daß die Gesellschaft der Musikfreunde weiter unsere Herzen öffnen und uns beschenken möge mit der «Macht der Musik», das wünsche ich ihr und uns allen von Herzen! [11].

Brüder und Schwestern, wenn wir diesen zweiten Schritten machen, dann erleben wir selber Pfingsten in unserem Leben. Gott gibt uns Zeichen. Aber dazu müssen wir erst Hörende werden, wir müssen heruntersteigen von unserer Selbstsicherheit und zugeben, dass wir Hilfe brauchen. Komm, Hl. Geist, hilf uns in unserer Ratlosigkeit, mit der Gabe des Rates, in unserer Schwäche mit der Gabe der Stärke, in unserer Hilflosigkeit mit der Gabe der Weisheit! Und er tut es.

Brüder und Schwestern, zum Abschluss bitte ich Sie, fragen Sie sich selber: Wo habe ich in der letzten Zeit Pfingsten in meinem Leben erlebt? Wo durfte ich erleben, dass der Hl. Geist mir Zeichen gibt für meinen Weg? [11].

В приведенной части проповеди актуализируется «ты»-сфера высказывания, реализуя референциальное отношение прямым и опосредованным способом. Речевая позиция субъекта речи остается неизменной, и адресат речи эксплицируется за счет введения в монологический контекст языковых форм, наиболее частотных для диалогической ситуации общения (обращений, вопросительных и побудительных высказываний, вопросно-ответных единств и т.п.). Употребление первого лица в функции номинации адресата характеризует тот случай, когда адресант полностью отождествляет себя с адресатом на основании чувства особого расположения.

Основу данного религиозного текста составляет внутренняя диалогичность, указывая на источник информации в речи, и связанные с ней модификации «я»-сферы высказывания:

In entscheidenden Momenten hat Jesus oft ein Kind in die Mitte gestellt. Nicht uns, die Großen, die Erwachsenen, die Mächtigen, die Gescheiten, die Wichtigen. Er hat die Kinder in die Mitte gestellt: « Wenn ihr nicht werdet wie die Kinder, könnt ihr nicht eingehen in das Himmelreich», hat Jesus gesagt. Und: «Lass die Kinder zu mir kommen, hindert sie nicht daran.» Und: «Wer ein Kind aufnimmt in meinem Namen, nimmt mich auf» [11].

На данное явление указывает и О.А. Прохватилова: «Внутренняя диалогичность становится возможной в тех случаях, когда в монологический контекст вводится чужая речь – высказывания высоких духовных авторитетов, сентенции, пословицы, поговорки, речь действующих лиц в нарративных фрагментах текста» [12. С. 24]. Этот тип диалогичности реализуется при наличии следующих признаков: актуализация «я»-сферы высказывания, смена речевой позиции субъекта речи, необратимость адресанта и адресата речи. Специфика форм передачи чужого слова в религиозных текстах состоит в приоритете прямой речи над косвенной. Автор высказывания, желая продемонстрировать предмет сообщения, свое отношение к описываемым событиям и к высказыванию как к собственному речевому произведению сохраняет лексические, интонационные и грамматические особенности передаваемой речи.

Таким образом, за каждым случаем использования прямой речи в высказывании стоит установка говорящего на себя, «эго-презентация» [9]. Включение чужой позиции в собственную речь является формой непосредственного изображения переживания чужой речи, живого впечатления от нее:

Zu den stärksten Einladungen Jesu gehört Seine Ermutigung, auf die Vorsehung Gottes zu vertrauen: «Macht euch also keine Sorgen und fragt nicht: Was sollen wir essen? Was sollen wir trinken? Denn um all das geht es den Heiden. Euer himmlischer Vater weiß, dass ihr das alles braucht» (Mt 6,31f) [11].

При введении в проповеднические тексты фрагментов текстов сакральных – Священного Писания и молитвословий – возникает глубинная диалогичность, вводимые тексты при этом способны выступать в качестве «прецедентов с определенной степенью феноменологичности» [13. С. 218]. При молитвенном обращении к Богу, Богородице, святым, ангелам и т.д. в речи появляется особый адресат. В тех случаях, когда цитируется Библия, происходит смена речевой позиции говорящего, и появляется особый адресант:

«Ich sah einen neuen Himmel und eine neue Erde; denn der erste Himmel und die erste Erde sind vergangen ... Ich sah die heilige Stadt, das neue Jerusalem, von Gott her aus dem Himmel herabkommen; sie war bereit wie eine Braut, die sich für Ihren Mann geschmückt hat. Da hörte ich eine laute Stimme vom Thron her rufen: Seht, die Wohnung Gottes unter den Menschen! Er wird in ihrer Mitte wohnen, und sie werden sein Volk sein; und er, Gott, wird bei Ihnen sein. Er wird alle Tränen von ihren Augen abwischen: Der Tod wird nicht mehr sein, keine Trauer, keine Klage, keine Mühsal. Denn was früher war, ist vergangen. Er, der auf dem Thron saß, sprach: Seht, ich mache alles neu» [11].

У автора приведенного речевого высказывания отсутствует реальный собеседник. Отсылка производится к человеку вообще как субъекту опытного знания в тех или иных жизненных ситуациях.

Таким образом, монологическое слово пастыря диалогично, отражает иерархию отношений адресанта и адресата. Диалогичность, входящая в число экстралингвистических параметров религиозного стиля, определяется как свойство монологического текста, связанное с воспроизведением в нем элементов диалога [12. С. 23]. Распределение ролей между участниками коммуникативного процесса происходит именно через эго-перспективу, следовательно,

адресат может выступать в проповеди в роли субъекта, партнера и референциального объекта действия. В качестве значимых факторов, предопределяющих асимметричные или симметричные отношения между адресантом и адресатом, выступают включенность / невключенность адресата в речевую ситуацию и личное пространство «я»-субъекта.

Библиографический список

1. Мечковская Н.Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. М., 1998.
2. Плисов Е.В. Проповедь как тип текста: коммуникативно-функциональный аспект (на материале немецкого языка) // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Орел: ОГИИК, 2005. С. 157-167.
3. Морозова Е.В. Особенности жанра современной христианской церковной проповеди. Лингвостилистический аспект: (На материале немецкого языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
4. Агеева Г.А. Религиозная проповедь как специфический вид языковой коммуникации: (На материале современной немецкоязычной проповеди): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1998.
5. Войтак М. Индивидуальная реализация жанрового образца проповеди // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2002. С. 329-345.
6. Кузьмина К.А. К вопросу о жанре проповеди // Русский язык в современном образовательном пространстве: Материалы докладов и сообщений междунар. науч.-метод. конф. СПб: Издательство СПГУТД, 2003. С. 133-138.
7. Салахова А.Г. Речевые стратегии и средства их реализации в современных христианских немецкоязычных проповедях: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006.
8. Матвеева И.В. «Миры» лица в современном немецком языке // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2007. № 8. С. 54-59.
9. Матвеева И.В. Когнитивно-коммуникативная парадигма «персональность» в современном немецком языке: Монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2011. 146 с.
10. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М: Искусство. 1986. 415 с.

11. Schönborn Christoph, Kardinal. Predigten // Электронный ресурс Интернет: <http://www.erzdioezese-wien.at/pages/inst/14428675/text/predigten>.
12. Прохватилова О.А. Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2006. Вып.5. С. 19-26.
13. Голубева Н.А. Номинация и когниция (опыт когнитивного описания номинативной системы языка) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. №6. С. 217-223.

Сведения об авторе

Матвеева Ирина Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: Iramatweewa@yandex.ru

УДК 811.112.2'373

ФУНКЦИИ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ХРИСТИАНСКОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРОПОВЕДИ

(на материале проповедей Папы Римского Бенедикта XVI)*

Н.Н. Прокопьева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются функции лексики с оценочной семантикой в текстах немецкоязычных проповедей, ее роль в реализации назидательной функции данного типа текста. На материале текстов проповедей Папы Римского Бенедикта XVI автор исследует стилистический прием антитезы, в рамках которого используется оценочная лексика.

Ключевые слова: религиозный дискурс, проповедь, оценка, оценочная лексика, антитеза.

Functions of Axiological Lexemes in the German Christian Sermon (with a focus on sermons by Pope Benedict XVI)

Nadezhda Prokopyeva

The paper analyzes the functions of axiological vocabulary in the texts of German Christian sermons and its role in rendering the didactic dimension of this type of texts. The research focuses on sermons by Pope Benedict XVI and, particularly, on antithesis as a stylistic device that employs axiological vocabulary.

Key words: religious discourse, sermon, axiology, axiological vocabulary, antithesis.

Религиозный дискурс во всем своем жанровом многообразии является в настоящее время объектом пристального внимания отечественных лингвистов, которые в качестве его основной цели рассматривают «разъяснение христианского вероучения и убеждение реципиента в его истинности через толкование Священного Писания и размышления о Боге» [1. С. 5]. Одним из наиболее подходящих для достижения этой цели жанров духовного красноречия представляется жанр проповеди, основной функцией которого исследователи называют функцию назидания: «Иллокутивная цель проповедника – воздействовать на слушателей таким образом, чтобы они захотели изменить свою жизнь в соответствии с нравственными положениями

* Работа выполнена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, проект 6.8444.2013 «Религиозная сфера коммуникации: дискурсивные особенности, жанры и типы текста».

Евангелия» [2. С. 165]. Назидательную функцию проповеднического жанра можно рассматривать как частный случай апеллятивной функции, которая, по мнению А.Г.-Б. Салаховой, заключается в «обращении проповедника к слушателям с целью формирования у них определенной позиции и совершения определенных действий» [3. С. 8]. Поскольку с функционально-прагматической точки зрения проповедь обладает определенной спецификой, то можно предположить, что эта прагматическая специфика найдет свое отражение в содержании, структурной организации, а также в языковом оформлении текстов этого жанра гомилетической словесности. Целью данной статьи является рассмотрение функциональных возможностей оценочной лексики, используемой в текстах немецкоязычных проповедей.

Исследователи религиозного дискурса отмечают, что в его основе лежит особая система ценностей; обозначить эти ценности, разъяснить их истинность, выработать у слушателей готовность принять их как нравственные ориентиры в жизни – такова одна из приоритетных задач проповедника. А.Г.-Б. Салахова, изучавшая речевые стратегии в современных христианских немецкоязычных проповедях, использует в этой связи понятие «религиозной аксиологии», в основе которой лежит оценивающая речевая стратегия. Исследователь отмечает право священника «давать оценку событиям, обстоятельствам и персонажам, о которых идет речь при коммуникации с прихожанами, а также судить о поступках самих прихожан» [3. С. 9]. Таким образом, использование в текстах проповедей оценивающей речевой стратегии обусловлено необходимостью реализации ее прагматической функции – учительного воздействия на слушателей.

Очевидно, что среди множества языковых средств, служащих для реализации оценивающей речевой стратегии, особое место занимает так называемая оценочная лексика. Следует отметить, что оценка, под которой мы понимаем выражение средствами языка ценностного отношения субъекта к какому-либо фрагменту окружающего мира, является объективным фактом языка, имеющим место в самых разных коммуникативных ситуациях: начиная с уровня бытового общения и заканчивая общественно-политической сферой коммуникации [4. С. 193]. Использование оценочной лексики в религиозном дискурсе, в общем, и в жанре проповеди, в частности,

обусловлено ее функциональным потенциалом, ее способностью участвовать в реализации упомянутой выше назидательной функции данного жанра. Высказывая оценочные суждения относительно тех или иных фактов, явлений, событий, проповедник тем самым наставляет верующих, разъясняет, в чем заключаются истинные христианские ценности, на которые им следует ориентироваться, чтобы жить в соответствии с христианскими заповедями.

В этой связи представляется небезынтесным проанализировать тексты проповедей одного из авторитетнейших проповедников, возглавлявшего в свое время католическую церковь, бывшего Папы Римского Бенедикта XVI, с целью выявления специфики использования им в своих выступлениях лексики с оценочным компонентом. Отметим, что оценочная лексика представляет собой весьма разнородную группу лексических единиц, различающихся по целому ряду признаков, поэтому всестороннее описание в рамках одной статьи функционирования данных лексем в текстах проповедей представляется практически невозможным. Поэтому мы сосредоточим свое внимание на еще одной языковой особенности текстов проповедей, на которую указывала и А.Г.-Б. Салахова, рассматривая языковые средства реализации оценки в текстах проповедей [3. С. 16]. Речь идет об использовании в проповеди стилистического приема антитезы, которая, как известно, заключается в противопоставлении контрастных по своему характеру словесных образов, раскрывающих противоречивую сущность обозначаемого или несовместимость различных предметов, явлений [5]. О.П. Бурканова указывает на то, что «частотность и специфика реализации фигур противоположности в религиозных и, конкретно, в богослужебных текстах обусловлена особым вниманием в религиозной сфере коммуникации к диалектическим противопоставлениям, первая часть которых часто обладает онтологическим характером» [6. С. 25]. Оценочная лексика априори предполагает наличие противоположных полюсов, почти для любого оценочного слова существует антоним, называющий качество с противоположным знаком. Поэтому она как нельзя лучше подходит для реализации данного стилистического приема, призванного усилить выразительность речи, придать ей бóльшую убедительность. Анализ текстов проповедей Папы Бенедикта XVI показал, что антитеза является эффективным стилистическим приемом,

помогающим расставить акценты, подчеркнуть важные характеристики, к которым необходимо привлечь особое внимание слушателей. При этом наиболее простым способом реализации данного стилистического приема с привлечением оценочной лексики является использование лексических антонимов: «Die weißen Gewänder bedeuten, dass wir im Glauben Licht werden, das Dunkel, die Lüge, die Verstellung, das Böse überhaupt ablegen und helle, gottgemäße Menschen werden» [7. С. 69]. Понятия света и тьмы в традиции христианского вероучения – это не просто два контрастных состояния окружающего мира, свет обладает особой значимостью для любого христианина, ведь сам Христос для верующих есть Свет истинный (Ин. 1: 9). Тьма же олицетворяет все дурное, злое, ложное, от чего следует отказаться человеку, о чем и говорит в своей проповеди Бенедикт XVI.

Одной из наиболее часто встречающихся в выступлениях Бенедикта XVI антонимических пар является оппозиция «*groß* – *klein*», причем он использует эти прилагательные для оценки как одного объекта, так и разных. Так, в следующем примере Папа говорит о естественном страхе человека, призванного проповедовать слово Божие, о его ощущении своей незначительности, неспособности выполнить столь серьезную задачу: «Herr, willst du mich? Ist es nicht zu groß für mich? Bin ich nicht zu klein dazu?» [7. С. 86]. Синтаксический параллелизм в данном случае усиливает стилистический эффект антитезы, в рамках которой лексемы с оценочным значением *groß* и *klein* подчеркивают противоречие между ограниченными возможностями обычного человека и масштабностью возлагаемой на него задачи. В двух следующих примерах Бенедикт XVI вновь использует противопоставление понятий *groß* и *klein*, однако в несколько иных целях: в одном случае – чтобы подчеркнуть значение веры для человека и таким образом повысить его самооценку: «Wo Gott groß wird, wird der Mensch nicht klein: Da wird auch der Mensch groß, und die Welt wird hell» [7. С. 75]. Во втором случае с помощью антитезы проповедник выражает мысль об абсолютном величии Бога: «Er hat sich gezeigt als Mensch. So groß ist er, dass er es sich leisten kann, ganz klein zu werden» [7. С. 100]. Не отступая от традиций возвеличивания Бога и принижения человека, Бенедикт XVI, комбинируя оценочные

прилагательные *groß* и *klein*, доносит до слушателей мысль о величии Господа, распространяющемся и на верующего в Него.

Исследователи отмечают, что антитеза не всегда строится на сопоставлении противоположных по своей природе понятий или их признаков. Иногда контрастное значение у соответствующих лексем возникает в определенном контексте, благодаря их намеренному противопоставлению. Такая контекстуальная антонимия является не менее эффективным средством выделения нужных понятий, позволяющим акцентировать внимание слушателей на тех или иных характеристиках, оцениваемых как положительные или отрицательные: «So erst entsteht die Freude an der Größe des Menschen, dass er nicht ein missglücktes Evolutionsprodukt, sondern Bild Gottes ist» [7. С. 18]. Контрастный характер понятий «неудачный продукт эволюции» и «образ Божий» подчеркивается их включением в синтаксическую конструкцию с противительным союзом.

В завершение отметим, что в религиозном дискурсе нередко случаи, когда нейтральное слово или слово, обычно выражающее положительную оценку, принимает в том или ином контексте отрицательные оценочные коннотации, предопределенные местом соответствующих понятий в системе христианских ценностей, и наоборот – положительная оценка некоторых объектов в повседневной жизни трансформируется в отрицательную характеристику этих объектов в религиозном контексте. Антитеза является тем фоном, на котором происходит эта «переоценка ценностей». Так, в следующем примере мы наблюдаем обусловленную христианской традицией переоценку понятий «богатый» – «бедный», «знатный» – «простой». В светском понимании нет ничего плохого в том, чтобы быть богатым, иметь благородное происхождение, однако Священное Писание расставляет акценты по-иному: «Иисус, видя, что он опечалился, сказал: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!» (Лк. 18: 24). Поэтому Бенедикт XVI использует данные имена прилагательные не в качестве похвалы, но как порицание: «Er redet zu einer Gemeinde, in der man anfängt, stolz zu sein, wenn es da auch reiche und vornehme Leute gibt, während die Sorge um das Recht für die Armen zu verkümmern droht. Jakobus lässt in seinen Worten das Bild Jesu durchscheinen, des Gottes, der Mensch wurde und, obgleich davidischer, also königlicher Herkunft, ein Einfacher unter den Einfachen wurde, sich

auf keinen Thron setzte, sondern am Ende in der letzten Armut des Kreuzes starb» [7. С. 54]. Образ Иисуса Христа, пришедшего как простой человек к простым людям, выступает в данном случае как пример, на который следует равняться, не кичась своим богатством или знатным происхождением. Прилагательные *einfach*, *arm* приобретают положительные коннотации, «облагораживаясь» при соприкосновении с фигурой Иисуса Христа.

Таким образом, можно сделать вывод, что оценочная лексика, активно используемая в христианских немецкоязычных проповедях, способствует реализации назидательной функции данного типа текста, поскольку проповедник, выражая оценочные суждения, тем самым воздействует на слушателей, формирует или корректирует их систему ценностей, отношение к определенным фактам и явлениям. Усилению прагматического эффекта от употребления оценочной лексики служит применение стилистического приема антитезы.

Библиографический список

1. Романченко Ю.В. Категория аргументативности и способы ее выражения в популярно-теологическом дискурсе (на материале календаря верующего «Andachtsbuch») // Религиозная коммуникация: конфессиональный и лингвистический аспекты. М.: МГЛУ, 2010. С. 135-144. (Вестник МГЛУ, вып. 583. Сер. Языкознание).
2. Плисов Е.В. Проповедь как тип текста: коммуникативно-функциональный аспект (на материале немецкого языка) // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Орел: ОГИИК, 2005. С. 157-167.
3. Салахова А.Г.-Б. Речевые стратегии и средства их реализации в современных христианских немецкоязычных проповедях: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 25 с.
4. Прокопьева Н.Н. Прагматический потенциал оценочной лексики в немецкоязычном политическом дискурсе // Теория и практика описания языковых единиц и структур. Межвуз. сб. науч. тр. Нижний Новгород: НГЛУ, 2009. С. 192-202.
5. Фурсова Е.В. Дискурсивные параметры стилистического приема антитезы: на материале англоязычного художественного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 20 с.
6. Бурканова О.П. Роль фигур противоположности в структурно-смысловой организации немецкого гимна // Вестник НГЛУ им.

Н.А. Добролюбова. Вып. 11. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2010. С. 18-26.

7. Benedikt XVI. Der Glaube ist einfach! Ansprachen, Meditationen und Predigten während des Besuches in Bayern. Leipzig: St. Benno-Verlag, 2006. 152 S.

Сведения об авторе

Прокопьева Надежда Николаевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: pro-nadja@yandex.ru

УДК 811.161.1'373.23

ИВАН И НАТАША: ПРЕЦЕДЕННЫЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ*

Н.Б. Руженцева

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург

Статья посвящена русским именам *Иван* и *Наташа*, которые в межнациональном дискурсе приобрели статус прецедентных онимов. Сопоставление коннотаций, связанных с этими именами в национальном и межнациональном дискурсах, дает возможность выявить причины и условия, влияющие на динамику формирования негативно-оценочной прецедентности в контексте развивающихся международных отношений.

Ключевые слова: национальный дискурс, межнациональный дискурс, прецедентность, прецедентные имена, неймы, негативная оценка, коннотации.

Ivan and Natasha: Precedent Names in the National and International Discourse

Natalya Ruzhentseva

The article looks at the Russian names *Ivan* and *Natasha*, which have the status of precedent names in the international discourse. A comparison of connotations, connected with these names in the Russian national and international discourse, makes it possible to tease out reasons and conditions that explain the negative coloring these names have acquired in the context of current international relations.

Key words: national discourse, international discourse, precedence, precedent names, names, negative evaluation, connotations.

Межнациональный дискурс в современных условиях – это активно развивающееся явление. Динамические процессы касаются различных его сторон, в том числе и соотносимого с этим типом дискурса репертуара прецедентных текстов. Вслед за Ю.Н. Карауловым, Д.Б. Гудковым, В.В. Красных и другими исследователями мы понимаем прецедентность широко, включая в число ее феноменов самые разнообразные единицы – от лексем до законченных текстов. Для каждого вида дискурса можно выявить свой корпус прецедентных текстов. Так, В.И. Карасик считает, что «к числу прецедентных текстов педагогического дискурса относятся прежде всего школьные учебники и хрестоматии, правила поведения учащихся, а также многие известные тексты детских книг, сюжеты

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 «Политическая метафорология»).

популярных художественных и мультипликационных фильмов, тексты песен, пословицы, поговорки, известные афоризмы на тему учебы, знаний, отношений между учителем и учеником» [1. С. 220]. Свой корпус прецедентных тестов имеют и различные форматы межнационального дискурса. Этот корпус, с одной стороны, пересекается с корпусом прецедентных текстов, соотносимых с тем или иным внутринациональным дискурсом, с другой стороны – обновляется в соответствии со своей спецификой. Так, межнациональный педагогический дискурс, кроме названных В.И. Карасиком прецедентных текстов, включает совокупность книг о русском национальном характере, знакомящих студентов-иностранцев с особенностями русского коммуникативного поведения (О.Л. Белянко, Л.Б. Трушина, А.В. Сергеева и др.). В свою очередь, межнациональный газетно-журнальный дискурс включает издания для наших соотечественников, проживающих или отдыхающих за границей, например, газету «Комсомольская правда в Египте», позиционируемую как «первую и единственную русскую газету в Африке». Межнациональный научный дискурс в печатном и электронном виде постоянно пополняется сборниками научных трудов, созданных интернациональными коллективами в рамках той или иной международной программы. В межнациональном туристическом дискурсе очень большое распространение получил жанр памятки – разновидность прескрипционных форм, предписывающих россиянам правила поведения за границей, и т.д.

Однако процессы, связанные с прецедентностью, касаются в межнациональном дискурсе не только прецедентных текстов, но и отдельных прецедентных имен.

Данная статья посвящена именам собственным, получившим в межнациональном дискурсе статус прецедентных. Мы разделяем мнение Е.А. Нахимовой о том, что «использование имени собственного для обозначения иного человека должно квалифицироваться как использование прецедентного имени» и что «прецедентное имя выступает своего рода эталоном, в соответствии с которым дается оценка поступка, и одновременно эталоном, образцом для подражания» [2. С. 15]. Такие прецедентные имена-эталон в межнациональном общении известны давно, и большая их часть содержит негативно-оценочные коннотации. К подобным именам собственным относятся широко распространенные мужские имена

восточного происхождения, употребляемые в качестве обобщенного наименования мужчины восточной национальности, ср.:

Артур нервно достал сигарету и закурил:

- Противно, когда наши бабы так нахваляют турков. Прямо все, как один, божественные принцы. А ведь если к ним присмотреться, то все как на подбор маленькие кривоногие макаки: «Махмуды», «Ахмеды». Их в Москве полно. На рынках, на стройках, в кафешках (Шилова Ю. Сказки Востока, или курорт разбитых сердец. М.: АСТ, 2010).

В связи с событиями в Чечне прецедентным стало имя *Хасан*, употребляемое как обобщенное наименование чеченца, и в первую очередь – чеченского боевика.

В настоящее время самыми популярными прецедентными именами восточного происхождения являются имена героев Comedy Club (Камеди клуб). Это *Равшан* и *Джамшут*, гастарбайтеры, приехавшие нелегально в Москву (варианты имен – *Рафшан, Равшан, Ровшан, Джумшут, Джамшуд, Джамшут, Джумшуд*). Они плохо знают свое дело, постоянно попадают в нелепые ситуации и говорят на ломаном языке, который назван их прорабом («насяльником») «тарабарским», ср., текст песни Равшана и Джамшута:

Привета выпускник! Эта Равшана тебе званила. Мы с Джамшудом хатима паздравитя тибя с аканчанием школы! Маладец! Мы с Джамшудом заканчиваем ремонт в зале гиде у вас будета выпускной и хатима тебе по секрету сказатя, что задней комнате мы спрятали для васа двух стриптизерше. С праздникама! (<http://bomzha.net/music>).

Имена *Равшан* и *Джамшут* после выхода Comedy Club мгновенно стали служить для обобщенного наименования гастарбайтера, перейдя из собственных в нарицательные. Сериал вызвал значительный международный резонанс. По сведениям сайта (<http://newsland.com/news/detail/id/566299/>), общественное движение «Таджикские трудовые мигранты» заявило, что шоу и снятый по нему полнометражный фильм совершает «моральный геноцид таджикского народа». На этом же сайте есть информация о том, что «сюжеты про Равшана и Джамшута были удалены из показа после протестов Самвела Гарибяна при поддержке Союза армян России как ксенофобские и оскорбляющие Россию и национальное достоинство таджикского и армянского народов».

Приведенные выше прецедентные имена имеют восточное происхождение, однако русские имена собственные могут получить в межнациональном дискурсе ничуть не меньшую негативно-оценочную «ауру». Сказанное касается, прежде всего, двух имен – *Иван* и *Наташа* (бытовой вариант имени *Наталья*).

Эти имена являются одними из самых распространенных в России и во всех видах внутринационального дискурса обладают позитивными коннотациями (негативно-оценочную актуализацию имя *Иван* получило лишь в отдельных русских фраземах: *Иван, родства не помнящий; Ваньку ломать*). О позитивной оценочности свидетельствуют и бытовые, неофициальные имена: *Иван – Ваня, Ванечка, Ванятка, Ванюша, Ванюшечка, Ванек, Ивашка; Наташа – Наташенька, Наташечка, Ната, Натуся, Натуня, Натуля, Наталечка, Натальюшка, Натаха, Тата, Татуся, Туся, Таша, Таля, Тала, Талюша* и некоторые другие. Негативных коннотаций не имеют и сниженные обиходно-бытовые варианты имен – *Ванька* и *Натка*. И даже наоборот: *Ванька Жуков*, герой рассказа А.П. Чехова, стал символом бедственного положения детей в царской России, а *Натка Шегалова*, героиня повести А. Гайдара «Военная тайна», надолго запечатлелась в сознании школьников как символ интернационализма. Приведем данные небольшого ассоциативного эксперимента, в ходе которого российским участникам было предложено зафиксировать представления, связанные с этими именами (*Иван – какой? Наташа – какая?*).

Иван: смелый, решительный, мужественный, несокрушимый, терпеливый, добрый, спокойный, порой застенчивый, улыбающийся, умный, приветливый, герой сказки, царевич, Иван-царевич, Иван-царевич и серый волк, Грозный (ассоциация с Иваном Грозным), Иван Калита, Васильевич (ассоциация с названием фильма «Иван Васильевич меняет профессию»), Иван Дулин («Наша Раша»), Иван-да-Марья (травянистое растение), Иван-чай, кудрявый, блондин, светловолосый, темненький, голубоглазый, «в теле», среднего телосложения, простой, безобидный, не хитрый, наивный, открытый, русский, веселый, сказка, доброта, молодец, наивный, Ванька-встанька, деревенский парень, Ванечка, русский парень, русский мужчина, проживающий в деревне, работага по жизни.

Таким образом, результаты анкетирования отразили множество позитивных ассоциаций, связанных в российском сознании с именем

Иван. Наибольшее количество ответов репрезентировало русское, и более узко – деревенское, происхождение носителя данного имени, его славянскую внешность, смелость, мужество, доброту, терпеливость, простоту, открытость, связь имени с историческими личностями и фольклорной традицией. Негативная оценочность ассоциативного потенциала имени *Иван* минимальна и встречается в единичных случаях: *упертый; глупый; дурак; дурачок; Иван-дурак; глупый мальчик, который лежит на печи; ему лень работать и заниматься делами по дому; холоп*.

Следует отметить, что ответы типа *дурак, дурачок, Иван-дурак* занимают особое место, так как в русской коммуникативной традиции эти номинации никогда не имели однозначного негативно-оценочного характера. Наоборот, в фольклорной традиции дураку приписывалось множество позитивных качеств. Вот что пишет по этому поводу академик Д.С. Лихачев: «В старое время в Древней Руси доброго не назовут глупым. Дурак русских сказок добрый, а следовательно, поступает по-умному и свое в жизни получит. Дурачок русских сказок уродливого коня-«горбунка» приласкает и жар-птицу, прилетевшую пшеницу воровать, отпустит. Те за него потом и сделают в трудную минуту все, что нужно. Доброта – она всегда умная. Дурак всем правду говорит, потому что для него не существует никаких условностей и нет у него никакого страха... Любит русский народ дураков не за то, что они глупые, а за то, что умные: умные высшим умом, который не в хитрости и в обмане других заключен, не в плутовстве и удачном преследовании своей узкой выгоды, а в мудрости, знающей истинную цену всякой фальши, показной красоты и скопидомству, видящей цену в совершении добра другим, а следовательно, и себе как личности» [3. С. 15].

Чаще всего народное сознание ассоциирует имя *Иван* с визуально-психологическим образом *Ивана (Вани, Ванюши)* – простого русского светловолосого и голубоглазого парня, доброго и ласкового, работяги, готового прийти на помощь в любую минуту. Подобные типовые представления об *Иване* свидетельствует о том, что данное имя давно уже перешло в разряд национально маркированных прецедентных онимов.

Наташа: *девушка; тетя; взрослая; смелая; гордая; решительная; уверенная в себе женщина; хорошая домохозяйка, умеющая готовить; красивая; милая; светлая; смуглая; темненькая;*

брюнетка; длинные волосы; темноволосая с зелеными глазами; высокая; невысокого роста; «в теле»; матрешка (пухленькая); худая; любезная; разговорчивая; часто смеется; влюбчивая; смешная; оптимистка; строгая; серьезная; обидчивая, но отходчивая; учительница; любит детей, дети ее тоже; хороша в своем деле; судьба; молодость; Ростова (ассоциация с Наташей Ростовой).

Негативные ассоциации зафиксированы лишь в трех ответах: *продавец в ларьке, нет образования, плохой вкус, неухоженная, нет высшего образования, одиночество, вредная*. Еще в двух ответах представлены инонациональные ассоциации: *французенка, Турция*.

Особое место занимают ассоциации имени по рифме – *чебурашка, черепашка, ромашка* и другие: *Наташка-чебурашка, Наташка-ромашка, ромашка для Наташки, Наташка – черепашка; морская черепашка, по имени Наташка; Наташа – всех цветов краше; Наташа – держава наша; Наташа – радость наша*. В одном ответе представлена фонетическая ассоциация: *Наташа – НАТО*.

Один из опрошенных даже попытался выразить свои ассоциации в стихах: *Наташа – / веселая, простая, / сердце и душа, / как небо и солнце мне нужна, / хороша!*

Как видно из приведенных выше ответов, спектр ассоциативных представлений, связанных с именем *Наташа*, достаточно разнообразен, носит во многом индивидуальный характер и зависит от личного опыта общения с *Наташами*, однако позитивная оценочность ассоциативов (внешность, особенности характера, деловые качества и др.) явно преобладает над негативной.

Прецедентным онимом имя *Наташа* в России не стало (эта честь досталась имени *Маша*) по следующей причине. Если с именем *Иван* связаны представления типа «сельский», «деревенский», то есть типичный, широко распространенный, то подобные ассоциации для имени *Наташа* в ответах респондентов отсутствовали. *Наташа* – имя, скорее, городское, его дают чаще в семье, с определенным уровнем образования ее членов, ср.:

- *А как меня зовут, ты уже знаешь – Наташа.*
- *Человек – нечто более, чем имя, хотя и имя может сказать немало.*
- *Что, например?*
- *Например? Что у тебя в семье есть образованный человек.*
- *А как ты узнал об этом?*

- *Девочке, если она из деревни, вряд ли дадут имя Наташа* (Эфрон В. Продана. М.: Рипол-классик, 2009).

Существуют имена собственные, легко приобретающие негативную оценочность в контексте. К примеру, к таким именам относится в русской традиции имя *Фекла*, ср.: «Собственное имя *Фекла* приобретает в контексте оскорбительный, грубый оттенок. Через него передается целая гамма эмоций: издевка, отчаяние, гибель романтических представлений. В этом смысле его можно назвать образным (образно-оценочным)» [4. С. 50]. К подобным именам можно отнести также устаревшие имена *Матрена*, *Акакий*, но не *Иван* и *Наташа*.

В межнациональном дискурсе эти имена вышли за рамки имен собственных. Оба они стали прецедентными онимами, эталонными наименованиями российских мужчин и женщин, своеобразными неймами, особенно ярко актуализированными в туристическом дискурсе. Однако оценочный вектор имен *Иван* и *Наташа* сменился с позитивного на негативный.

Замечено, что негативная / позитивная окраска прецедентных имен собственных имеет национально обусловленный характер, ср.: «Сознание жителей России очень отличается от польского. Для нас Наполеон – герой, а Гитлер со Сталиным – бесспорные злодеи. Для русских Наполеон с Гитлером – захватчики, оккупанты, а Сталин – неоднозначная личность, поскольку, несмотря на причиненное им зло (прежде всего самим русским), якобы он победил Гитлера» [5. С. 92].

Для имен *Иван* и *Наташа* вектор оценки также национально детерминирован. Приведем стандартные представления европейцев об *Иване*:

Почему же его никто не любит – этого русского отдыхающего?.. В стандартном представлении бывший советский гражданин – это человек низкого роста и крепкого телосложения с конституцией танка Т-34. Руки как у борца за приз в балагане, лодыжки – как печные трубы у таежной избушки. На медвежьем загравке – тяжелая золотая цепь, на которой свешивается массивный золотой крест. Этот тип начинает пить еще утром и засыпает на своем лежаке после обеда. Он дымит, как сибирская баня, всегда и везде, даже – и именно – в столовой. Там он всех толкает и пинает. Он никогда не извиняется. Вежливость – это привилегия дворянства и буржуазии, обе эти категории при

советской власти были искоренены. Что не сделало Ивана симпатичнее. Жировая складка на животе, как у тюленя, свисает над треугольником плавок, когда он тяжело ступает по дрожащему под ним причалу...

Есть и другой тип Ивана. Это образ сотрудника московской фирмы «Инкассатор». Мускулистый, толстогубый, лысый. У него всегда тяжелый взгляд. Над соском левой груди выведена татуировка с номером группы крови. Вид у него такой, будто он служил в отряде особого назначения и на его счету несколько операций по освобождению заложников, причем все операции закончились неудачно (для заложников) (<http://rosbalt.ru/2005/9/2/222860.html>).

Таким образом, негативные коннотации вокруг имени *Иван* в представлении иностранцев можно коротко свести к следующему – это толстый, крепкий, грубый, абсолютно невоспитанный, сильно пьющий и много курящий человек, отчасти военизированного, отчасти криминального типа.

Иван как собирательный в представлении иностранцев тип русского мужчины может противопоставляться собирательному типу европейца, репрезентированному именами *Фриц*, *Хорст* и некоторыми другими:

Когда ХОРСТ видит русских в кемерских магазинах (причем за покупкой не только дешевых подделок под известные фирмы, ширпотреба для туристов), когда он видит, как ИВАН катается на водных лыжах, свободно ныряет, отправляется на прогулку на катере или несется по морю на банане, то он всегда мучается одним вопросом: откуда у русского деньги? Хороший вопрос. Тем более для мекленбуржца (<http://rosbalt.ru/2005/9/2/222860.html>).

Имя *Наташа* соотносится с другим настроением стандартных представлений.

1. НАТАША – это принятое на арабском и турецком Востоке обращение к любой русской девушке / женщине:

В медине по традиции располагается рынок – по-восточному яркий и изобильный. Множество продавцов быстренько освоили ключевые русские фразы типа: «НАТАША, давай покупай» и «мало-мало цена» (по материалам газеты «Известия», 09. 08. 1997).

2. НАТАША – это девушка легкого поведения:

**О русских на турецких побережьях ходят бесконечные истории. На гостиничных балконах они коптят рыбу, около бассейна разводят костры. У огня прохладными вечерами они греются в обществе девушек легкого поведения, которых здесь называют НАТАШАМИ (<http://rosbalt.ru/2005/9/2/222860.html>).*

**Я вскинула голову и посмотрела на зашедшего в подвал мужчину, который держал в руках керосиновую лампу и говорил на ломаном русском:*

- Эй, Наташи, очухались?

- Вообще-то НАТАШАМИ в Турции девушек легкого поведения называют, – первая подала голос Ленка. – Я не пойму, он нас за проституток, что ли, принимает? (Шилова Ю. Сказки Востока, или курорт разбитых сердец).

**Каждый год тысячи тружениц горизонтального ремесла, ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ НАТАШИ, со всех концов распавшегося Союза летят на заработки в Турцию (<http://rosbalt.ru/2005/9/2/222860.html>).*

3. Имя НАТАША может употребляться в межнациональном дискурсе в европейском варианте – НАТАЛИ:

**За ним (Иваном – Н.Р.) словно на поводке следует длинноногая газель НАТАЛИ. Ее ноги растут сразу из подмышек. Ее готовый к атомному взрыву бюст определенно стоил спонсору толстой пачки 100-долларовых купюр. НАТАЛИ одета «экстремально воздушно», как когда-то выразилась Клаудиа Шунк, пресс-секретарь испанской гостиничной сети (<http://rosbalt.ru/2005/9/2/222860.html>).*

От имени НАТАЛИ образуются и производные:

Едут туристические автобусы с длинноногими девушками – так называемые «НАТАЛИ-ТУРЫ», палатки на пляжах носят названия «Минск», «Киев», «Рига», «Курск».

И все-таки европейское имя *Натали* имеет в межнациональном дискурсе много меньше негативных коннотаций, чем имя *Наташа*. Поэтому русские женщины / девушки стали сами представляться как *Натали*, чтобы позиционироваться от *Наташ*:

Меня зовут Наташа, и мне очень неприятно, что в Турции «Наташа» означает девушку легкого поведения. Я пошла по Кемеру гулять, а мне со всех сторон кричат: «Наташа! Наташа!». Я сначала в ступоре была. Никак не могла понять, откуда они мое имя знают. А когда мне сказали, что они так всех русских женщин называют, пришла в шок. В общем, теперь в Турции представляюсь

не Наташей, а Натали (Ю. Шилова. Сказки Востока, или курорт разбитых сердец).

Попытаемся ответить на два вопроса, которые возникают в связи с данными именами.

1. Почему же именно эти имена стали в межнациональном дискурсе прецедентными онимами, своеобразными маркерами русских мужчин и женщин? Причин, как нам кажется, несколько.

Наличие интернациональных соответствий, позволяющих легко запомнить имя.

Л.В. Успенский в известной книге «Слово о словах» писал о том, как звучит это имя на разных языках: «Иойннэс (по греко-византийски), Иоганн (по-немецки), Юхан (по-фински и по-эстонски), Хуан (по-испански), Джованни (по-итальянски), Джон (по-английски), Иван (по-русски), Ян (по-польски), Жан (по-французски), Иванэ (по-грузински), Ованес (по-армянски), Жоан (по-португальски), Он (по-болгарски)» [6. С. 85].

В свою очередь, у имени *Наталя* есть не только женские, но и мужские интернациональные соответствия:

Немецкий: ж. Natalie (Натали), Natalia (Наталия), уменьшительные – Nati (Нати), Nate (Нате).

Французский: ж. Nathalie Natalie (Натали); м. Nathalis, Natalis, Nathalis (Наталис), Natal (Наталь).

Испанский: ж. Natalia (Наталия), уменьшительные – Nati (Нати), Nata (Ната), Tali (Тали); м. Natalio (Наталио), уменьшительное – Nata (Ната).

Португальский: ж. Natália (Наталия), уменьшительные – Náti, Nati (Нати), Natu (Нату), Naná, Nana (Нана), Tatá (Тата), Táli (Тали); м. Natálio (Наталиу).

Итальянский: ж. Natalia (Наталия), уменьшительные – Natalina (Наталина), Lina (Лина), Linuccia (Линучча), Linetta (Линетта); м. Natale (Натале), уменьшительные – Natalino (Наталино), Lino (Лино), Linuccio (Линуччо) (<http://kurufin.ru/html/Translate/natalya.html>).

Подобные соответствия есть и в иных языках: украинском, белорусском, польском, чешском, болгарском и др.

Соответствие имен *Иван* и *Наташа* ряду требований для идеальных неймов.

Как нам кажется, имя собственное становится прецедентным, если оно приобретает некоторые черты нейма – яркого,

запоминающегося названия, передающего общую концепцию торгового предложения. Э.П. Слободянюк, предложившая систему параметров, релевантных для идеального названия, считает, что «идеальное название должно легко запоминаться; произноситься на одном дыхании; звучать благозвучно; быть ни на что не похожим; отражать суть товара» [7. С. 34]. Кроме этого, Э.П. Слободянюк в качестве критериев удачного нейма выделяет наличие позитивных ассоциаций, отсутствие «плавающего» ударения, легкую встраиваемость в бытовую речь [7. С. 37].

Имена *Иван* и *Наташа* вполне соответствуют большей части этих требований. Они благозвучны, легко произносятся на одном дыхании и встраиваются в бытовую речь, в них нет «плавающего» ударения (акцентологические нормы для этих имен однозначны, ошибок при постановке ударения не допускается).

Эти имена легко запоминаются и соотносятся с национальностью их носителя. Так, имя *Наташа* имеет финальное *ша*, своеобразный маркер русского мужского и женского бытового имени и уменьшительных имен (*Андрюша, Саша, Леша, Машиа, Мишиа, Ксюша, Ириша, Витюша, Мариша, Танюша* и др.). В межнациональном общении *ша* как «маркер русскости» способствует мгновенной и точной национальной атрибуции собеседника. Кроме того, имя *Наташа* отличается выраженным сингармонизмом, гармонией гласных, имманентной в том числе для тюркских языков, благодаря чему оно не диссонирует, например, с общим строем турецкой речи.

Лингвокультурный потенциал имен.

Мы считаем, что имена собственные *Иван* и *Наташа* стали в межнациональном дискурсе прецедентными отчасти благодаря их лингвокультурному потенциалу. В связи с этими именами актуализируется фонд знаний зарубежного читателя, так как они отсылают его к самым читаемым за рубежом русским авторам – Л. Толстому (*Наташа Ростова*) и Ф. Достоевскому (*Иван Карамазов*). Воспоминания, ощущения, культурные ассоциации, связанные с этими именами, способствуют их национальной идентификации, главным образом, в европейских странах и в США, но не на Востоке, где с русской литературой знакомы гораздо меньше, чем на Западе.

2. Почему же имена *Иван* и *Наташа* стали в межнациональном дискурсе негативно-оценочными прецедентными онимами?

Во-первых, это действие закона ускоренного распространения негативной информации: «Негативная, пугающая, способная повлечь в статусе людей информация имеет тенденцию к более быстрому распространению в группах общения, чем информация позитивного характера. Это связано с повышенным вниманием людей к отрицательным фактам – в силу того, что положительное быстро принимается людьми за норму и перестает обсуждаться» [8. С. 25]. Когда россияне в 90-х годах XX века стали в массе своей появляться за рубежом, они резко отличались своими манерами и привычками как от европейцев и американцев, так и от жителей восточных регионов земного шара. Так, например, «у русских нет привычки проверять счет в ресторане или пересчитывать сдачу. Такой стиль поведения, «нормальный» для всех в мире, им кажется унижительным. Как бы тяжело ни давались им деньги, они предпочитают тратить их широко и с размахом. Любовь к «широким жестам» кажется им более приличной, чем бережливость» [9. С. 176-177]. Разумеется, и на Востоке, и на Западе подобная черта русских, как и многие другие непривычные особенности поведения, была немедленно замечена и приписана им как негативное качество.

Во-вторых, многие прецедентные тексты, содержащие имена собственные, часто имеют негативно-оценочную окраску. Это относится, прежде всего, к фразеологическим единицам. Как русские, так и иностранные по происхождению фраземы, включающие имена собственные, гораздо чаще репрезентируют негативную ситуацию (свойство характера, особенности коммуникативного поведения), чем позитивную, ср.: *Любопытной Варваре нос на базаре оторвали; Показать Кузькину мать; Мамаево нашествие / Мамаево побоище; Точно Мамай прошел / Словно Мамай воевал; Митькой звали; Хитрый Митрий; На Антоньевой пище (впроголодь); Ни в городе Богдан ни в селе Селифан; Федул губы надул // Иродова душа; Иродово семя; Драконовские (Драконовы) законы; Лицо Гиппократа (выражение лица человека, находящегося в состоянии клинической смерти); Слава Герострата; Кающаяся Магдалина; Вальпургиева ночь; Варфоломеевская ночь; Буриданов осел; Каинова печать; Пляска Святого Витта; Поцелуй Иуды / Иудин поцелуй; Приносить жертву Вакху; Менторский тон; Гордиев узел; Фома неверующий; Двуликий Янус и т.д.*

Таким образом, общее свойство прецедентных имен собственных (выраженное тяготение к негативной оценочности) не могло не отразиться в межнациональном дискурсе и на русских именах *Иван* и *Наташа*.

В-третьих, **негативной окраске имени *Иван* способствует историческая память**, репрезентированная в выражении «*русский Иван*», которое пробуждает ассоциации, связанные со смертью и войной, ср. у М. Шолохова: «*Военнопленный Андрей Соколов по вашему приказанию, герр комендант, явился*». Он и спрашивает меня: «*Так что же, РУСС ИВАН, четыре кубометра выработки – это много?*» – «*Так точно, говорю, герр комендант, много*». – «*А одного тебе на могилу хватит?*» – «*Так точно, герр комендант, вполне хватит и даже останется*».

Выражение «*русский Иван*» в варианте типа «*русский парень Иван*» сохранилось и по сей день. Оно может вызывать не только военные, но и криминальные ассоциации, создаваемые и поддерживаемые некоторыми политиками, ср.: «*Везде ты побеждал, Иван, русский парень. Да, иногда у тебя татуировка на руке. Да, у тебя иногда нож в кармане. Да, иногда у тебя пусто в желудке. И туда ты заливаешь водку, некогда самую лучшую в мире водку*» (Жириновский В. Иван, запахни душу! // Электронный ресурс Интернет: http://conrad2001.narod.ru/russian/library/books/zirinovsky/ivan_into.htm).

В России криминальный ассоциативный фон для номинации «*русский Иван*» в целом не прижился (российские ассоциации вокруг этого выражения связаны, прежде всего, с героизмом русского солдата в «Судьбе человека» М. Шолохова и иных произведениях о войне). Однако отголоски высказываний, подобных высказыванию В. Жириновского, без сомнения, способствовали негативной ауре, возникшей за рубежом вокруг этого выражения и, как следствие, вокруг имени *Иван*.

Со своей стороны историческая память детерминирует в России негативную ауру вокруг имени *Фриц*, которое в Великую Отечественную войну стало обобщенным именем фашистских оккупантов.

Наконец, почему русских девушек и женщин в межнациональном общении называют именно *Наташа*? Почему, например, не *Маша*? У имени *Маша* также есть множество

международных соответствий, оно так же, как и *Наташа*, «проходит тестирование» на ряд признаков идеального нейма, легко встраивается в бытовую речь. Негативной ауре вокруг имени *Наташа* мы нашли только одно объяснение – экстрадискурсивное. Одной из первых зарубежных стран, с которыми познакомились россияне, была Турция: *«И почему в Турции русских девушек называют Наташами? Оказывается, первые бордели в Турции носили имя «Наташа». Там работали только русские и украинские девушки. А затем это стало традицией»* (Ю. Шилова. Сказки Востока, или курорт разбитых сердец). Именно поэтому русским женщинам и девушкам приходится за рубежом представляться как *Натали* (заметим, что *Наталья* как более официальный вариант имени звучит для иностранца непривычно, и собеседник часто сам меняет его на *Наташу*). Так лучше уж назваться *Натали*. А жаль!

Изменить стереотип крайне сложно, если не невозможно. Известнейшее высказывание Н. Гоголя о том, что российский народ «если наградит кого словом, то пойдет оно ему и в род, и в потомство, утащит он его с собой и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света», относится не только к россиянам. Удастся ли россиянам когда-нибудь избавиться от негативной прецедентности два прекрасных русских имени – время покажет. Но будем надеяться, что другие русские имена подобными прецедентными онимами в межнациональном дискурсе не станут.

Библиографический список

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
2. Нахимова Е.А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2011. 44 с.
3. Лихачев Д.С. Заметки о русском. М.: Советская Россия, 1984. 62 с.
4. Купина Н.А. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Просвещение, 1980. 77 с.
5. Лазари де Анджей, Лазари де Эльжбета. Образ России в польском политическом дискурсе до и после трагедии 10 апреля 2010 // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. С. 91-93.

6. Успенский Л.В. Слово о словах. Л.: Лениздат, 1974. 286 с.
7. Слободянюк Э.П. Настольная книга копирайтера. М.: Вершина, 256 с.
8. Стернин И.А. Законы общения. Воронеж: ВГУ, 1997. 35 с.
9. Сергеева А.В. Какие мы, русские? М.: Русский язык, 2010. 384 с.

Сведения об авторе

Руженцева Наталья Борисовна
доктор филологических наук,
профессор кафедры риторики
и межкультурной коммуникации
Уральского государственного
педагогического университета
E-mail: verbalis@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

УДК 81.25

FUNKTIONALISMUS FUNKTIONAL ÜBERSETZEN: AM BEISPIEL VON BEISPIELEN

Ch. Nord

Zentrum für Translationswissenschaft, Universität Wien, Österreich

Примеры, приводимые в учебниках, выполняют (а) фатическую функцию создания положительного отношения автор – читатель, (б) референциальную функцию поддержки гипотезы или аргументации и (в) аппеллятивную функцию напоминания об известном (предметы, факты, опыт) для разъяснения нового. Таким образом, они должны оптимальным образом относиться к чему-либо известному читателю. Попытка добиться этого представлена на примере перевода книги “Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie” К. Райс и Г. Фермеера на английский язык.

Ключевые слова: функциональный подход в переводоведении, скопос, фатическая функция сообщения, референциальная функция сообщения, аппеллятивная функция сообщения.

Functional Translation of Functionalism: An Example of Examples **Christiane Nord**

In university textbooks, examples can be observed to be used for three functions: a phatic function intended to establish a positive relationship between the author and her readership, a referential function providing readers with some new explanation added to an argument or hypothesis, and an appellative function which consists in illustrating a principle by reminding the audience of some facts in order to facilitate understanding. This means that examples work best if they refer to some object or phenomenon with which the readers are familiar. The present paper attempts to illustrate this hypothesis, drawing on the author's experience of translating into English *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie* by K. Reiß and H. Vermeer.

Key words: functional approach in translation, Scopus, phatic function of a message, referential function of a message, appellative function of a message.

Einleitung

Die Veröffentlichung des Buches *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie* von Katharina Reiß und Hans J. Vermeer (1984) [1] führte die Skopostheorie in die deutsche Übersetzungswissenschaft ein.

Eine finnische Übersetzung einiger Teile dieses grundlegenden Werkes erschien 1986, eine Übersetzung ins Spanische, in der das erste Kapitel fehlt, 1995, aber eine englische Übersetzung gab es bisher nicht. Daher war es jetzt, fast dreißig Jahre nach der ersten Veröffentlichung auf Deutsch, an der Zeit, Forschern, die sich bisher auf Informationen aus zweiter oder dritter Hand verlassen mussten, das Werk in englischer Übersetzung direkt zugänglich zu machen. Ich habe mich auf das Wagnis eingelassen, und das Resultat liegt jetzt unter dem Titel *Towards a General Theory of Translational Action* (Manchester: St. Jerome 2013) [2] vor.

Die Übersetzung eines Buches über die Skopostheorie sollte sich an der Skopostheorie orientieren. Diese Übersetzung ist daher eine Art Test, was es bedeutet, ein wissenschaftliches Buch nach streng funktionalen Kriterien zu übersetzen.

1. Der theoretische Ausgangspunkt

Die oberste Regel der Skopostheorie ist die sogenannte „Skoposregel“: Jede Handlung wird von ihrem Skopos, ihrem Zweck, bestimmt. Und zum Skopos gehört ganz wesentlich das Adressatenpublikum. Vor einer Entscheidung über die Übersetzungsstrategie steht daher die Frage: Wozu und für wen übersetzen wir?

Für den Ausgangstext ist die Frage nach den Adressaten relativ leicht zu beantworten. Es handelt sich um ein Lehrbuch für Studierende und Lehrende der Übersetzer Ausbildung im deutschsprachigen Raum, im Jahre 1984 vor allem in Westdeutschland. Der Zieltext soll ebenfalls ein Lehrbuch für Studierende und Lehrende sein, aber ins Englische zu übersetzen heißt, dass der Adressatenkreis sehr weit und keineswegs homogen ist. Er umfasst nicht nur Menschen mit Englisch als Muttersprache (in Großbritannien, den USA, Australien, Indien, Südafrika...), sondern alle, die Englisch als Fremdsprache gelernt haben und Fachliteratur auf Englisch lesen können. In unserem Fall haben sie nichts weiter gemeinsam als die Tatsache, dass sie *kein* Deutsch können und an Übersetzungstheorie interessiert sind. Da sich die ein großer Teil der Beispiele auf die deutsche Sprache und Kultur bezieht, ist die wichtigste Frage bei der Übersetzung dieser Beispiele, welches Wissen man bei einem derart heterogenen Publikum voraussetzen kann. An dieser

Frage entscheidet sich die Funktionalität nicht nur der Beispiele sondern des gesamten Buches.

2. Funktionale Analyse des Beispielkorpus

In der klassischen Rhetorik wird ein Beispiel (*exemplum*, im Lateinischen, παράδειγμα, im Griechischen) als Sonderfall des Vergleichs bezeichnet. Ein Beispiel vergleicht ein unbekanntes Phänomen (einen Gegenstand, ein Ereignis, einen Vorgang etc.) mit einem anderen, dessen Kenntnis bei den Adressaten vorausgesetzt wird [3]. Es ist ein rhetorisches Stilmittel, das eine Behauptung oder ein Argument verständlich machen soll, indem es entweder einen typischen Fall beschreibt oder Gegenstände aufzählt, die für einen bestimmten Fall typisch sind [4. § 404-6]. Nach dieser Definition können wir zwei Hauptfunktionen von Beispielen unterscheiden: zum einen die illustrative Funktion, bei der eine wahre oder fiktive Begebenheit beschrieben wird, um eine Behauptung zu illustrieren (54,9% des Korpus), und zum anderen die explikative Funktion, bei der ein oder mehrere Gegenstände aufgezählt werden, die für das behauptete Phänomen typisch oder charakteristisch sind (45,1% des Korpus). Illustrative Beispiele werden von Menschen, die nicht über das vorausgesetzte Wissen verfügen, meist als explikativ aufgefasst

Beispiel 1: Illustratives Beispiel

R/V: Ein gebrochener Zweig am Wegrand soll „bedeuten“, daß hier jemand vorüberging und jemandem den Weg weisen will (vgl. Pfadfinderspiele) [1. S. 20].

R/V-E: For example: a broken twig by the wayside is intended to „mean“ that someone passed by and left the twig for you to find the way (as in boy scouts games) [2. S. 19].

Explikative Beispiele werden oft als elliptische Aufzählungen formuliert. Sie sind meist in den Kontext integriert und werden im Deutschen durch z.B., wie, etwa bzw. im Englischen durch e.g., like, such as eingeleitet.

Beispiel 2: Explikatives Beispiel

R/V: Mit „Lekt“ sind nicht nur Nationalsprachen (z.B. Deutsch, Spanisch) gemeint („Paralekte“), sondern auch untergeordnete Ränge, z.B. „Dialekte“. Beim Dialekt unterscheidet man „Regiolekte“ (z.B. Alemannisch, Schwäbisch) und „Soziolekte“ (z.B. Honoratioren-

schwäbisch). Der „Idiolekt“ ist die Sprache eines Individuums zu einer gegebenen Zeit (z.B. die Sprache Schillers, die Sprache von Lessings Nathan) [1. S. 22].

R/V-E: By *lect*, we not only refer to national languages (e.g. English, Spanish, which we would call *paralects*) but also to sub-forms on lower ranks, like *dialects*. Types of dialect include regional dialects or *regiolects* (like Broad Yorkshire), social dialects or *sociolects* (the lect of the lower as opposed to the upper classes, e.g. Cockney in Britain). An *idiolect* is the language variety unique to an individual writer or text at a particular point in time (e.g. the language of Shakespeare, the language of James Joyce's *Ulysses*) [2. S. 21].

Nach dem 4-Funktionen-Modell (vgl. Nord [5. S. 45]) lassen sich die Funktionen von Äußerungen in Texten als phatische, referentielle, expressive und appellative Funktion mit jeweils mehreren Unterfunktionen klassifizieren. Demnach kann die explikative Funktion als Unterfunktion der referentiellen und die illustrative Funktion als Unterfunktion der appellativen Funktion betrachtet werden.

- Die referentielle Funktion bezieht sich auf die Gegenstände und Erscheinungen der Welt oder einer bestimmten Welt. Bedingung für diese Funktion ist ein angemessenes Verhältnis zwischen der als bekannt vorausgesetzten und der als neu angenommenen Information in einer Äußerung (Thema und Rhema). Enthält ein Text zu viel bekannte Information, findet man ihn langweilig; enthält er aber zu viel neue Information, die man nicht mit etwas Bekanntem verknüpfen kann, ist er schwer zu verstehen oder gar unverständlich. Neben Benennung und Spezifizierung sind die wichtigsten Unterfunktionen der referentiellen Funktion Beschreibung und Erläuterung.

- Die appellative Funktion bezieht sich auf die Adressaten, die in einer bestimmten Weise reagieren sollen. Damit sie das tun, muss der Textproduzent ihr allgemeines und kulturspezifisches Wissen, ihr Wertesystem, ihre (geheimen?) Wünsche, ihre Sensibilität etc. richtig einschätzen und sie genau da ansprechen, wo sie ansprechbar sind. Abgesehen von Auffordern und Überreden ist es eine der interessantesten Unterfunktionen der appellativen Funktion, die Rezipienten an etwas zu erinnern, das sie kennen – wie beispielsweise in intertextuellen Anspielungen, Vergleichen oder eben Beispielen.

Wir können also für Beispiele eine referentiell-explikative und eine appellativ-illustrative Funktion annehmen. Daneben kann man davon ausgehen, dass alle Beispiele auch eine phatische Funktion erfüllen sollen.

- Die phatische Funktion (nach Roman Jakobson 1960) [6] ist für den Kommunikationskanal zuständig oder, im übertragenen Sinn, für die Beziehung zwischen Sender und Empfänger. Wie man an Gruß- und Abschiedsformeln oder am Small-Talk gut sehen kann, wird sie am besten durch konventionelle sprachliche oder nicht-sprachliche Verhaltensweisen erzielt. Unterfunktionen sind die Eröffnung, die Aufrechterhaltung und die Schließung des Kontakts. Beispiele können als metakommunikativ betrachtet werden, da sie sich ja auf die laufende Kommunikation oder Teile davon beziehen und diese kommentieren (vgl. Nord [7]), und Metakommunikation ist ein beliebtes Mittel des Kontakterhalts.

Die expressive Funktion kommt in den Beispielen unseres Korpus nicht vor. Mit ihren Unterfunktionen Bewertung, Gefühls- oder Wunschäußerung bezieht sie sich auf die persönliche Einstellung des Senders zum Gegenstand der Kommunikation, und das ist offensichtlich bei Beispielen nicht relevant.

Da sowohl die referentielle als auch die appellative Funktion das präsupponierbare Wissen der Adressaten betreffen, wollen wir die Beispiele unseres Korpus nun nach den Wissensbereichen klassifizieren, die in ihnen angesprochen sind. Die Beispiele werden hier bereits in deutscher und englischer Fassung geboten; die Übersetzungsstrategien werden jedoch in Abschnitt 4 ausführlicher diskutiert.

3. Klassifizierung der Korpusbeispiele nach Wissensbereichen

Die Beispiele unseres Korpus beziehen sich auf folgende Bereiche des Wissens: Erfahrungswissen (3.1), Sachwissen (3.2), Kulturwissen (3.3), Sprachwissen (3.4) und Übersetzungswissen (3.5). In jedem Fall (außer in 3.1) muss die Kulturspezifik des Wissens in Betracht gezogen werden.

3.1. Erfahrungswissen

Hier geht es um Beispiele, die sich auf übereinkulturelle menschliche Erfahrungen beziehen. Beispiel 3 bezieht sich auf eine allgemeine sensorische Erfahrung:

Beispiel 3: *Allgemeine sensorische Erfahrung*

R/V: Beispiel: Wer kalte Füße in warmes Wasser steckt, dem kommt das Wasser „wärmer“ vor, als wenn er warme Füße in Wasser gleicher Temperatur steckt [1. S. 28].

R/V-E: For example: when you put your cold feet into warm water, the water will seem warmer than when putting your warm feet into water of the same temperature [2. S. 26].

Alle Beispiele unseres Korpus, die sich auf allgemeine Erfahrungen beziehen, sind illustrativ und sollen eine appellative Funktion erfüllen. Da sie normalerweise für jede Zielkultur funktionieren. Das funktioniert für jede Zielkultur.

3.2. Sachwissen

Als Sachwissen bezeichnen wir das Wissen über Dinge und Erscheinungen der Welt oder einer (kultur-)spezifischen Welt. Dieses Wissen wird im Sozialisationsprozess erworben. Da verschiedene Kulturen die Welt unterschiedlich sehen, müssen das Sachwissen folgendermaßen spezifizieren:

a) allgemeines Sachwissen („Weltwissen“), das nicht kulturgebunden ist; für unser Adressatenpublikum, wie wir es weiter oben beschrieben haben, enthält es auch allgemeines Wissen über Kommunikation und Übersetzen;

b) ausgangskulturelles Sachwissen, z.B. deutschsprachige Literatur, in Deutschland gesprochene Dialekte;

c) zielkulturelles Sachwissen, z.B. englischsprachige Literatur oder Musicals;

d) Sachwissen über dritte Kulturen (im deutschen Ausgangstext: Indien, Portugal, das antike Griechenland etc.).

Die explikativen Beispiele des Korpus kombinieren oft verschiedene Kulturen, um sicherzugehen, dass die Rezipienten wenigstens eine davon kennen (vgl. Beispiel 6 und Beispiel 7, weiter unten).

Beispiel 4: Allgemeines Sachwissen

R/V: Wer fragt nach dem praktischen Wert einer Theorie der Entstehung des Sonnensystems? (Man verzeihe das Beispiel, wenn es als Analogie zu anspruchsvoll erscheint.) [1. S. VII-VIII].

R/V-E: To whom would it occur to ask about the practical uses of a theory regarding the origins of the solar system? (We apologize for the example if the analogy seems too pretentious.) [2. S. vii].

Das Beispiel dürfte für die Zielkulturen genauso funktionieren wie für die Ausgangskulturen.

Beispiel 5: *Sachwissen über die deutschsprachige Welt* (vgl. auch Beispiel 2)

R/V: Man kann von einem Kultur- und Sprachstadium in ein anderes übersetzen (selten dolmetschen). Beispiele: Modernisierung der Lutherbibel; Übersetzung eines mittelalterlichen Epos ins Neuhochdeutsche [1. S. 28].

R/V-E: You may translate (but rarely interpret) from one linguacultural stage to another. For example: modernizing the *King James Authorized Version* of the Bible; translating a medieval epic poem into Modern English. [2. S. 27].

In R/V-E wurden Bezüge auf die deutschsprachige Welt durch Bezüge auf die englischsprachige Welt ersetzt, wo es möglich war.

Beispiel 6: *Sachwissen über die englischsprachige Welt*

R/V: Schriftsprache kann sich im Laufe der Zeit gegenüber Lautsprache relativ selbständig machen. Beispiele: die englische Orthographie und heutige Aussprache [...]. [1. S. 22].

R/V-E: Written language can become relatively independent of spoken language over the course of time. For example: the differences between the spelling and pronunciation of modern English [...] [2. S. 20].

Beispiel 7: *Sachwissen über dritte Kulturen*

R/V: [...] Ästhetik der ägyptischen Hieroglyphenschrift; religiöser Wert der arabischen Schrift als Darstellungsmittel des Koran [1. S. 22].

R/V-E: [...] the aesthetics of the Egyptian hieroglyphic script and the religious value of Arabic calligraphy as a means of representation used in the Qur'an [2. S. 20].

Beispiel 6 und Beispiele 7 gehören zu demselben Set von explikativen Beispielen. Da sich der erste Teil (Beispiel 6) auf die Zielkultur bezieht, kann das gesamte Set für die Zielempfänger funktionieren, auch wenn diese mit den Referenzobjekten des zweiten Teils (Beispiel 7) nicht vertraut sein sollten.

3.3. Kulturwissen

Es ist hier nicht der Ort, die verschiedenen Begriffe und Definitionen von „Kultur“ im Einzelnen zu diskutieren. Wir stützen uns auf Göhrings Definition, nach der Kultur all das [ist], was man wissen, beherrschen und empfinden muß, um beurteilen zu können, wo sich Einheimische in ihren

verschiedenen Rollen erwartungskonform oder abweichend verhalten, und um sich selbst in der betreffenden Gesellschaft erwartungskonform verhalten zu können, sofern man dies will und nicht etwa bereit ist, die jeweils aus erwartungswidrigem Verhalten entstehenden Konsequenzen zu tragen, (cf. Göhring [8]), und stimmen mit Vermeer überein, dass Kultur die Gesamtheit der Normen und Konventionen [ist], die ein Individuum als Mitglied einer Gesellschaft kennen muss, um „wie alle anderen“ zu sein – oder um sich von allen anderen unterscheiden zu können. (Vermeer [9]).

Vermeer benutzt den aus der Kulturanthropologie entlehnten Begriff „Kulturem“ zur Bezeichnung kulturspezifischer Verhaltenseinheiten.

Auch hier können wir wieder verschiedene Formen des Kulturwissens unterscheiden:

- a) Wissen über suprakulturelle Verhaltensformen, die zumindest in der Ausgangs- und der Zielkultur bekannt sind,
- b) Wissen über Kultureme der deutschsprachigen Welt,
- c) Wissen über Kultureme der englischsprachigen Welt, und
- d) Wissen über Kultureme einer dritten Kultur.

In unserem speziellen Fall haben wir das Problem, dass Kultureme in der „englischsprachigen Welt“ durchaus nicht überall gleich sind, aber das gilt auch für die „deutschsprachige Welt“. Daher haben wir einen pragmatischen Zugang gewählt: Als „Zielkultur“ betrachten wir die Gemeinschaft gebildeter Menschen, die entweder Englisch als Muttersprache sprechen oder Englisch als Fremdsprache gelernt haben und dadurch auch mit den englischsprachigen Kulturen vertraut sind, und versuchen, bei den Bezügen abwechselnd verschiedene englischsprachige Kulturen zu berücksichtigen.

Beispiel 8: Supra-kulturelle Verhaltensformen

R/V: Beispiele: einen Professor redet man anders an als einen Kommilitonen; einen Mann redet man in der Rolle des Professors anders an als in der Rolle des Familienvaters [1. S. 101].

R/V-E: For example: different forms of address are used for a professor or a fellow student; the way a man is addressed in his role as professor will differ from the way he is addressed in his role as father [2. S. 90].

Beispiel 9: Kultureme der deutschsprachigen Welt

R/V: Jemand überreicht jemandem ein Bukett Rosen, um seiner Liebe Ausdruck zu verleihen (vgl. „laßt Blumen sprechen!“) Hierzu gehört

also durchaus der metaphorische Gebrauch des Wortes „Sprache“: die Sprache der Blumen usw. [1. S. 20].

R/V-E: A young man gives his girlfriend a bouquet of red roses to express his love for her (cf. the “language of flowers” of the Victorian era). The example shows that this feature includes the metaphorical use of the word *language* [2. S. 19].

Der illustrative Teil des Beispiels wurde im Zieltext leicht erweitert (*rote Rosen* statt *Rosen*), damit das Kulturrem auch von Lesern, die es nicht kennen (obwohl es nicht ausschließlich der Ausgangskultur zugehört), verstanden werden kann. In R/V enthält der explikative Teil in der Parenthese eine Anspielung auf einen Werbeslogan aus dem Deutschland der 1980-er Jahre, den die Zielempfänger (wie vermutlich auch jüngere Rezipienten des Ausgangstexts) nicht kennen. Sie wurde durch eine Anspielung auf die britische Kultur ersetzt.

Beispiel 10: Kultureme der englischsprachigen Welt (hier: USA)

R/V (mit Bezug auf einen Abschnitt aus dem Briefroman *Daddy-Long-Legs* von Jean Webster): Daß es ein ungewöhnliches Ereignis ist, wenn sich Studentinnen aller vier Jahrgänge eines amerikanischen College zu einer friedlich-fröhlichen Weihnachtsfeier zusammentun, ist nur erkennbar, wenn man weiß, dass sie sich normalerweise als Rivalen gegenüberstehen und zwischen „freshmen“ und „sophomores“ ausgesprochene Feindschaft zu bestehen pflegt [1. S. 152].

R/V-E: For example: in order to understand that it would be quite an unusual event if all students of an American college were to join together in a happy and peaceful Christmas celebration, the reader has to be familiar with the usual rivalry and even enmity between freshmen and sophomores at American colleges [2. S. 139].

Da sich das Beispiel auf ein Phänomen der Zielkultur bezieht, brauchen die englischen Ausdrücke *freshmen* und *sophomores* im Zieltext nicht in Anführungszeichen gesetzt zu werden.

Beispiel 11: Kultureme einer dritten Kultur (hier: Indien)

R/V: (deutsch) dankeschön! → (indisch) [je nach Situation] Lächeln, Geschenk an die Stirn heben / usw. [1. S. 34].

R/V-E: (in Britain) thank you! → (in India) [according to the situation] smile / lift the present to your forehead etc. [2. S. 31].

Beispiel 11 zeigt, dass im Ausgangstext der Bezug auf ein Kulturrem einer dritten Kultur, deren Kenntnis bei den Lesern nicht vorausgesetzt werden kann, durch den Kontrast mit einem Kulturrem der Kultur der

Rezipienten verdeutlicht wird. R/V-E verwendet dieselbe Strategie, um einen Kontrast zwischen zwei unbekannten Kulturen zu vermeiden.

3.4. Sprachwissen

Natürlich liegt es in einem Buch über Übersetzungswissenschaft nahe, dass Beispiele aus dem Bereich des Übersetzens oder des Sprachgebrauchs verwendet werden. In unserem Korpus finden wir Beispiele mit Bezügen auf

- a) Sprache oder Sprachgebrauch im Allgemeinen (z.B. beim Übersetzen oder Dolmetschen),
- b) Deutsch als die eigene Sprache der Rezipienten,
- c) Englisch als Fremdsprache, die bei deutschsprachigen Lesern im Bereich der Sprach- und Übersetzungswissenschaft vorausgesetzt wird, oder
- d) andere Sprachen wie z.B. Spanisch, Französisch, Portugiesisch sowie Latein und Altgriechisch, die nicht vorausgesetzt werden können und daher detailliertere Erläuterungen benötigen.

Beispiel 12: Allgemeiner Sprachgebrauch

R/V: Farbwörter stehen interlingual nicht im 1:1-Verhältnis zueinander. Farbwörter lassen sich interlingual nicht in je gleichem Verhältnis von Nicht-Farbwörtern abgrenzen [1. S. 28].

R/V-E: For example: words denoting colour do not have exact matches in other languages; they cannot be distinguished from words that do not denote colour in the same way in different languages [2. S. 26].

Da dieses Beispiel keine spezifische Sprache erwähnt, kann es seine referentielle Funktion sowohl für deutsch- als auch für englischsprachige Leser erfüllen.

Since this example does not mention any specific language, it can achieve a referential function for both the source- and the target-culture readers.

Beispiel 13: Deutsch

R/V: Auf dieser letzten Ebene der Organisation des Geistes könnten wir es ‚mit einer Art abstrakter Pro-Verben zu tun haben, die nur eine indirekte Repräsentation erfahren‘. (Ich verstehe „Pro-Verben“ nicht etwa als „Sprichwörter“, sondern als Bezeichnung für Bedeutungspotenzen, die noch ‚vor‘ den elementarsten Verbaleinheiten liegen.) (Steiner [10. S. 121]) [1. S. 145].

Dieser Abschnitt aus der deutschen Übersetzung von Steiners Buch *After Babel* wird in R/V ohne den englischen Originaltext präsentiert, da es lediglich darum geht, die deutschen Leser auf das Kohärenzproblem im deutschen Text aufmerksam zu machen (= appellative Funktion). R/V-E fügt das Originalzitat ein und ergänzt die Erläuterung, damit die englischsprachigen Leser das Übersetzungsproblem verstehen können, sodass zumindest eine referentielle Funktion möglich ist.

At this final level of mental organization we may be dealing with ‘**abstract** kinds of pro-verbs which receive only indirect phonological representation’ (I take pro-verbs to signify potentialities of meaning ‘anterior to’ even the most rudimentary verbal units). (Steiner [11. S. 106], emphasis by G. Steiner) [2. S. 133].

Reiß/Vermeer argumentieren, dass der Einschub im deutschen Text überflüssig sei, da eine Verwechslung des linguistischen Terminus *Pro-Verb* mit *Sprichwort* kaum anzunehmen ist.

Beispiel 14: Englisch

R/V: Wie stellt man z.B. fest, ob und daß englisch *table* auf Deutsch „Tisch“ heißt? Wie stellt man fest, wann dies der Fall ist (unter welchen Bedingungen dies der Fall ist)? *Table* kann ja auch *Tafel*, *Tabelle*, *Schallbrett* [einer Orgel], *Schüttelherd* usw. heißen [1. S. 34]

R/V-E: How can we ascertain whether *table* in English means “Tisch” in German? How can we find out under which circumstances *table* means “Tisch”? The English word *table* can refer to other objects as well: the food served at a meal, the people sitting at a table, a printed or written collection of figures, facts, or information arranged in orderly rows across and down a page (e.g. a timetable), a multiplication table, a diagram or chart [2. S. 32].

Beispiel 14 musste nur dahingehend adaptiert werden, dass die Bedeutungen von *table* nicht durch Äquivalente aus dem zweisprachigen Wörterbuch sondern durch Synonyme und Paraphrasen aus dem einsprachigen Wörterbuch angegeben werden.

Beispiel 15: Drittsprache (hier: Spanisch)

R/V [im Kontext von Beispiel 13]: Anders im Spanischen, wo man *pro-verbo* und *proverbio* u. U. verwechseln könnte [1. S. 145].

R/V-E: In a translation of the passage into Spanish, however, where *pro-verbo* might indeed be mistaken for *proverbio*, the explanation would make sense.

Auch hier macht das eingefügte Originalzitat klar, dass *proverb* und *proverbio* unter Umständen verwechselbar wären.

3.5. Übersetzungswissen

Beispiele zum Übersetzen oder zu Übersetzungen sind für die Übersetzerin eine besondere Herausforderung, denn hierbei ist ja außer der Ausgangssprache Deutsch immer noch mindestens eine andere Sprache beteiligt. Für deutschsprachige Leser ist die appellative Funktion stärker, wenn Deutsch die Zielsprache ist, während Beispiele mit Deutsch als Ausgangssprache eher referentielle Funktion haben. Zumindest in den Fällen, in denen Englisch die „Kontrastsprache“ ist, ist das für englischsprachige Leser genau umgekehrt. Wenn Englisch in einem Beispiel weder Ausgangs- noch als Zielsprache ist, wird das Verständnis besonders erschwert, und das Beispiel kann weder eine appellative noch eine referentielle Funktion erfüllen, sofern nicht umfangreiche Erläuterungen und möglicherweise Glossen mitgeliefert werden. R/V präsentiert Beispiele in folgenden Sprachkombinationen:

- a) Englisch-Deutsch,
- b) Deutsch-Englisch, oder
- c) Drittsprache-Deutsch, wobei die Drittsprache Französisch, Spanisch, Portugiesisch, Latein, Altgriechisch oder Hebräisch ist.

Bei lateinischen, altgriechischen und hebräischen Beispielen wird meist der Ausgangstext nicht abgedruckt, sondern nur die deutsche Übersetzung kommentiert. (Anm. 1)

Beispiel 16: *Übersetzung Englisch-Deutsch*

R/V-AT: And this is the belief that moves mountains. (Webster: *Daddy-Long-Legs*, 1967)

R/V-ZT1: Und das ist der Glaube, der Berge *bewegt*. (Übers. Boveri 1979, Hervorh. Reiß/Vermeer)

R/V-ZT2: Und das ist der Glaube, der Berge *versetzt*. [1. S. 132].

Bei dem eigenen Übersetzungsvorschlag (R/V-ZT2) ist für englischsprachige Leser (vielleicht auch für manche jüngeren deutschsprachigen Leser ohne Bibelkenntnisse?) durchaus nicht zu erkennen, warum *versetzt* besser sein soll als *bewegt*, weil die Autoren dies nicht kommentieren. R/V-E fügt daher den Kommentar „in line with Luther’s translation of 1 Corinthians 13,2, which has become proverbial“ hinzu.

Beispiel 17: Deutsch-Englisch

R/V-AT: Ein jeder Engel ist schrecklich. (Rilke, *Erste Duineser Elegie*)

R/V-ZT1: Each single angel is terrible. (Rilke, *First Duino Elegy*, Übers. Leishman & Spender)

R/V-ZT2: Round every angel is terror. (Rilke, *First Duino Elegy*, Übers. Wydenbruck 1948)

In ihrem Kommentar zu den Beispielen erläutern die Autoren die Unterschiede zwischen den beiden englischen Versionen. Diese Kommentare werden für englischsprachige Leser eine stärker appellative Funktion haben als für die Leser des Originals.

Beispiel 18: Übersetzung Französisch-Deutsch

R/V-AT: Moi, je buvais, crispé comme un extravagant. (Baudelaire, *Fleurs du Mal*)

R/V-ZT: Ich aber trank, im Krampf wie ein Verzückter. (*Die Blumen des Bösen*, Übers. F. Kemp)

R/V-E-ZT2: As for me, I drank, twitching like an old roué. (*The Flowers of Evil*, Übers. G. Wagner)

Reiß/Vermeer diskutieren die Übersetzung der Betonungsstruktur *moi, je* ins Deutsche durch *ich aber*. R/V-E fügt eine englische Übersetzung (ZT2) hinzu, die ebenfalls eine Betonungsstruktur aufweist (*as for me, I*).

Beispiel 19: Übersetzung Altgriechisch-Deutsch

R/V-AT: μέν τον πτύξασα καὶ ἄ σκήσασα χιτῶνα,
πασσάλω ἄ γκρεμάσασα παρά τροῖ τήσι λέχεσσι.

R/V-ZT: Hampe (1977, 16) übersetzt:

Und sie faltete ihn und strich ihn zurecht, den Leibrock,

Hing ihn neben dem gurtdurchzogenen Bett an den Pflock hin [1. S. 112].

R/V-E: Murray (1919) translates this as:

And she folded and smoothed the tunic

and hung it on a peg beside the corded bedstead.

Die Autoren heben hervor, dass es nicht sinnvoll ist, eine Tunika zuerst zu falten und dann über einen Haken zu hängen, weil dadurch ja der Erfolg des Faltens zunichte gemacht wird. Die gleiche Inkohärenz findet sich auch in einer englischen Übersetzung der Odyssee, sodass R/V-E hier die deutsche durch eine englische Übersetzung ersetzen konnte.

4. Funktionen übersetzen

In diesem Abschnitt sollen die funktionale Analyse und die Klassifikation der Beispiele nach ihrem Referenzobjekt dazu verwendet werden, die Übersetzungsprobleme systematisch zu behandeln.

4.1. Übersetzung der phatischen Funktion

Wie oben bereits erwähnt, funktioniert die phatische Funktion auf der Grundlage gemeinsamer Verhaltenskonventionen. Beispiele sind In-Texte, die in einen anderen Text eingebettet sind, und als solche müssen sie erkennbar sein, damit die Leser sie „als Beispiele“ verarbeiten können. Dabei helfen konventionelle „Beispiel-Marker“, die sowohl sprachlich (z.B. *zum Beispiel*, *beispielsweise*, *wie*) als auch nichtsprachlich (Einrückung, kleinere Schrift, einfacher Zeilenabstand etc.) sein können.

Im Ausgangstext sind die Beispiele nicht besonders klar markiert, was natürlich auch damit zusammenhängen dürfte, dass der Text (1984!) nicht mit einem Computer sondern auf einer elektrischen Schreibmaschine geschrieben wurde. Manche Beispiele (ca. 10%) sind überhaupt nicht markiert. Auch längere Beispieltex te werden nur durch eine Einrückung links aber ansonsten nicht durch ein besonderes Format gekennzeichnet.

Im Zieltext wurde besonderer Wert auf eine klare Markierung gelegt. Alle Beispiele, die aus mehr als einer Zeile bestehen, werden durch *For example* eingeleitet, links und rechts eingerückt und grau unterlegt, sodass auch lange Text-Beispiele, die über einen Seitenumbruch gehen, gut als solche zu erkennen sind.

Aber auch der Stil unterliegt bestimmten Konventionen. Es ist bekannt, dass wissenschaftliche Prosa im Englischen eine höhere Frequenz phatischer Markierungen aufweist als im Deutschen (vgl. etwa Kußmaul [12]). Daher wurden für die englischsprachigen Leser zusätzliche phatische Markierungen eingefügt (z.B. direkte Anredeformen wie in Bsp. 1, 5, 11; inklusives *wir* wie in Bsp. 14 oder in *let us assume*, persönliche Verbformen statt Passiv), um eine bessere Sender-Empfänger-Beziehung herzustellen.

4.2. Übersetzung der referentiellen Funktion

Wie bereits gesagt, hat in den meisten explikativen Beispielen die referentielle Funktion Priorität. Jedoch wirken auch zahlreiche illustrative Beispiele, wenn sie sich auf Sprachen und Kulturen beziehen, mit denen

die Leser nicht vertraut sind, überwiegend explikativ, denn sie „informieren“ die Leser über ein bestimmtes Phänomen, anstatt an sie zu „appellieren“, sich an etwas zu erinnern, das sie kennen. Wenn die referentielle Funktion auf der Grundlage gemeinsamen Wissens und eines angemessenen Verhältnisses zwischen „bekannter“ und „neuer“ Information funktioniert, dann können vor allem die Beispiele so, wie sie in R/V sind, auch für R/V-E funktionieren, die sich auf allgemeines Weltwissen und suprakulturelle Verhaltensmuster beziehen. Das ist aber nur ein sehr geringer Teil des Beispielkorpus.

Die referentielle Funktion von Beispielen, die sich auf das Sach- und Kulturwissen über dritte Kulturen oder auf Übersetzungen mit Deutsch als Zielsprache beziehen, kann übertragen werden, wenn der Kontext ausreichende Informationen liefert, wie z.B. die Kontrastierung mit der eigenen Sprache und Kultur der Rezipienten, oder durch zusätzliche Erläuterungen. Beispiele mit dem Referenzobjekt Sach- oder Kulturwissen der deutschsprachigen Welt sowie Beispiele mit Übersetzungen aus dem Deutschen in eine dritte Sprache können dagegen ihre referentielle Funktion nur erfüllen, wenn sie durch Bezüge auf die Zielkultur ergänzt oder gar ersetzt werden:

Grundsätzlich können wir sagen, dass 84% der explikativen Beispiele aus dem Korpus so übersetzt werden konnten, dass sie für die Leser von R/V-E eine referentielle Funktion erfüllen können. Die verbleibenden 16% der explikativen Beispiele aus R/V können dagegen in R/V-E sogar eine appellative Funktion erfüllen, weil sie sich auf Fakten oder Kultureme der englischsprachigen Welt, die englische Sprache oder eine Übersetzung mit Englisch als Zielsprache beziehen. Wenn wir daran denken, dass für Beispiele generell die appellative Funktion eine besondere Bedeutung hat, können wir dies als „Gewinn“ der Übersetzung gegenüber dem Original verbuchen, der manche „Verluste“ kompensieren kann.

4.3. Übersetzung der appellativen Funktion

Knapp 55% der Beispiele in unserem Korpus sind für eine appellative Funktion intendiert: Das sind alle Beispiele mit Bezügen auf allgemein menschliche Erfahrung, auf allgemeines Weltwissen, suprakulturelle Verhaltensmuster oder Sprache(n) im allgemeinen sowie die meisten Referenzen auf Fakten und Kultureme der deutschsprachigen Welt und die deutsche Sprache. Dies zeigt, dass die Autoren ihre Beispiele sorgfältig ausgewählt haben, damit ihre Leserschaft die kritischen Aspekte

der Kommunikation, des Verhaltens und der Übersetzung mit Hilfe ihres eigenen Kultur- und Sprachwissens sofort erkennen. Mit Ausnahme der Bezüge auf allgemeine Erfahrung und allgemeines Weltwissen funktioniert das für die englischsprachige Leserschaft der Übersetzung nicht. Expansionen und Explizierungen, wie sie im vorherigen Abschnitt vorgeschlagen wurden, können nur eine referentielle Funktion erzielen, indem sie die Leser über etwas „Neues“ informieren. Um eine appellative Funktion zu erzielen, mussten also andere Strategien verwendet werden:

a) Bezüge auf Sachwissen über die deutschsprachige Welt wurden durch Bezüge auf Sachwissen über die englischsprachige Welt ersetzt.

b) Bezüge auf Kulturwissen über die deutschsprachige Welt wurden durch ähnliche Bezüge auf Kulturwissen über die englischsprachige Welt ersetzt, soweit vorhanden.

c) Bezüge auf Übersetzungen aus einer dritten Sprache ins Deutsche wurden durch Bezüge auf eine englische Übersetzung desselben Textes ergänzt oder sogar, wenn möglich, ersetzt, sofern diese denselben kritischen Aspekt aufwies wie im Original zitierte deutsche Übersetzung (siehe Beispiel 19).

Auf diese Weise konnte die appellative Funktion in 58,4% der illustrativen Beispiele auch für das Zielpublikum erreicht werden. Bei den restlichen illustrativen Beispielen wurde die appellative auf eine referentielle Funktion beschränkt. Als Kompensation für die „verlorene“ Appellativität in diesen Fällen kann die „gewonnene“ Appellativität bei den oben erwähnten referentiellen Beispielen mit Englisch als Zielsprache betrachtet werden.

5. Schlussbemerkungen

Ein deutsches wissenschaftliches Buch zu lesen, fällt vielen Neulingen in der Übersetzungswissenschaft schwer – die Übersetzung eines deutschen wissenschaftlichen Buches zu lesen, dürfte ihnen noch ein wenig schwerer fallen, zumal wenn ihnen die deutsche „Wissenskultur“ fremd ist. Daher war es das Bestreben der Übersetzerin, alles dafür zu tun, dass die englischsprachige Leserschaft dennoch das Buch mit Gewinn rezipieren kann. Dabei spielt zunächst die phatische Funktion eine wichtige Rolle, da sie für das Verhältnis zwischen Autoren und Leserschaft zuständig ist. Sie wurde daher im Zieltext

besonders deutlich und im Einklang mit den Konventionen der Zielkultur markiert.

Die funktionale Analyse ergab außerdem eine Zweiteilung der Beispiele in referentiell-explikative und appellativ-illustrative Beispiele. Im Sinne der Verständniserleichterung und der Erzielung eines möglichst großen appellativen Effekts wurde die Übersetzungsstrategie darauf ausgerichtet, die Appellativität möglichst vieler Beispiele zu erhalten. Das war besonders bei den Textbeispielen nicht immer möglich, weil wir Beispiele, die für die Zielkultur keine Appellativität entfalten können, aus Loyalitätsgründen nicht einfach weglassen oder ersetzen wollten, wie das die spanischen Übersetzerinnen in einigen Fällen getan haben. Durch Einfügung vorhandener englischer Übersetzungen konnte die Appellfunktion jedoch in einer Reihe von Fällen gewahrt werden. Wo das nicht möglich war, wurde auf jeden Fall dafür gesorgt, dass die Beispiele für das Zielpublikum eine verständliche referentielle Funktion erzielen können.

Die folgende Tabelle zeigt das Verhältnis von explikativen zu illustrativen Beispielen im deutschen Ausgangstext und im englischen Zieltext.

Text	Explikative Beispiele		Illustrative Beispiele		gesamt
		%		%	
deutscher Ausgangstext (R/V)	132	46,1	156	53,9	288
englischer Zieltext (R/V-E)	175	60,9	112	39,1	287

Tabelle 1: Beispielfunktionen in R/V und R/V-E.

Natürlich gibt es keine Garantie dafür, dass die Beispiele die intendierten Funktionen für das Lesepublikum wirklich erfüllen – schließlich wird die Funktion einem Text von den Rezipienten zugeschrieben, und diese beurteilen die Adäquatheit vor dem Hintergrund ihrer eigenen kulturspezifischen Erwartungen und Erfahrungen. Das gilt aber auch für den Ausgangstext. Es war vielmehr unser Ziel, zu zeigen, wie das pragmatische Problem der Beispielübersetzung in einem Lehrbuch zur Translationstheorie auf eine funktionale Weise behandelt werden kann.

Anmerkungen

1. In den folgenden Beispielen beziehen sich R/V-AT und R/V-ZT1 oder R/V-ZT2 auf die von den Autoren zitierten Ausgangs- und Zieltexte im Original.

Literatur

1. Reiß K., Vermeer H.J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen: Niemeyer, 1984.
2. Reiß K., Vermeer H.J. Towards a General Theory of Translational Action. Trans. Christiane Nord, English reviewed by M. Dudenhöfer. Manchester: St Jerome, 2013.
3. Harris R.A. A Handbook of Rhetorical Devices // Электронный ресурс Интернет: <http://www.virtualsalt.com/rhetoric4.htm#Simile>
4. Lausberg H. Elemente der literarischen Rhetorik. Munich: Hueber, 1971.
5. Nord Ch. Textanalyse und Übersetzen. Theorie, Methode und didaktische Anwendung einer übersetzungsrelevanten Textanalyse. 4. überarb. Aufl. Tübingen: Stauffenburg, 2009.
6. Jakobson R. Linguistics and Poetics, Closing Statement. *Style in Language*, ed. by T. A. Sebeok, Cambridge, Mass: The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology and John Wiley & Sons, 1960. P. 350-377.
7. Nord. Ch. The Phatic Function in Translation: Metacommunication as a Case in Point. Willy Vanderweghe, Sonia Vandepitte, Marc van de Velde (eds.) *The Study of Language and Translation (Belgian Journal of Linguistics. 21. 2007)*. Amsterdam: John Benjamins, 2007. S. 171-184.
8. Göhring H. Interkulturelle Kommunikation: Die Überwindung der Trennung von Fremdsprachen- und Landeskundeunterricht durch einen integrierten Fremdverhaltensunterricht. Hartig M. (ed.). *Soziolinguistik, Psycholinguistik. Kongreßberichte der 8. Jahrestagung der Gesellschaft für Angewandte Linguistik. Vol. 4*. Stuttgart: Hochschulverlag, 1978. S. 9-14.
9. Vermeer H.J. What does it mean to translate? *Indian Journal of Applied Linguistics* 13, 1987. S. 25-33.
10. Steiner G. Nach Babel. Aspekte der Sprache und des Übersetzens. Übers. M. Plessner, Frankfurt: Suhrkamp, 1981.
11. Steiner G. After Babel. Aspects of Language and Translation, Oxford: Oxford University Press, 1998.

12. Kußmaul P. Kommunikationskonventionen in Textsorten am Beispiel deutscher und englischer geisteswissenschaftlicher Abhandlungen. Ein Beitrag zur deutsch-englischen Übersetzungstechnik. Lebende Sprachen. 23, 1978. S. 54-58.

Сведения об авторе

Prof. Dr. Christiane Nord
Zentrum für Translationswissenschaft,
Universität Wien, Österreich
E-mail: cn@christiane-nord.de

Кристиане Норд, профессор, доктор,
Центр переводоведения Венского университета, Австрия
E-mail: cn@christiane-nord.de

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.111(73)

ОБРАЗ ГОРОДА В ЦИКЛЕ ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА «ТРИЛОГИЯ ЖЕЛАНИЯ»

Е.М. Фомина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена исследованию образа города в «Трилогии желания» Теодора Драйзера. Особенностью выбранного в статье подхода является то, что при анализе образа города используются данные, полученные в результате машинного обсчета текстов романов, вошедших в трилогию.

Ключевые слова: Драйзер, город, образ, «Трилогия желания».

The Image of The City in Theodore Dreiser's *Trilogy of Desire*

Ekaterina Fomina

The article analyzes the image of the city in Theodore Dreiser's *Trilogy of Desire*, based on the statistics, received through automated text processing of the novels in the trilogy.

Key words: Dreiser, city, image, Trilogy of Desire.

При анализе литературного произведения исследователь старается уделить внимание образам главных героев, но не всегда придает значение месту, где происходит действие. Однако именно место, на фоне которого развивается сюжет, помогает более глубоко раскрыть образы персонажей, понять мотивы их действий и их эмоциональное состояние, а также выявить общие особенности мировидения писателя.

Рабочая гипотеза настоящей статьи состоит в том, что данные статистического анализа цикла «Трилогия желания» позволяют подтвердить мнения исследователей творчества Т. Драйзера о том, что образ города играет в его романах важную роль. Подобный подход применительно к творчеству Драйзера прежде никогда не осуществлялся ни в отечественной, ни в зарубежной науке, что позволяет говорить о новизне предлагаемого исследования. Использование компьютерного инструментария сообщает ему

необходимую актуальность. Объектом исследования послужил цикл Теодора Драйзера «Трилогия желания», а его целью – выявление особенностей изображения города в романах цикла с помощью компьютерной статистики.

В мировой литературе немало произведений, где город не просто является фоном, но становится настоящим героем повествования. В.Н. Топоров в книге «Петербургские тексты» называет такие произведения «городскими текстами», подчеркивая, что в них город «говорит о себе неофициально, негромко, не ради каких-то амбиций, а просто в силу того, что город и люди города считали естественным выразить в слове свои мысли и чувства, свою память и желания, свои нужды и свои оценки...» [1. С. 76]. Ученый приводит свои наблюдения над тем, каким изображают Петербург писатели и как этот город влияет на судьбу его жителей. По его мнению, образ призрачного и миражного Петербурга создает ореол трагедийности вокруг себя, тем самым как бы предопределяя судьбу живущих в нем людей. На его кривых улицах ломаются судьбы, его пограничное положение на краю Финского залива является метафорическим олицетворением безвыходного положения людей, которые подвержены бедам и лишениям.

Тема фантастичности Петербурга раскрывается и в «Проблемах поэтики Достоевского» М.М. Бахтина, который также указывает на трагичность образа этого города, находящегося «на границе бытия и небытия, реальности и фантазмагии, которая вот-вот рассеется, как туман, и сгинет» [2. С. 195].

В XIX веке урбанистическая тематика привлекала внимание и многих зарубежных авторов. В их числе такие крупные писатели, как Виктор Гюго, Чарльз Диккенс и Оноре де Бальзак. Париж Гюго нарисован мрачными красками, потому что это город бедноты, жалких и мрачных трущоб. Город беспощаден к бедным и не дает им шансов на светлое будущее. У Оноре де Бальзака Париж изображен как «город-маяк провинциальных честолобцев, слетающихся к нему, словно бабочки на огонь» [3. С. 6]. В его книгах «Блеск и нищета куртизанок», «Отец Горио» город показан двухслойным: с одной стороны, он обладает «парадным фасадом» возводимого здания буржуазной цивилизации, а с другой – имеет «темные, потаенные уголки», в которых живут так называемые «подонки общества» [4. С. 163].

Еще одна европейская столица, Лондон, в произведениях Чарльза Диккенса олицетворяет чопорность и «холод человеческих отношений» [3. С. 6]. С другой стороны, это город шумных, пестрых улиц, на которых бушуют страсти. В «Очерках Боза» Диккенс делится с читателями своими собственными наблюдениями о контрастном характере Лондона. Здесь соседствуют нищета и богатство, и все движется и меняется в быстром ритме.

Под влиянием творчества вышеупомянутых писателей в XX веке урбанистическую тему продолжил в своих произведениях Теодор Драйзер. В каждом из его романов главный герой или героиня, стремясь обрести счастье, славу и богатство, покидают маленькие города, в которых родились и устремляются в такие мегаполисы, как Чикаго, Нью-Йорк или Лондон. Например, Каролина Мибер в «Сестре Керри» и Дженни Герхардт в одноименном романе пытаются устроить свою жизнь в Чикаго, а Клайд Гриффитс в «Американской трагедии» по приглашению своего дяди переезжает в Нью-Йорк, где развивается история его успеха и падения. Однако самую блестящую карьеру удалось сделать главному герою «Трилогии желания» Фрэнку Алджерону Каупервуду. В течение своей жизни этот ловкий финансовый магнат покориł такие крупнейшие города, как Филадельфия, Чикаго и Лондон.

Большой город с детства был предметом устремлений и для самого писателя. Драйзер, детство которого прошло в небольшом провинциальном городке Терре-Хот штата Иллинойс в тяготах и лишениях, видел в больших городах манящие перспективы достичь процветания и успеха. Один из биографов писателя, Ричард Лехан, отмечал, что Драйзер был убежден, что большой город способен дать некий ключ, отмыкающий двери в светлое будущее, дарующий личности возможность раскрыть все свои таланты и реализовать себя [5. С. 30]. В доказательство он приводил слова самого писателя: «Those mystic cities! Already they were calling me», «It was more money, money, money and the fame of the same, the great fortune idea» [5. С. 15, 31] («Эти мистические города! Они уже звали меня!», «Это обещало много денег, денег, денег и, опять же, огромное состояние»).

Главный герой цикла «Трилогия желания», Фрэнк Каупервуд, в образе которого Драйзер воплотил свои собственные мечты об успехе, строит карьеру в крупных городах, мир которых опасен и безжалостен. Уже в первом романе с помощью денежных махинаций

Фрэнку удастся войти в круг крупнейших финансовых магнатов Филадельфии и добраться до городской казны. Во второй части трилогии герой вступает в противостояние с самыми влиятельными людьми Чикаго и с самим городом. Здесь Чикаго, несомненно, мыслится автором как полноправный герой романа, поскольку заглавие «Титан» в равной мере характеризует как Фрэнка, так и сам город: «This singing flame of a city, this all America, this poet in chaps and buckskin, this rude, raw Titan, this Burns of a city» [6. С. 9] («Город, подобный ревущему пламени, город-символ Америки, город-поэт в штанах из оленьей кожи, суровый, неотесанный Титан, Бернс среди городов»¹ [7. С. 89]). В третьей части Фрэнк, к тому времени уже прославленный в Америке финансист и миллионер, начинает свою деятельность в Лондоне, решив заняться грандиозным строительством линии метрополитена.

Филадельфия, где родился Фрэнк, описана Драйзером в романе «Финансист» как город, улицы которого «изобиловали красивыми парками, величественными зданиями и памятниками старины» («...was set with handsome parks, notable buildings, and crowded with historic memories» [8. С. 3]. Однако этот город был далек от технического прогресса: «many of the things that we and he knew later were not then in existence-the telegraph, telephone, express company, ocean steamer, city delivery of mails» [8. С. 3] («многого из того, что знаем мы и что позднее узнал Фрэнк, тогда не существовало – телеграфа, телефона, доставки товаров на дом, городской почтовой сети и океанских пароходов» [7. С. 7]).

В детстве Филадельфия кажется Фрэнку огромным волшебным миром, который полон интересных приключений и открытий: «that was a stirring city», «he had thought it wonderful, quite a world» [6. С. 7] («тот город тоже по-своему хорош, и когда-то он представлялся Каупервуду огромным волшебным миром» [7. С. 459]). Однако, повзрослев, он осознал, что ему тесно в этом пространстве, что ему не хватает активной, бурлящей городской жизни, с ее обостренными чувствами, большими возможностями и техническими новшествами.

Поэтому во второй части Каупервуд решает покорить Чикаго, который сыграет важную роль в погоне Фрэнка за славой и успехом.

¹ Здесь и далее перевод романов цикла приводится по изданию: Драйзер Т. Финансист. Титан. Стоик: Романы / Перевод с английского М. Волосова, В. Курелла, Т. Озерской, М. Богословской, Т. Кудрявцевой. М.: Эксмо, 2010. 1248 с.

Этот город завоевывает сердце героя с первого взгляда. Еще подъезжая к нему на поезде, Фрэнк восхищается мощной энергетикой, исходящей от Чикаго. Этот город кипит, строится, полон сил и надежд на прекрасное будущее: «here was life», «here was a seething city in the making», «it was more youthful, more hopeful» [6. С. 7] («жизнь тут была ключом», «строящийся город бурлил и кипел», «в нем чувствовались сила и дерзание юности» [7. С. 459]). Несмотря на грязные улочки и грубоватость характера, Чикаго кажется Фрэнку живописным местом, вдохновляющим на великие дела: «this raw, dirty town seemed naturally to compose itself into stirring artistic pictures», «why, it fairly sang», «life was doing something new» [6. С. 7] («каждый уголок этого грубого, грязного города был живописен», «все здесь, казалось, пело», «жизнь создавала что-то новое» [7. С. 459]). Живой и величественный образ Чикаго Драйзер создает при помощи метафор – «this singing flame of a city», «a very bard of a city»; олицетворений – «a maundering yokel with an epic in his mouth», «singing of high deeds and high hopes»; и многочисленных эпитетов – shimmering, maundering, dramatic. Чтобы подчеркнуть величие этого города, автор сравнивает его с Вавилоном, Троей, Ниневией, называет его западной Флоренцией «this was the Babylon, the Troy, the Nineveh of a younger day», «this Florence of the West» [6. С. 9].

Во второй части трилогии Драйзер называет Чикаго «Титаном» («this rude, raw Titan» [6. С. 9]), таким образом, возникает аллюзия на название романа, что является способом обозначения одного из его (романа) ключевых конфликтов – противостояние города и человека, стремящегося его покорить.

Еще одним топосом, в котором разворачивается действие трилогии, становится Лондон. Этот город вызывает у Фрэнка Каупервуда эмоции, отличные от тех, что он испытывал по отношению к Филадельфии, где вырос, или Чикаго, где достиг успеха. Особенное отношение героя к Лондону может объясняться изменениями в его характере, произошедшими с возрастом (в большой степени под влиянием Беренис Флеминг). Именно поэтому описание жизни этой цитадели европейской культуры и цивилизации вытесняется характеристикой предместий Лондона, которые в третьей части трилогии показаны глазами Фрэнка как преисполненные спокойного умиротворения и завораживающие своей красотой. Именно за городом в конце XIX – начале XX веков в Великобритании

жили состоятельные люди, стремившиеся отдохнуть от городской суеты и смога. Магию прекрасной английской природы, окружавшей Каупервуда, Драйзер передает через живописные эпитеты (*picturesque, bucolic atmosphere, glasslike smoothness* [9. С. 170]) и метафоры («*curls of blue smoke rising from cottage chimneys*» [9. С. 309]).

Примечательно, что образ могущественного и полного контрастов Лондона-мегаполиса, знакомый нам по романам Диккенса, у Драйзера не играет важной роли в развитии сюжета. Американского писателя больше волнуют внутренние переживания Каупервуда, которые гораздо гармоничнее вписываются в пространство прекрасной английской природы, чем шумного и динамичного Лондона. К тому же сам Драйзер относился к Старому Свету с недоверием, поскольку считал, что слава и успех там добывались менее честным путем, чем в Америке, поэтому образ Лондона как имперской столицы мало интересовал писателя.

В каждом из романов «Трилогии желания» атмосфера города сильно влияет на поведение и стремления Фрэнка. Так, в консервативной Филадельфии ему на ум приходят прогрессивные идеи, которые помогают ему попасть в высшие круги финансового мира. Здесь он понимает, что достоин большего и стремится изменить этот город. Переехав в Чикаго, Фрэнк заряжается невероятной энергией этого кипящего страстями места и добивается невероятного успеха. В последней части трилогии Каупервуд, умудренный опытом и взявший от жизни все, что только было возможно, находит умиротворение в тихих окрестностях Лондона.

Важность образа города для «Трилогии желания» подтверждается статистическими данными, полученными с помощью программы «фрагментатор». В романе «Финансист» Драйзер употребил слово «city» 412 раз, и это существительное занимает второе место по частотности употребления после слова «time» (479 употреблений). Тщательное изучение контекстов, в которых появляется в тексте романа слово «city», показывает, что это город консервативный, в котором время течет неспешно, а значительные события – редкость: «...in that conservative **city**» [8. С. 26]; «— What's new in the **city**? — Nothing much, so far as I can see...» [8. С. 137] («—Что нового в городе? — Ничего особенного, насколько мне известно...» [7. С. 171]). Это город с неразвитой финансовой системой: «but at this

time the **city** of Philadelphia was hobbling along under perhaps as evil a financial system, or lack of it, as any city ever endured» [8. С. 69] («если бы Филадельфия – как ни один другой город – не страдала в тот период от крайне неудачной финансовой системы или, вернее, от полного отсутствия таковой» [7. С. 89]). В нем отсутствует эффективная система управления, и никто не заботится о наведении чистоты: «the **city** needed to be honestly administrated» [8. С. 69] («городу прежде всего необходимо честное городское управление» [7. С. 89]); «the **city** at the time had no extended street-cleaning service» [8. С. 52] («Город в то время еще не знал систематизированной уборки улиц» [7. С. 67]). В то же время Филадельфия – город богатый: «the condition of finances and the **city** was most reprehensible» [8. С. 26] («финансы штата и города находились в весьма плачевном состоянии» [7. С. 35]); «the **city** was rich enough» [8. С. 27] («город был достаточно богат» [7. С. 35]), в нем люди озабочены получением прибыли: «all of them, great and small, were profiting in one way and another through **city** privileges» [8. С. 125] («все они, снизу и до самых верхов, извлекают для себя выгоду из предоставляемых городом льгот» [7. С. 157]).

В романе «Титан» слово «city» встречается 290 раз и также занимает второе место после слова «time» (450). Контексты, в которых «city» возникает в романе, делают акцент на том, что Чикаго – город ярких огней и не менее ярких впечатлений («here was a seething **city** in the making» [6. С. 3]; «the singing flame of a **city**» [6. С. 4]; «impressions of the **city** are entirely favorable» [6. С. 7]. По сравнению с Филадельфией Чикаго – город, открывающий большие возможности, активно и стремительно развивающийся («the growing **city**» [6. С. 12]; «the **city** was growing larger and its need of gas greater» [6. С. 30]; «Chicago was such a splendid **city**. Its opportunities were so wonderful» [6. С. 137]. Человек, попадающий в бурлящую атмосферу этого мегаполиса, не может не поддаться искушению и не начать искать пути реализации своей честолюбивой мечты («he went about the **city** with almost hungry eyes» [6. С. 123]).

Изображение Чикаго как города, вдохновляющего на активную деятельность, не может не напомнить изображение бальзаковского Парижа, и это не простое совпадение: творчество французского писателя существенно повлияло на Драйзера. Исследователи не раз отмечали, что в своих романах Драйзер использует особую

бальзаковскую технику изображения городов и подробного описания становления главного героя на фоне большого города. Авторы энциклопедии «American Literature. The Makers and the Making» называли эту технику «ощущением города», указывая, что именно влияние Бальзака сыграло в формировании этой техники особую роль: «The reading that did affect him more directly was Balzac, who, in his massive fictions about the life of Paris, gave Dreiser a new sense of the cities that he himself knew» [10. С. 1879] («На него непосредственно повлияло чтение Бальзака, который в своих многочисленных романах о жизни Парижа дал Драйзеру новое ощущение города, известное ему самому»).

В третьем романе город отходит на второй план, что подтверждает уменьшение использования слова «city» до 46, что почти в 9 раз меньше по-прежнему лидирующего «time» (396). Такое снижение числа употреблений слова «city» можно объяснить тем, что в момент создания романа писателя больше волнует внутренний мир героя, чем его деловая активность.

Таким образом, статистика подтверждает мнение большинства российских и зарубежных исследователей о том, что Теодор Драйзер верил в энергию и силу больших городов, которая заряжает человека невероятным энтузиазмом и делает его восхождение к успеху быстрым и легким. Именно на фоне мегаполисов, по его мнению, вероятней всего могла осуществиться «Американская мечта», столь желанная для всех американцев. Эту веру в магию города Драйзер воплотил в своих романах, где нередко используется один и тот же сюжетный ход: герои стремятся в большой город, упорно борются за свое счастье в условиях его жесткой конкуренции и добиваются успеха. Правда, ценность этого успеха в высшем (моральном) смысле автор нередко ставит под сомнение. Показательно в этом смысле снижение частотности слова «city» в третьем романе трилогии, которое объясняется тем, что написание романа «Стоик» совпало и с личными жизненными разочарованиями, которые переживает в это время Драйзер, и с общим глобальным разочарованием в «американской мечте», которым был отмечен этот период в истории США. Фрэнк в третьей части трилогии тоже осознает бессмысленность своих достижений перед лицом смерти и искренней любви к Беренис Флеминг, которая помогает ему обратиться к Богу.

Библиографический список

1. Топоров В.Н. Петербургские тексты. М., 1995.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
3. Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф.М. Достоевского. Саратов, 1982.
4. Муравьева Н.И. Оноре де Бальзак. Очерк творчества. М., 1985.
5. Lehan R. Theodore Dreiser. His world and his novels. Illinois, 1969.
6. Dreiser Th. The Titan. СПб., 2008.
7. Драйзер Т. Финансист. Титан. Стоик: Романы / Пер. с английского. М., 2010.
8. Dreiser Th. The Financier. СПб., 2008.
9. Dreiser Th. The Stoic. СПб., 2008.
10. American Literature. The Makers and the Making. Book D, 1914 to the Present. New York, 1973-74.

Сведения об авторе

Фомина Екатерина Михайловна
аспирант кафедры зарубежной литературы
и теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: katya_fo5@mail.ru

УДК 821.112.2

МЕСТО М.Ю. ЛЕРМОНТОВА И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ НЕМЕЦКОГО ПИСАТЕЛЯ ЗИГФРИДА ФОН ФЕГЕЗАКА

Т.И. Юрченко

Государственный музей-заповедник М.Ю. Лермонтова, Пятигорск

В статье представлены наиболее важные сведения о жизни и творчестве немецкого писателя и переводчика Зигфрида фон Фегезака, особое внимание уделяется факту пребывания Фегезака в Пятигорске и знакомства с музеем «Домик Лермонтова». В статье впервые устанавливается рецепция литературного наследия М.Ю. Лермонтова в творчестве Фегезака.

Ключевые слова: Лермонтов, Фегезак, Пятигорск, русско-немецкие литературные связи, художественный перевод, рецепция, реминисценция.

The Role of Mikhail Lermontov and His Literary Heritage in the Creative Work of the German Writer and Poet Siegfried von Vegesack

Tatiana Yurchenko

The article presents some key points in the life and creative work of Siegfried von Vegesack, a German writer, poet, and translator, specially focusing on Vegesack's visit to Pyatigorsk and his tour of Mikhail Lermontov's Museum. It is the first attempt to establish the impact Lermontov's literary heritage had on some of Vegesack's works.

Key words: Lermontov, Vegesack, Pyatigorsk, Russian-German literary relations, literary translation, reception, reminiscence.

Вопросом русско-немецких литературных связей и места в них М.Ю. Лермонтова в разное время занимались как отечественные, так и зарубежные исследователи (Ф. Боденштедт, Ф. Дукмайер, В.Л. Нейштадт, С.Г. Исаков, Л.Г. Фришман, А.Б. Ботникова, Р. Грегор, Л.В. Круглова и др.). В их работах неоднократно отмечалось, что творчество этого русского поэта довольно быстро стало доступно немецкоязычному читателю благодаря давности и интенсивности культурных связей России и Германии, причём часто роль своеобразных посредников между двумя культурами играли переводчики, происходившие из русских или балтийских немцев. Так, Р. Будберг-Беннингсхаузен (1816-1858) был уроженцем Эстонии, а Ф. Фидлер (1859-1917) происходил из поволжских немцев Самарской губернии. В равной степени хорошо владея обоими языками, они осуществляли художественные переводы лермонтовских текстов. Но

если имена указанных переводчиков уже давно и прочно вошли в лермонтоведение, то имя немецкого писателя и переводчика Зигфрида фон Фегезака до сих пор остаётся малоизвестным в кругах литературоведов. До недавнего времени оно было знакомо лишь узкому кругу кавказских лермонтоведов по книге Е.И. Яковкиной «Последний приют поэта». Рассказывая об истории пятигорского музея «Домик Лермонтова» в период немецко-фашистской оккупации курорта с августа 1942 г. по январь 1943 г., она сообщала: *«Из оккупантов, побывавших в лермонтовской усадьбе, поэзию Лермонтова знал только немецкий литератор фон Фегезак»* [1. С. 114]. Далее Яковкина ссыалась на мемуары генерала армии И.В. Тюленева «Через три войны», где также упоминалось, что 4 сентября пятигорский музей М.Ю. Лермонтова посетил немецкий писатель Зигфрид фон Фегезак. На этом сведения о Фегезаке в отечественной литературе исчерпываются. Его имени нет ни в одном из специальных справочников, словарей или учебных пособий.

Целью данной статьи является представление некоторых наиболее важных биографических сведений о немецком писателе Зигфриде фон Фегезаке, а также анализ той роли, которую сыграло творчество М.Ю. Лермонтова в его переводческой и писательской деятельности.

Зигфрид фон Фегезак родился в 1888 году в Лифляндской губернии, в аристократической семье балтийских немцев. Учился в городской гимназии Риги, затем изучал историю в Дерптском университете. Продолжил учёбу в Германии, где со временем начал журналистскую деятельность. В 1917 году поселился в Баварии, в старинном полуразрушенном замке Вайсенштайн. В немецкую литературу Фегезак вошёл в 1920-х годах, осуществив переводы некоторых произведений Н.В. Гоголя, Н.С. Лескова, И.С. Тургенева, В.В. Набокова. Первую авторскую известность ему принёс написанный в начале 1930-х годов роман-трилогия о родной Лифляндии «Балтийская трагедия».

Весной 1933 года у Фегезака возникли проблемы с властями. Этому способствовали его выступления в антифашистских изданиях против «коричневой чумы» и антисемитских тенденций в Германии, а также отказ вывесить флаг со свастикой на башне своего дома. После непродолжительного ареста он принял решение эмигрировать. Но спустя пять лет всё же вернулся в Баварию.

В период Второй мировой войны с 1942 по 1944 год Зигфрид фон Фегезак служил русскоязычным переводчиком при экономическом штабе Верховного главнокомандования вермахта. О том, что заставило 54-летнего писателя, имевшего серьёзные проблемы со здоровьем, оставить жену с годовалым сыном, забыть о прежних неприятностях с нацистским режимом и добровольно вступить в ряды гитлеровской армии, можно лишь предполагать. С одной стороны, это могло быть отцовское чувство солидарности: его старшего сына Готтхарда с началом войны призвали в армию (он погибнет в 1943 году). С другой, политические взгляды самого Фегезака, который был ярким антикоммунистом и войну на востоке рассматривал как освобождение России от коммунистической идеологии, от большевизма. При этом нацистом Фегезак не был. Во многом он не принимал политику правящей гитлеровской партии, в частности, расовую. Показательно, что среди его друзей было немало евреев, а об отношении к славянам свидетельствует его глубокое почтение к русской литературе. В июле 1944 года Фегезак представил возглавлявшему экономический штаб на восточном фронте генералу Штапфу рапорт, содержание которого свидетельствовало о полном разочаровании в проводимой гитлеровским правительством государственной и военной политике. Генерал Отто Штапф входил в число заговорщиков, готовивших покушение на Гитлера (20 июля 1944 года в ставке «Волчье логово» под Растенбургом). Рапорт Фегезака он назвал настоящим обвинением существующему режиму и вовремя скрыл его. Косвенно писатель всё же проходил по делу о покушении на фюрера. В октябре 1944 года он вышел в отставку, вернулся в Баварию, где активно занялся литературной деятельностью.

Умер Зигфрид фон Фегекзак в 1974 году в своём поместье Вайсенштайн. В 1999 году в близлежащем городе Регене его именем были названы школа и улица. Фегезак значится также в списке самых знаменитых балтийских немцев – наряду с генералом М.Б. Барклаем-де-Толли, адмиралами Ф.Ф. Беллингсгаузенom и И.Ф. Крузенштерном, графом А.Х. Бенкендорфом, физиком Э.Х. Ленцем, патриархом Алексием II, ракетостроителем Ф.А. Цандером.

Литературное наследие Фегезака включает более семидесяти книг: романы, пьесы, сборники стихов и рассказов, книги для детей,

путевые заметки, эссе, переводы. Как правило, они носят автобиографический характер. Особый интерес для отечественных исследователей (лермонтоведов, в частности) представляют документально-автобиографическая книга под названием «Переводчиком на восточном фронте» и художественный цикл «Таня: Три рассказа из России». В них отразились события, связанные с пребыванием автора в Пятигорске, знакомством с памятными лермонтовскими местами города, погружением в лермонтовское творчество, а также с некоторыми историко-культурными и географическими реалиями Пятигорска этого периода. Поскольку произведения Зигфрида фон Фегезака на русский язык ранее не переводились, их названия и цитаты из них мы приводим в своём переводе.

Автобиографическая книга Зигфрида фон Фегезака под названием «Переводчиком на восточном фронте: Воспоминания из 1942-43 годов» («Als Dolmetscher im Osten: Ein Erlebnisbericht aus den Jahren 1942-43») была опубликована в Ганновере в 1965 году. Написанная на основе собственного фронтового дневника Фегезака и оказавшихся в его распоряжении военных документов, она не представляет собой строго документально-историческое произведение. Это цикл эссе, содержащих личные впечатления и размышления о России, порой даже с краткими экскурсами в историю этой страны, её культуры и населяющих её народов. В книге содержится 16 глав, ряд авторских фотографий и в качестве документального приложения рапорт Фегезака «Обращение с населением на занятых восточных территориях». В тексте нет описаний батальных сцен, погромов, расправ. Будучи переводчиком при экономическом штабе, Фегезак не принимал непосредственного участия в боевых операциях и появлялся в составе своего штаба на уже занятой территории.

Небольшая по объёму глава «Случай в Пятигорске» посвящена стихотворению М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу». По форме глава представляет собой дневниковую запись, сделанную под сильным впечатлением от пережитого в этом городе: *«С тех пор, как я оказался на восточном фронте, во мне стали оживать давно забытые русские стихи, которые я учил наизусть, будучи гимназистом, почти сорок лет назад. <...> Особенно меня изводит одно стихотворение Лермонтова, начало которого память*

сохранила хорошо, но средние строки при всём желании я не могу припомнить. <...> В Пятигорске <...> оно преследует меня особенно упорно, ведь я знаю: здесь, не имея и 27 лет от роду, Лермонтов погиб на дуэли» [2. С. 170]. Далее Фегезак кратко излагает историю лермонтовской дуэли и вспоминает увиденный на её месте памятник: «На том месте, где погиб Лермонтов, – на западном склоне Машука с видом на Бештау, что означает «пятиглавая гора», которая и дала название Пятигорску, – сооружён памятник: красивый простой обелиск, у его подножья стоят на страже четыре каменных орла» [2. С. 171].

Красота и величие кавказской природы настраивают немецкого писателя на лирический лад, вызвавший в памяти забытые лермонтовские строки: «Я жил тогда на Машуке, выше города, и поэтому часто бродил вокруг или даже прогуливался верхом по лесистым дорожкам, с прекрасным видом на бескрайнюю степь, над которой в одиноком величии возвышаются две белые вершины Эльбруса. И здесь, во время вечерней прогулки, у подножья Машука, под необычайно чистым звёздным небом, совершенно неожиданно мне вспомнились те строчки стихотворения, которые я так долго и тщетно искал! Они вспомнились в одно мгновение, как посланные небом! ... Я знал, что Лермонтов погиб на дуэли в Пятигорске, но я и не подозревал, когда и где он написал эти стихи. Об этом я узнал позже, когда отыскал домик, в котором Лермонтов жил последнее время перед дуэлью и где сейчас устроен музей» [2. С. 171-172]. Так, интерес к гениальному русскому поэту привёл Фегезака в музей «Домик Лермонтова». Одна из сотрудниц (вероятно, директор музея Е.И. Яковкина) провела его по музейной усадьбе, показала сад и домик, о чём он написал: «Здесь ещё стоят простой рабочий стол и кресло поэта в крошечной, очень скромной комнате с видом на маленький сад, в котором и сейчас растут старый клён и орех, сохранившиеся с лермонтовской поры. Но вид на Эльбрус, ради которого Лермонтов снял эту квартиру, уже заслонён безобразными соседними постройками» [2. С. 172].

Узнав, что стихотворение «Выхожу один я на дорогу» написано Лермонтовым в последние дни жизни в Пятигорске, Фегезак был потрясён. «Случайность? Конечно, случайность. Но почему стихи, которые я так долго и безуспешно искал, вспомнились мне именно здесь, а не где-то ещё? И именно на той дороге, на которой они были

написаны сто лет назад? При этом я вообще и представления не имел о том, что это стихотворение создано здесь в Пятигорске! В любом случае это странная случайность. Я попытался перевести стихотворение» [2. С. 172-173]. Далее Фегезак приводит два перевода лермонтовского стихотворения на немецкий язык – австрийского поэта Р.М. Рильке и свой собственный, сделанный в Пятигорске осенью 1942 года, препроводив его замечанием: «И хотя мой перевод соотносится с оригиналом примерно так же, как гипсовая копия с мраморным памятником, всё же хочу привести его здесь, чтобы передать хотя бы слабое представление о красоте этого произведения» [2. С. 172-173].

*Einsam bin ich auf dem Weg gegangen.
Still die Nacht. Die Erde lauscht dem Herrn.
Sterne stimmen, noch von Dunst umfassen,
und der Stern spricht leise mit dem Stern*

*Feierlich, in wunderbarem Frieden
ziehen die Gestirne ihre Bahn.
Warum ist mir Ruhe nicht beschieden?
Quält mich Reue? Plagt mich eitler Wahn?*

*Nein, nichts such ich, was einst besessen.
Und was war, das hab' ich nie bereut.
Ruh'n will ich und mich selbst vergessen -
wünschloss ruh'n in alle Ewigkeit.*

*Doch nicht jenen Schlaf in Grabestiefe
suche ich in kalter, dunkler Gruft.
Atmen soll die Brust, als wenn ich schlief,
atmen will ich warme, helle Luft.*

*Einer süßen Stimme will ich lauschen,
die mir Tag und Nacht von Liebe singt.
Über mir soll eine Eiche rauschen,
die um meinen Schlaf die dunklen Zweige schlingt.* [2. С. 173-

174].

Отметим, что стихотворение М.Ю. Лермонтова в переводе Зигфрида фон Фегезака в России публикуется впервые.

Е.И. Яковкина в своей книге «Последний приют поэта», вышедшей в 1965 году, весьма осторожно упомянула о знакомстве с Фегезаком, добавив: *«По его словам, он перевёл на немецкий язык стихотворение Лермонтова “Выхожу один я на дорогу”»* [1. С. 114]. Не могла она в своё время открыто поведать о том, что у них с Фегезаком состоялось несколько интересных встреч, что она подарила ему томик стихов Лермонтова, а он передал музею свой перевод лермонтовского шедевра. Хронику этих событий можно проследить по сообщениям в газете «Пятигорское эхо», выходившей в оккупационный период. Так, 5 сентября 1942 года среди заметок о жизни города встречается следующая: *«В начале августа с.г. «Домик Лермонтова» посетил немецкий писатель г. Зигфрид фон Фегезак. Им переведены на немецкий язык произведения многих русских писателей... В книге записи впечатлений г. Зигфрид фон Фегезак сделал следующую запись: «Надеюсь, что этот маленький домик, в котором незадолго до смерти жил и работал Лермонтов, скоро будет открыт и будет содействовать ознакомлению немцев с русской литературой и даст понятие о России, какой она была и какой она опять будет! С глубоким уважением к Лермонтову, творцу бессмертных стихов. Зигфрид фон Фегезак. Пятигорск, 4 сентября 1942 г.»* [3. С. 4]. Спустя полтора месяца, 17 октября, в «Пятигорском эхе» появилась ещё одна заметка: *«Немецкий писатель г. Зигфрид фон Фегезак подарил музею «Домик Лермонтова» свой автограф: перевод на немецкий язык стихотворения М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу». Перевод прекрасно передаёт думы и чувства поэта, выраженные им в этом замечательном стихотворении. Автограф перевода будет выставлен в музее «Домик Лермонтова» в ближайшее время»* [4. С. 4]. В фондах музея не сохранились ни книга записи впечатлений оккупационного периода, ни автограф Фегезака. Видимо, с окончанием оккупации курорта эти неоднозначные документы были изъяты из музея или уничтожены.

Своеобразным резонансом посещения Пятигорска и более близкого знакомства Зигфрида фон Фегезака с жизнью и творчеством М.Ю. Лермонтова стал его художественный цикл «Таня: Три рассказа из России» («Tanja: Drei Erzählungen aus Rußland», 1959). Центральное

место в этом литературном триптихе по расположению и по смыслу занимает довольно объёмная, в 90 страниц, новелла «Таня: Рассказ с Кавказа», красной нитью в которой проходит лермонтовская тема.

Действие новеллы разворачивается ранней осенью 1942 года в оккупированном Пятигорске. Это трагическая история любви молодого немецкого офицера-переводчика и русской девушки Татьяны, изложенная от лица самого офицера в форме записок. Причём запискам предшествует предисловие повествователя, из которого становится известно, что автора записок уже нет в живых, и связывало их лишь кратковременное знакомство: *«В конце лета 1943 года в Борисове на Березине я познакомился с одним молодым прибалтом, который, как и я, служил переводчиком. Казалось, он пережил что-то тяжёлое, был тихим, замкнутым и ни с кем не общался. Так случилось, что мы, будучи соотечественниками, сблизились. Вскоре он по собственному желанию был переведён на фронт. В последний вечер он разыскал меня. Было видно, что у него тяжело на сердце. Но он колебался, запинаясь и говорил лишь о каких-то безразличных вещах. И только прощаясь, он протянул мне, словно мимоходом, тщательно свёрнутый, зашнурованный и запечатанный пакет с просьбой сохранить его. «Здесь несколько тетрадей с записками с Кавказа, – объяснил он мне. – Если я не вернусь, сделайте с ними, что хотите!» Он не вернулся и вскоре погиб под Орлом. Позже я узнал, что он искал смерти в одном тяжёлом деле. Вот его записки»* [5. С. 49]. Очевидно, что композиционная схема новеллы «Таня: Рассказ с Кавказа» подсказана романом М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Рецепция на уровне формы произведения прогнозирует и дальнейшие обращения Фегезака к лермонтовскому творчеству.

Сознательно включённые в текст новеллы лермонтовские реминисценции несут особую смысловую нагрузку. Они акцентируют основную авторскую мысль. Причём это может быть как прямое, так и не прямое цитирование Лермонтова. *«Зачем люди должны убивать друг друга? Ведь места достаточно для всех. И все могли бы жить счастливо и довольно. Если бы не эта безумная война, мы могли бы жить вдвоём в домике где-нибудь среди кабардинцев или карачаевцев в верховьях Кубани»* [5. С. 107]. В этих словах Тани отголоском звучат знаменитые лермонтовские строки о бессмысленности и жестокости войны из стихотворения «Валерик»:

*И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно,
Один враждует он – зачем? [6. С. 205].*

Именно война, исковерканные ею человеческие судьбы, трагедия отдельной личности являются главной темой новеллы Фегезака. Социально-политические обстоятельства и невозможность быть вместе с любимым человеком приводят Таню к суициду. Вслед за тем и немецкий офицер, не находя смысла жизни без возлюбленной, сознательно ищет смерти на фронте. Новый вариант вечного шекспировского сюжета о Ромео и Джульетте, на что в своей работе «Любовь и война: немецко-славянские взаимоотношения во время войны в литературе послевоенного периода» указал американский исследователь Джон Рональд [7. С. 32]. Трагическая судьба девушки, оказавшейся в своей любви на границе двух несовместимых и даже противоборствующих миров, – это ещё одна внутренняя сквозная линия, объединяющая новеллу Фегезака и роман Лермонтова «Герой нашего времени» (точнее, повесть «Бэла»). Она обозначена уже в самом названии новеллы «Таня: Рассказ с Кавказа». Видимо, Фегезак знал, что повесть «Бэла» впервые была опубликована Лермонтовым в журнале «Отечественные записки» (1839, №3) с подзаголовком «Из записок офицера на Кавказе».

Накануне своей смерти Таня читает стихотворение «Выхожу один я на дорогу» (оно представлено в переводе Фегезака), после чего произносит: *«Неожиданно меня охватило чувство, что и я скоро умру, как будто эти строки обо мне»* [5. С. 113]. Так образ Лермонтова аллюзивно проходит через всё повествование, готовя читателя к трагической развязке и подтверждая мысль, высказанную одним из персонажей: *«Всё прекрасное умирает рано»* [5. С. 80].

Интересно, что описания местности в новелле Фегезака отличаются необыкновенной точностью. Штаб, в котором Таня служит переводчицей, находится на южном склоне горы Машук, в одном из старинных особняков Провальского района. Несколько раз упоминается в рассказе Курортный бульвар (ныне проспект Кирова). Таня живёт на одной из примыкающих к нему улочек, в районе Горячеводской долины. Герои совершают конную прогулку по

машукской кольцевой дороге и попадают к месту дуэли Лермонтова, где осматривают памятный обелиск. Беседка «Эолова арфа» напомнила немецкому офицеру подобную классицистическую беседку в мюнхенском Английском парке. Автор часто обращается к описанию гор Машук, Бештау, Эльбрус, трактует их названия, восхищается их видом. Возможно, роль своеобразных черновиков, помогавших воспроизводить увиденное в памяти и делать детальные описания места действия, у Фегезака выполняли сделанные им фотографии. С той же целью Лермонтов в своё время делал многочисленные карандашные зарисовки в дорожном альбоме. Отмеченная точность описаний местности как у Лермонтова, так и у Фегезака является одним из приёмов, позволяющих достичь эффекта правдоподобности, достоверности описываемых событий. При этом Пятигорск в повествовании Фегезака становится ещё одним действующим лицом. Это город, где всё напоминает о ранней смерти гениального поэта, и герои новеллы не раз об этом рассуждают. Образ лермонтовского Пятигорска словно предопределяет фатальный исход описываемых событий, гибель главных героев.

Таким образом, пребывание на Кавказе оставило глубокий след в эстетическом сознании Зигфрида фон Фегезака. История соприкосновения немецкого писателя с жизнью и творчеством М.Ю. Лермонтова и попытки сотворчества в опыте художественного перевода стихотворения «Выхожу один я на дорогу», изложенная в эссе «Случай в Пятигорске», получила продолжение в его новелле «Таня: Рассказ с Кавказа». В тексте новеллы явным образом присутствует рецепция лермонтовского творчества, которая выразилась как на уровне формы, так и на уровне внутренних аналогий, представленных лермонтовскими темами и мотивами.

В последнее время лермонтоведами неоднократно поднимался вопрос о слабой разработанности анализа современной литературы, содержащей реминисценции из творчества М.Ю. Лермонтова. Особенно это касается зарубежной литературы, которая из-за языкового барьера не сразу становится доступной [8. С. 125]. Применительно к творчеству Фегезака ещё одним, более непреодолимым, оказался барьер идеологический. Советская установка на полярные представления о политической позиции того или иного автора делала многих из них закрытыми для русскоязычного читателя. Так случилось и с Фегезаком: служба

писателя в гитлеровской армии стала причиной недоступности его творчества отечественным читателям и исследователям.

Сегодня личный архив Зигфрида фон Фегезака большею частью хранится в культурном центре Вайсенштайн. Можно предположить, что он содержит немало интересных документов (книги, дневники, записки, письма, фотографии), свидетельствующих о глубоком интересе писателя к творчеству М.Ю. Лермонтова. Возможному введению этих архивных материалов в научный оборот в России, безусловно, должен предшествовать полный перевод названных произведений Фегезака на русский язык, что позволит подробнее рассмотреть их в русле лермонтовской традиции.

Библиографический список

1. Яковкина Е.И. Последний приют поэта. Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на КМВ, 2004.
2. Vegesack S. v. Als Dolmetscher im Osten: Ein Erlebnisbericht aus den Jahren 1942-43. Hannover-Döhren: Verlag Harro v. Hirschdeydt, 1965.
3. Газета «Пятигорское эхо». 5 сентября 1942 г.
4. Газета «Пятигорское эхо». 17 октября 1942 г.
5. Vegesack S. v. Tanja: Drei Erzählungen aus Rußland. Heilbronn: Eugen-Salzer, 1959.
6. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т.1. М.: Правда, 1988.
7. Ronald J. Love and war: German-slavic wartime relationships in post-World War II literature. 1997 // Электронный ресурс Интернет: <http://www.scholarship.rice.edu/handle/1911/17129>.
8. Соснина Е.Л. Актуальные вопросы лермонтоведения // М.Ю. Лермонтов в русской и зарубежной науке и культуре: Материалы Всероссийской научной конференции-2008. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. С. 125-134.

Сведения об авторе

Юрченко Татьяна Ивановна
заместитель директора по научной работе
Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова
E-mail: tat_yurchenko@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.1

ЭКСПЕРТИЗА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И НАУЧНО- МЕТОДИЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ ПРОФЕССОРСКО- ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА В РАМКАХ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ*

М.В. Лагунова

*Нижегородский государственный архитектурно-строительный
университет, Нижний Новгород*

В статье осуществлено сопоставление сложившихся подходов к оценке результативности образовательных достижений профессорско-преподавательского состава в практике повышения квалификации в вузе, обоснована продуктивность компетентностного подхода к оценке образовательных достижений, описаны цели, процедура и критерии оценочной экспертизы, отмечается ее актуальность для повышения качества высшего образования.

Ключевые слова: экспертиза образовательных достижений, система повышения квалификации, информационно-технологическая компетентность преподавателя, качество образования.

Assessing the Faculty's Achievements in Teaching, Research / Scholarship, and Academic Service as Part of Professional In-Service Training and Development

Marina Lagunova

The article examines and compares existing approaches to assessing university faculty's achievements in teaching, research / scholarship, and academic service as part of their professional in-service training and development, and promotes the competency-based approach as the optimal assessment of these achievements. The paper outlines the goals of competency-based assessment, describes its procedures and assessment criteria, and substantiates its relevance in enhancing the quality of modern higher education.

* Подготовлено в рамках выполнения работ по государственному заданию Министерства образования и науки Российской Федерации, проект 6.5157.2011 «Экспертиза заявок для включения в перечень проектов, выполняемых вузом в рамках государственного задания, и итоговая экспертиза проектов, выполняемых в течение года».

Key words: assessment of educational achievements, professional training and development, faculty's ICT competency, quality of education.

Проблема обеспечения качества высшего образования, соответствующего современным требованиям, неразрывно связана с усилением требований к качеству работы профессорско-преподавательского корпуса.

Динамическое развитие информатизации диктует необходимость непрерывного информационного образования. Под последним понимается образование как способ реализации человека посредством самообразования, длящегося всю его сознательную жизнь (С.Я. Батышев, А.М. Новиков и др.). Развитие этой идеи есть следствие реализации гуманистической парадигмы, где в центре внимания находится личность, ее потребности и способности, получающие разностороннее развитие. Система повышения квалификации профессорско-преподавательского состава является важнейшим компонентом формирования активного кадрового потенциала высшей школы, мотивированного к постоянному самосовершенствованию.

Интегральным критерием качества профессионального образования рассматривается сегодня уровень способности субъектов образовательного процесса к самореализации в профессиональной деятельности, поэтому экспертизу профессиональных достижений профессорско-преподавательского состава высшей школы нельзя рассматривать в отрыве от стратегии развития вуза, направленной на улучшение качества подготовки специалистов [1].

Реализация идеи непрерывного образования предусматривает создание условий для последовательного удовлетворения потребностей личности преподавателя в углублении и расширении, постоянном повышении уровня системности информационной деятельности [2]. Актуальность задачи повышения уровня информационно-технологической компетентности педагогов высшей школы диктуется логикой развития педагогической науки и опирается на методологические подходы непрерывной профессиональной подготовки квалифицированных специалистов, разработанных отечественными учеными. Однако параметры учебно-программных материалов, регламентирующих дополнительную образовательную

деятельность, отвечающую стремительным и коренным изменениям в области информационной индустрии, пока нормативно не определены. В связи с этим возрастает необходимость уточнения теоретических позиций в этом направлении. Проблемы экспертизы и оценки качества повышения квалификации преподавателей для инновационной научно-методической деятельности до настоящего времени не решены, что делает актуальным их дальнейшую научно-теоретическую и практическую разработку.

Анализ существующей системы повышения квалификации профессорско-преподавательского состава показал, что она направлена на решение задач профессионально-личностного развития преподавателя высшей школы. В последнее время актуальны курсы повышения квалификации, предлагающие обновление знаний и навыков лиц, имеющих профессиональное образование, в связи с повышением требований к уровню их квалификации и необходимостью освоения ими новых способов решения профессиональных задач. Этот вид дополнительного образования, согласно нормативным документам, предусматривает обучение в объеме не менее 72 часов.

Необходимо подчеркнуть, что в системе высшего профессионального образования технического профиля преподавательский корпус, как правило, не имеет специального педагогического образования и лишь частично знаком с традиционными образовательными моделями, направленными на передачу знаний. При этом инновационные методы, использующие возможности, предоставляемые ИТ-технологиями, применяются, как правило, бессистемно, что в лучшем случае позволяет моделировать традиционную образовательную практику, не давая необходимого на современном этапе нового качества преподавания. При входном анкетировании при реализации образовательных программ Межотраслевого института повышения квалификации ФГБОУ ВПО «ННГАСУ» на тему того, в каком качестве компьютер используется в профессиональной деятельности, выяснилось, что большинство преподавателей используют компьютер в основном как средство оформления учебных и научных материалов.

Обзор диссертационных исследований последних лет позволил установить, что система повышения квалификации не всегда

обеспечивает специалистам то содержание, которое необходимо им для практической профессиональной деятельности и последующего развития профессионального мастерства. Изменения в мире информационных технологий настолько динамичны, что требуют практически непрерывного пополнения и обновления соответствующих знаний и умений в процессе последипломного образования. Наличие незначительного исторического опыта в переподготовке преподавателей в области информационных технологий, разнонаправленность базового образования слушателей, существенные различия в технической оснащенности кафедр и подразделений, в которых работают слушатели, усугубляют ситуацию.

Следует отметить, что научно-методическое обеспечение процесса дополнительного обучения в области повышения информационно-технологической компетентности педагогов разработано недостаточно и не всегда обеспечивает как организацию дифференцированного обучения в соответствии с профессиональными и личными потребностями, так и возможность обоснованной оценки ее результативности.

При изучении традиционной схемы осуществления процесса повышения квалификации, представленной как управляемый процесс, можно выявить такие входные параметры, как «планы повышения квалификации», «слушатели, направленные на курс», «ресурсное обеспечение» (к которому относятся программы повышения квалификации, источники финансирования, материально-техническое обеспечение процесса). Традиционными выходными параметрами процесса считаются: «преподаватели, прошедшие повышение квалификации», «документы, подтверждающие повышение квалификации», предполагающие, но не гарантирующие повышение результативности и эффективности профессиональной деятельности. Традиционными критериями результативности являются: документальное подтверждение повышения квалификации; практическое внедрение результатов в учебный процесс; улучшение образовательного процесса и рост удовлетворённости обучающихся. На практике же мониторинг качества сводится к фиксации первого критерия.

Представляется продуктивным и приоритетным рассмотрение

результативности повышения квалификации в ходе освоения образовательных программ, направленных на обеспечение становления и дальнейшего развития профессионализма педагогов в соответствии с их личностными потребностями и социально-педагогическим требованиями информатизации образования в рамках компетентностного подхода [3].

Компетентностный подход к оценке результативности вносит существенные коррективы в организацию процесса курсовой подготовки, ориентируя его на деятельностный, практико-ориентированный характер. В нормировании требований к качеству подготовки главенствующее значение приобретают позиции, предполагающие выявление и четкую ориентацию совокупности компетенций на задачи профессиональной деятельности профессорско-преподавательского состава и привлечение экспертов к оцениванию качества образовательных достижений профессорско-преподавательского состава как результатов курсовой подготовки. На фоне этих изменений возникает новое определение качества повышения квалификации, которое трактуется как комплекс характеристик результатов образовательного процесса, определяющих последовательное, эффективное формирование профессиональных компетенций, повышение информационно-технологической культуры, развитие профессионального сознания, способности к самообразованию.

В целом совокупность таких характеристик на уровне целеполагания должна отражать способность преподавателя осуществлять профессиональную деятельность в соответствии с требованиями современного этапа развития информатизации образования, с высокой эффективностью в сочетании с ответственностью за результаты профессиональной деятельности.

Необходимыми организационно-педагогическими условиями компетентностного подхода, обеспечивающими возможность экспертной оценки образовательных достижений, являются:

- активное вовлечение профессорско-преподавательского состава в ходе обучения в решение задач развития предметной подготовки, учебно-методической базы кафедры, вуза;
- обеспечение условий профессионального роста с учётом профессиональной компетентности и интересов и потребностей

самого преподавателя;

- обеспечение разноплановой объективной экспертизы продуктов деятельности преподавателя и оказание всесторонней методической помощи;

- обеспечение возможностей для публичного представления преподавателем своих достижений с целью независимой оценки успешности его деятельности.

Наряду с компетентностным подходом методологическим основанием является использование андрогогического подхода. Процесс и результат обучения специалистов, уже имеющих профессиональное образование и состоявшихся в профессиональном плане, имеет существенные отличия и особенности:

- приоритет самостоятельности обучения предполагает самостоятельное определение специалистами целей, форм, методов своего обучения, определение траектории саморазвития;

- совместная деятельность – включение в процесс планирования, реализации и оценивания результатов обучения обучаемых и обучающихся;

- опора на профессиональный опыт обучаемых для достижения положительных результатов обучения;

- индивидуализация – обучаемый сам строит программу своего обучения в соответствии со своими профессиональными потребностями и способностями;

- актуализация результатов – безотлагательное применение на практике полученных знаний и умений, востребованных в профессиональной деятельности.

Из своеобразия обучающихся вытекают задачи системы дополнительной информационной подготовки в рамках курсовой подготовки, констатация которых лежит в основе экспертной деятельности:

- помочь слушателю осуществить диагностику и самодиагностику уровня своей информационно-технологической компетентности;

- обновить знания слушателей, преодолевая разрыв между ранее полученной информационной подготовкой и новыми требованиями информационно-коммуникационной деятельности;

– перестроить устаревшие установки, сложившиеся в профессиональном опыте стереотипы и штампы, помочь посмотреть на свой опыт информационно-коммуникационной деятельности с новой точки зрения, преодолеть возможные ошибки накопленного практического опыта профессиональной деятельности;

– помочь учесть чужой опыт и переплавить его в свой индивидуальный информационно-коммуникационный опыт, на основе чего проектировать свой дальнейший рост в области IT-технологий;

– стимулировать мотивацию к дальнейшему профессиональному саморазвитию средствами IT-технологий.

Эти задачи определяют механизмы, способы развития преподавателя в дополнительном информационном образовании. Психологическим механизмом является перестраивание уже сложившейся IT-деятельности: включение нового действия в состав сформированной деятельности, новых задач в структуру деятельности; замена одного действия, приема другими; изменение мотивационных установок или придание им нового смысла; изменение самооценок.

Результатом успешного процесса повышения уровня информационно-технологической компетентности является усиление потребности в дальнейшем непрерывном образовании, преобразование профессиональной деятельности с реальным использованием в ней новых знаний и приемов. Важным результатом является также более точное представление о себе как о специалисте и профессионале, усиление авторства своей дальнейшей профессиональной жизни, рефлексия новых проблем в профессии и себя в профессии, удовлетворенность результатами обучения, сохранение собственной индивидуальности при усвоении чужого опыта.

Описанные положения определяют общую направленность учебного процесса, представляют определенные требования к оценке результативности учебно-познавательной деятельности слушателей курсовой подготовки по программе «Проблемы информатизации образования», реализуемой в МИПК ФБГОУ ВПО «ННГАСУ». Программа призвана обеспечить профессиональную успешность в педагогической деятельности путем расширения механизмов

управления учебно-воспитательным процессом на основе реализации теоретических, технологических и методических составляющих информатизации. При выборе компетентностной модели подготовки в рамках образовательной программы повышение квалификации слушателей увязывается с развитием компетентностей, что открывает возможность для методического переосмысления применяемых инновационных форм и методов оценки результатов образовательной деятельности.

Актуальной является технология экспертизы образовательных достижений профессорско-преподавательского состава в ходе освоения программы. Анализ подходов к трактовке качества высшего профессионального образования в контексте компетентностной модели [4; 5], потребовал сформировать репрезентативную совокупность показателей качества, разработать оценочную методику и инструментарий на основе аппарата теории педагогических измерений.

Оценочные материалы итоговой аттестации слушателей курсов повышения квалификации предназначены для решения задачи соответствия, т.е. для установления в ходе аттестационных испытаний выпускников, завершивших освоение программы повышения квалификации, факта соответствия или несоответствия уровня их подготовки требованиям программы.

К этим материалам следует отнести методические разработки, определяющие процедуру и критерии оценки соответствия уровня выполнения и защиты слушателем выпускной работы требованиям программы.

Приведенные ниже принципы определяют процедуру проведения экспертной оценки.

– Интерактивность, диалогичность и сотрудничество. Взаимодействие авторов учебно-методических проектов, созданных в ходе курсовой подготовки, и экспертов должно быть интерактивным, то есть обоюдно активным, с целью более точного выявления целей, замыслов и полноценных достижений авторов.

– Добровольность и доброжелательность. Как авторы, так и эксперты должны быть мотивированы к диалогу и сотрудничеству с целью достижения взаимопонимания.

– Междисциплинарность и плюрализм экспертизы. Этот принцип обеспечивается введением в экспертную группу разнопрофильных специалистов, способных оценить дидактическую, психологическую, философскую, информационную компоненту проекта, что обеспечит диалог разных точек зрения.

– Практиологичность. Экспертное заключение опирается на востребованность и практическую полезность анализируемого учебно-методического проекта при опоре на теоретические положения и позиции, соответствующие содержанию подготовки.

– Приоритет деятельностного критерия. Оценивается степень овладения компетенциями, которая не должна подменяться оценкой знаний или личностных качеств выпускника курсов. Этот принцип ориентирует также на оценку хода процесса обучения, особенностей взаимодействия слушателей с преподавателями курсовой подготовки, на учет индивидуальных траекторий прохождения изучаемых тем, степень отличия предъявляемых результатов от стандартных и общедоступных данных.

– Индивидуализация. Оценка должна учитывать объективные различия в компетенциях конкретных преподавателей с учетом специфики кафедры, степени, должности, стажа и пр. При единых показателях оценки качества отсчет уровней качества и качественные оценочные характеристики деятельности могут быть различны.

Таким образом, оценка качества результатов обучения строится на проведении многофакторного анализа изменений по ряду показателей качества курсовой подготовки, позволяющих выявлять тенденции изменения качества, прогнозировать их и принимать не только оперативные, но и стратегические управленческие решения.

Система оценки должна включать систему оценочных материалов, адекватных перечню требований – компетенций к выпускнику курсов [6].

На первом этапе установлен дополненный требованиями-компетенциями состав требований к преподавателю высшей школы, формируемых в рамках образовательной программы повышения квалификации. Из всего набора выделены компетенции, овладение которыми целесообразно проверить по окончании курсовой подготовки. Например, в ходе реализации программы ««Проблемы

информатизации образования» выделены профессиональные компетенции, включающие способности:

- самостоятельно приобретать новые знания при использовании образовательных web-сервисов для решения своих профессиональных проблем;
- анализировать и проектировать содержание, формы и методы обучения в вузе в соответствии с требованиями ФГОС ВПО на основе теоретических, технологических и методических аспектов информатизации образования;
- разрабатывать инновационные учебно-методические комплексы, используя современные технологические возможности информатизации образования;
- использовать приемы эффективной профессиональной коммуникации при необходимом уровне защиты конфиденциальной информации;
- совершенствовать систему контроля качества всего учебного процесса, создавая необходимые дидактические материалы, и оптимизировать использование ресурсов.

Выделены основные модули программы, в рамках которых формируются данные компетенции:

- философские основания информатизации: информационная реальность и перспективы развития общества;
- государственная политика в области информатизации образования;
- информационное право;
- психолого-педагогические основы информационной культуры специалиста;
- современная информационная среда вуза;
- информационные ресурсы профессиональной деятельности;
- разработка инновационных дидактических средств.

На основании этой систематизации и выделения учебных модулей выделен перечень задач, по выполнению которых можно судить о степени овладения требуемой компетенцией. Очевидно, что число способов выполнения заданий и элементов, по которым можно судить о задаче соответствия, велико.

Процедура установления значимости модульного задания определяется экспертным путем. На основании выделенных весовых коэффициентов возможно формирование выпускных работ, являющихся комплексным проектным заданием, составленным из полученного массива модульных заданий с близкой суммой весов. Фрагмент диагностического инструментария для оценки комплексного проектного задания, составленного из полученного массива модульных заданий, показан в таблице.

Структура оценки образовательных достижений слушателя ППК

Вид деятельности и оцениваемые показатели	Возможное количество баллов	Способ вывода оценки	Источник информации
1	2	3	4
1. Создание программы преподаваемой дисциплины	Итоговое: 0-8	Путем суммирования	Программа выбранной дисциплины
а) содержание программы соответствует требованиям ФГОС ВПО, содержит инновационный компонент	0-5		
б) оформление программы соответствует предоставленному шаблону, имеет полную структуру	0-3		
2. Демонстрация особенностей программы в форме презентации	Итоговое: 1-10	Путем суммирования	Презентация слушателя
а) презентация содержит не менее 5 слайдов, отображающих основное содержание программы	1-5		
б) в оформлении применяются гипертекстовые и мультимедийные технологии	0-5		
3. Применение технологий e-Learning в создании образовательного контента по рабочей программе	Итоговое: 4-15	Путем суммирования	Электронные образовательные ресурсы, созданные в рамках оболочки e-Learning; рабочая программа дисциплины
а) образовательный контент создан с применением всей полноты функциональных возможностей системы e-Learning	3-10		
б) содержание образовательного контента соответствует содержанию рабочей программы выбранной дисциплины	1-5		

4. Применение возможности web-сервисов в процессе преподавания выбранной дисциплины	Итоговое: 0-10		
а) используются технологии расширенного web-поиска для обогащения содержания преподаваемой дисциплины	0-5	Путем суммирования	Электронные образовательные ресурсы, созданные слушателями
б) используются возможности OpenSource и web-серверов для создания интернет-контента выбранной дисциплины	0-5		
5. Демонстрация фрагмента преподавания выбранной дисциплины в форме презентации	Итоговое: 0-15		
а) содержание представленного фрагмента соответствует рабочей программе	0-5	Путем суммирования	Презентация слушателя
б) оформление представленного фрагмента включает применение мультимедийных и гипертекстовых технологий	0-5		
в) материал представленного фрагмента изложен доступно и понятно	0-5		

Определение критериев соответствия или несоответствия проекта и его защиты предполагает установление порогового значения для оценки образовательных достижений в целом. Для комплексной оценки качества образовательных достижений слушателей необходимо осуществлять мониторинг уровня познавательной активности, уровня сформированности компетенций, освоенных умений, других учебных достижений слушателей на протяжении периода обучения и фиксировать эти данные для анализа прироста качества в виде дескриптивной статистики и различных документов на количественном и качественном уровнях измерения.

Целесообразно применение дополнительных опросных листов для заведующих кафедрами, где работают преподаватели, позволяющие судить о внешней оценке овладения соответствующими компетенциями. Экспертное заключение (как внутреннее, так и внешнее) может включать предложения по корректировке проекта, рекомендации по презентации материалов, по дополнению учебных модулей.

Экспериментальная деятельность подтвердила, что оценку качества образовательных достижений профессорско-преподавательского состава необходимо строить на проведении многофакторного анализа изменений по ряду показателей качества курсовой подготовки, позволяющих выявлять тенденции изменения качества, прогнозировать их и принимать не только оперативные, но и стратегические управленческие решения.

Выделим ряд условий эффективности подобной экспертизы:

- системный подход, обеспечивающий слаженную работу участников курсовой программы по сбору, обработке, анализу и интерпретации информации;
- сочетание количественных и качественных методов измерений в мониторинге и итоговой экспертизе;
- преимущественная ориентация системы показателей, по которым проводится экспертиза, на практическую реализацию в педагогической практике;
- достаточная полнота совокупности показателей, учет различных факторов, в том числе и косвенно влияющих на результаты обучения;
- привлечение к проведению экспертизы представителей администрации вуза.

Реализация комплексного подхода к экспертизе результатов образовательных достижений профессорско-преподавательского состава должна включать динамический, сравнительный, дифференцирующий и прогностический анализ данных измерений и регламентироваться рядом научных требований к анализу и интерпретации данных измерений. К этим требованиям следует отнести обеспечение сопоставимости с оценками качества образования.

В заключение отметим, что актуальность проблемы повышения качества образования носит непреходящий характер, поскольку именно ему отводится ведущая роль в обеспечении воспроизводства необходимой квалификации населения, уровень образованности которого – залог успешного развития общества.

Библиографический список

1. Бордовская Н.В., Титова Е.В. Качество деятельности преподавателя вуза: подход к пониманию оценки // Вестник СЗО РАО. СПб., 2002. №7. С. 192-206.
2. Сухомлин В.А. Принципы построения системы ИТ-образования // Открытые системы. 2005. №5. С. 29-37.
3. Лазарев В.С. Принципы и процедуры определения требований к результатам инновационного образования на основе компетентностного подхода. М., 2006. 187 с.
4. Жигалев Б.А. Актуальные вопросы теории и методологии оценки качества профессионального образования в лингвистическом вузе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 13. 2011. С. 181-192.
5. Жигалев Б.А. Компетентностный подход как методологическая основа оценки качества образования в вузе // Приволжский научный журнал. Нижний Новгород: ННГАСУ, 2010. №4. С. 230-234.
6. Новикова Т.Г. Экспертиза инновационной деятельности в образовании. М.: ACADEMIA, АПК и ПРО, 2005.

Сведения об авторе

Лагунова Марина Викторовна
доктор педагогических наук,
профессор кафедры инженерной геометрии,
компьютерной графики и автоматизированного проектирования
Нижегородского государственного
архитектурно-строительного университета
E-mail: mvlnn@rambler.ru

УДК 378.1:811

СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА-ЛИНГВИСТА

Н.В. Макшанцева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается сущностная характеристика профессиональной языковой личности специалиста в области лингвистики и межкультурной коммуникации, формирование профессионального лингвистического мышления в контексте концептуального подхода.

Ключевые слова: профессиональная языковая личность, профессиональное мышление, дискурс, текст, концепт, герменевтика.

Essential Features of the Linguist's Professional Linguistic Personality **Natalia Makshantseva**

The paper explores essential features of the professional linguistic personality of a specialist in the field of linguistics and international communication, as well as formation of professional linguistic thinking in the context of concept research in linguistics.

Key words: professional linguistic personality, professional thinking, discourse, text, concept, hermeneutics.

Появление в науке последних десятилетий категории языковой личности (ЯЛ), профессиональной языковой личности обусловлено антропоцентрической парадигмой, согласно которой научные объекты изучаются по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности [1. С. 228]. По справедливому суждению Ю.Д. Апресяна, язык «в высокой степени антропоцентричен. Громадная часть его словаря посвящена человеку – его внутреннему миру, восприятию внешнего мира, физической и интеллектуальной деятельности, его целям, отношениям с другими людьми, общению с ними, оценкам событий, положений и обстоятельств» [2. С. 18].

Аксиоматично утверждение, что язык нельзя познать сам по себе, не выходя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, конкретной языковой личности [3. С. 7]. В связи с этим языковая личность исследуется не только в лингвистике, но и в лингводидактике, лингвокультурологии, социолингвистике, психолингвистике и др.

Концептуальные основы языковой личности, различные подходы, определяющие статус ее существования, нашли воплощение в научных работах Н.Д. Арутюновой, Г.И. Богина, В.В. Виноградова, С.Г. Воркачева, Н.Д. Гальсковой, Г.И. Елизаровой, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, Л.П. Клобукова, А.А. Котова, О.А. Леонтович, Ю.Е. Прохорова и др.

Ф.И. Буслаев первым в отечественной лингвистике выдвинул категорию личности ученика и понимал ее как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков разной сложности по видам речевой деятельности» [4. С. 29].

Сегодня многогранный феномен языковой личности рассматривается в различных аспектах: ЯЛ с точки зрения созданных ею текстов (Г.И. Богин, В.П. Белянин); гендерные, возрастные особенности ЯЛ (Т.Л. Хризман, Р.Ф. Серебрякова, О.В. Крысина, Т.И. Полюкова); изучаются языковые портреты выдающихся личностей (А.Е. Агикова, Т.Н. Галицина, Т.В. Кочеткова), социолингвистические черты ЯЛ (Ю.Н. Караулов, Л.П. Крысин, Л.Т. Рытникова); коммуникативно-деятельностные векторы ЯЛ (Т.К. Донская, И.Б. Игнатова, Т.В. Самосенкова, И.В. Сентенберг, И.Б. Тарасова, И.И. Халеева и др.); исследуются профессиональные особенности ЯЛ (Е.И. Голованова, Ю.Н. Караулов, В.А. Маслова, А.Д. Самигуллина, К.Х. Седых, К.Н. Хитрик).

В последние десятилетия проблема становления профессиональной языковой личности является одной из главных задач педагогики высшей школы в области гуманитарных дисциплин в целом. Однако сущностные характеристики профессиональной языковой личности специалиста в области лингвистики и межкультурной коммуникации изучены недостаточно.

Целью данной статьи является уточнение и конкретизация понятия «профессиональная языковая личность» специалиста-лингвиста, способного к культуротворческой преобразующей деятельности, а также выявление специфики формирования профессионального лингвистического мышления.

По мнению Ю.Н. Караулова, профессиональная языковая личность – это носитель языка, охарактеризованный на основе анализа дискурса с точки зрения использования в дискурсе системных

средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности и для достижения определенных целей в этом мире. Структура дискурса соотносима со структурой профессиональной языковой личности, которой, как и языковой личности, присущи мотивационно-деятельностный и когнитивный уровни, а также лингвистический уровень, репрезентирующий язык как текст, систему и способность.

Профессиональная языковая личность раскрывается в особенностях производимых ею языковых единиц и целостных текстов, в своеобразии принадлежащего личности профессионального дискурса [5. С. 261].

Реконструкция профессиональной языковой личности через тексты, дискурс играет определяющую роль в профессиональной деятельности будущих специалистов в области лингвистики и межкультурной коммуникации.

Профессиональная деятельность лингвиста полифункциональна. Объекты профессиональной деятельности специалиста-лингвиста – это язык, человек, текст, культура. Кроме того, лингвист выступает посредником межкультурного коммуникативного акта в концептосферах разных культур.

С.С. Аверинцев отметил, что деятельность в филологии – «служба понимания» [6. С. 544]. Как служба понимания, филология помогает выполнению одной из главных человеческих задач – понять другого человека, другую культуру и другую эпоху. Эта мысль созвучна высказыванию Л.В. Щербы о том, что основой филологии является отличное понимание текстов.

В контексте сказанного профессиональная языковая личность – это специалист, овладевший предметом и метаязыком профессии, в нашем случае – лингвистики, концептологии. Владение предметом профессии при этом означает воспроизведение в субъективной форме сущности предмета профессии, представляющее собой преобразованную форму внутреннего умственного процесса познания и деятельности.

Необходимость изучения профессиональной языковой личности как целостного феномена, как фактора, интегрирующего разрозненные, далеко расходящиеся интересы и результаты исследовательской практики, обусловлена формированием

профессионала-лингвиста. «Система языка локализована в мозгу говорящих людей» [7. С. 13], поэтому необходимо исследовать условия ее становления, существования и функционирования в указанной «среде», а именно, в языковой личности, которой свойственно профессиональное мышление. Насущной задачей профессиональной подготовки специалиста соответственно является формирование профессионального мышления. Теоретические проблемы профессионального мышления изложены во многих трудах отечественных ученых Л.С. Выготского, Б.Г. Ананьева, П.Я. Гальперина, А.Н. Леонтьева, А.М. Матюшкина и др.

Проведенный анализ содержания понятий «мотива» и «операциональности», профессионального мышления у разных ученых в целом позволяет сделать вывод о том, что профессиональное мышление – характеристика качества, уровня совершенства мышления специалиста (аспект качества), особенности мышления, обусловленные характером профессиональной деятельности (предметный аспект), и процесс решения профессиональных задач (нормативно-операциональный аспект).

Однако изучение лингвистического мышления в предметно-профессиональном аспекте не проводилось.

В толковании профессионализма как внутренней характеристики субъекта А.К. Маркова выделяет две стороны: состояние мотивационной сферы профессиональной деятельности (какие мотивы побуждают человека, какой смысл имеет в его жизни профессиональная деятельность, какие цели он ставит, насколько он удовлетворен трудом и т.п.) отражает духовное наполнение профессии. Состояние операциональной сферы профессиональной деятельности (как, какими приемами он достигает поставленной цели, какие техники использует, какие средства – знания, мыслительные операции – применяет) отражает технологическое обеспечение духовного наполнения профессии.

Под профессиональным мышлением понимается предметно-профессиональная реальность, преобразованная в форму внутреннего когнитивного (умственного) процесса, адекватного нормативной (эталонной) модели исполнительской части мыслительной деятельности применительно к объекту труда (к языку).

Сущностью предмета профессиональной деятельности в нашем случае является профессиональное наследие, сохраненное социумом, то есть ментальность как национальный способ видения мира и действия в определенных обстоятельствах, мировоззрение в категориях и формах родного языка [8. С. 76]. Задача высшей школы – воспитание профессионального мышления в категориях и формах специальности студента через освоение профессиональной языковой картины мира. Изучение профессиональной картины мира через дискурс предполагает а) овладение концептосферой данной специальности; б) освоение связей и отношений между изучаемыми областями знаний; в) изучение механизмов и закономерностей концептуализации мира.

Ключевым понятием профессионального мышления, сознания является концепт, который изучается в связи с процессами говорения и понимания как процессами взаимодействия психических субъектов.

Изучение закономерностей концептуализации предполагает понимание процесса порождения и трансформации смыслов, формирования разных способов представления знаний, воплощенных в концептуальных единицах.

Соответственно объектом профессиональной деятельности специалиста по лингвистике и межкультурной коммуникации выступает духовная культура, отраженная в памятниках культуры (текстах), представляющая собой совокупность представлений, идей, убеждений, которые являются объединяющими для того или иного народа и оказывающими воздействие на поведение и деятельность его членов. Текст также выступает как духовная культура человека, как концентрированный в духовно-нравственных ценностях человеческий опыт по решению жизненных проблем: отношение к людям с добротой, к разуму («истина»), стремление к гармонии («красота»), представления о достойной жизни («свобода», «совесть»), созидание жизни («труд», «познание», «общение»).

Профессиональное языковое мышление, таким образом, является универсальной потребностью и способностью видеть, отыскивать смысл во всем сущем, состояние внутренней жажды смысла, постоянного стремления к открытию его в слове, единства формы и смысла в самом полном его проявлении. Для специалиста-лингвиста практическое овладение смыслами обеспечивает

адекватность понимания и предполагает языковую, метаязыковую, социокультурную, социопсихологическую интерпретацию конкретной ситуации профессиональной деятельности.

Уточнение профессионального лингвистического мышления осуществляется на основе 1) изучения особенностей когнитивных процессов концептуального описания языковых единиц; 2) изучения особенностей понимания в логико-гносеологическом, психологическом и филолого-герменевтическом аспектах.

Показателями когнитивных процессов структуры профессиональной деятельности специалистов по лингвистике и межкультурной коммуникации являются интеллектуальная продуктивность, творческая продуктивность, аналитический склад ума, внимательность, гибкость мышления.

Педагогический потенциал текста для развития профессионального мышления студента заключается в разработке нормативной модели мыслительной деятельности по отношению к тексту.

Структурно-содержательная модель профессионального лингвистического мышления представляет собой две стороны: детерминантную и операциональную.

Детерминантная составляющая профессиональной деятельности включает в свой состав представление о сущности профессионального предмета, мотивационный компонент (стремление к сохранению и «оживлению» духовного опыта человека), когнитивные модели знания.

Спектр профессиональной деятельности функций будущего специалиста в настоящей работе выглядит следующим образом:

1. Функция взаимодействия культур через язык.
2. Функция соотношения языковых «картин мира» отправителя и получателя информации.
3. Функция систематизации знаний, опыта коммуникантов.
4. Функции «межкультурного общения» (адекватное понимание смысла информации).
5. Функция постижения смысла текста, информации, коммуникативного контекста (герменевтика социальных отношений).
6. Функция восприятия, интерпретации, категоризации и концептуализации целостной коммуникативной ситуации.

Библиографический список

1. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
2. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Избранные труды. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1987.
4. Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. М.: Просвещение. 1992.
5. Голованова Е.И. Профессиональная языковая личность: специфика профессиональных процессов в сфере теории и практики // Non multum sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: Сб. науч. трудов в честь Б.Ф. Новодрановой. М.: Авторская академия. 2010. С. 261.
6. Аверинцев С.С. Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 544.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984. 148 с.
8. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова... СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.

Сведения об авторе

Макшанцева Наталия Вениаминовна
доктор педагогических наук, профессор,
зав. кафедрой стилистики русского языка и культуры речи
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: makshan@lunn.ru

УДК 37.014.521:271.2(470.341)

РАЗВИТИЕ ПРАВОСЛАВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В НИЖЕГОРОДСКОМ РЕГИОНЕ КАК ФАКТОР МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ[†]

М.П. Самойлова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье анализируется современное состояние наиболее массовых православных учебных заведений Нижегородского региона – воскресных школ и гимназий, оценивается их значимость для региональных межконфессиональных отношений.

Ключевые слова: православие, образование, гимназия.

The Development of Religious (Russian Orthodox) Education in Nizhny Novgorod Region as a Factor in Inter-Faith Relations

Maria Samoylova

The article analyzes the current state of Russian Orthodox Sunday schools and Russian Orthodox secondary schools as the most heavily attended religious educational institutions in Nizhny Novgorod region, assessing their relevance to the inter-faith relations in the region.

Key words: Russian Orthodox, education, religious schools.

Актуальность обозначенной темы обусловлена необходимостью проанализировать состояние развития православного образования в Нижегородском регионе в связи с ростом количества православных учебных учреждений. Двадцать лет назад все образовательные структуры Русской православной церкви были представлены несколькими духовными школами – Московской и Ленинградской академиями и семинариями и Одесской семинарией. В огромной стране не было другой возможности получить систематическое православное религиозное образование, кроме учебы в этих малолюдных заведениях. Все другие его формы были запрещены. Частные инициативы пресекались властями – учить религиозным обрядам (что уж говорить о богословии) нельзя было даже своих детей [1. С. 78]. В настоящее время в Нижнем Новгороде и области

[†] Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение проекта 6.4957.2011 «Стратегии межкультурной коммуникации и этноконфессиональная безопасность России».

представлены разнообразные православные образовательные учреждения. Их статус и форма даваемого ими образования весьма многообразны. РПЦ и государственные органы перешли от конфронтации к сотрудничеству – в том числе и в образовательной сфере.

Предметом данной статьи являются самые востребованные в обществе православные учебные заведения, обучающие наибольшее количество учеников, а именно воскресные школы и православные гимназии. В настоящее время на территории Нижегородской митрополии ведут образовательную деятельность 10 православных гимназий, десятки воскресных школ (только на территории Нижнего Новгорода действует 31 школа), в обществе наличествует интерес к богословскому образованию, о чем свидетельствует рост количества учеников в воскресных школах и гимназиях, а также открытие соответствующих направлений подготовки в вузах.

Наиболее многочисленным типом православных учебных заведений являются воскресные школы. Эти школы существуют, как правило, при храмах и находятся в шаговой доступности прихожан. Учебные программы таких школ ориентированы на то, чтобы раскрывать детям и подросткам основы православного вероучения, помогать осваивать Библию, давать представления о главных церковных праздниках и святых, православном образе жизни и приобщать к православной культуре. Эту работу можно назвать катехизаторской, или вероучительной. Учебные программы воскресных школ рассчитаны, как правило, на два года обучения (либо три года для совсем маленьких детей). В основном в этих школах обучаются дети прихожан. Меньшую часть от общего числа учащихся составляют взрослые. Учебный процесс в таких школах организован по-разному: в части школ дети учатся по-школьному, сидя за партами и слушая уроки преподавателя. В других – обучение практикуется в виде бесед, игр и носит интерактивный характер, многие школы сочетают традиционные школьные методы с интерактивными, дети и взрослые прихода совместно организуют мероприятия, проводят праздники, обучение строится скорее по принципу «клуба» – с чаепитиями и долгими разговорами.

В большинстве воскресных школ ученикам преподают следующие предметы: Закон Божий, основы православной культуры,

историю Русской православной церкви, духовно-нравственное воспитание, церковно-славянский язык.

Преподаются в ряде школ также дисциплины: церковное пение, жития святых (например, в приходе Соборной церкви в честь Живоначальной Троицы в Высоково), благочестие, деяния апостолов, духовная музыка и др.

В программу обучения воскресных школ входят также разнообразные кружки, как рукоделие, резьба по дереву, рисование, существуют детские театральные студии и др. Ведется работа с родителями, проводятся родительские лектории, при некоторых школах действуют литературные кружки (такой, например, как литературная гостиная «Свеча» в воскресной школе при храме Покрова Пресвятой Богородицы г. Богородска).

Родители учеников воскресных школ, как правило, являются активными прихожанами прихода, принимают активное участие в организации паломнических поездок и праздников. В качестве форм внеклассной работы практикуются следующие: участие детей в богослужениях, паломнические поездки, благотворительные концерты, участие детей и педагогов в различных конкурсах. При нижегородском приходе церквей в честь Смоленской и Владимирской икон Божией Матери наличествует опыт работы городского и загородного православных лагерей, которые являются продолжением годовой работы с воспитанниками. В июне при приходе работает городской лагерь, в июле – загородный, в августе – общепархиальный.

Учебный процесс во многих воскресных школах снабжён наглядностью, достаточным раздаточным материалом для работы с текстами Священного Писания, учебниками по церковно-славянскому языку. В ряде школ, где есть соответствующая материальная база, в учебном процессе используются аудио и видеоаппаратура, есть компьютеры, видеотека и аудиотека (например, в школе в главном храме г. Богородска в честь Покрова Пресвятой Богородицы в Богородском благочинии, в приходе церквей в честь Смоленской и Владимирской икон Божией Матери, в школе при храме во имя Живоначальной Троицы села Кантаурово Борского района, при церкви в честь Нерукотворного образа Спаса села Сосновское Павловского благочиния и др.).

Несмотря на то, что этот вид православных учебных учреждений активно развивается, есть и проблемы. Учебные планы воскресных школ отличаются большим разнообразием, конкретный учебный процесс в ряде школ зависит от наличия преподавательских кадров, их энтузиазма и квалификации. Воскресная школа как тип православного учебного заведения еще концептуально не осмыслен. Православные педагоги по-разному представляют, каково ее место и значение в церковной жизни. Эти учебные заведения, их педагогические коллективы нуждаются в обмене педагогическим опытом, выработке и обновлении целевых установок православного образования в современных условиях, а также в современной учебной литературе, отражающей православные ценности.

На проводимом ежегодно совещании директоров, духовников и педагогов воскресных школ из всех благочиннических округов Нижегородской епархии в православном культурно-просветительском центре «Свято-Никольский», расположенном в Автозаводском районе Нижнего Новгорода, в последние годы вырабатывается общее понимание роли воскресных школ. По итогам работы совещаний последних трех лет воскресные школы представляются православным педагогам христианским народным домом, школой для прихожан всех возрастов, она должна приобщать ее воспитанников к социальной, миссионерской, культурно-просветительской деятельности прихода. Наличие воскресной школы, ее благополучие – один из самых достоверных показателей активного развития приходской жизни.

Среди основных задач развития системы православного образования, которые обозначил Отдел образования и катехизации Нижегородской митрополии, – открытие воскресной школы при каждом действующем приходе, организация планомерной работы по аттестации воскресных школ, создание единого учебного плана и подготовка единого учебно-методического комплекса. Сами православные педагоги не менее важной задачей считают создание методического объединения руководителей воскресных школ, куда должны входить представители каждого благочиния. Его цель – помочь в организации катехизации и воспитательной работы воскресных школ, в вопросах координации действий православных педагогов. Методическое объединение будет подмечать новые

тенденции в воскресных школах, поддерживать их и транслировать наработанный опыт. В деле создания педагогических методобъединений образовательные учреждения РПЦ активно сотрудничают со светскими образовательными учреждениями. Опыт такого сотрудничества есть у СГЛК ПФО РФ при НГЛУ, Мининского университета, НИРО. Педагоги нижегородских вузов оказывают профессиональную помощь в создании методик преподавания дисциплин религиозного модуля. Например, СГЛК ПФО РФ при НГЛУ активно сотрудничает с православными образовательными учреждениями в разработке методик преподавания языковых дисциплин (для воскресных школ наиболее актуальной является методика преподавания церковно-славянского языка для детей).

Среди проблем функционирования воскресных школ остается их аттестация, обеспечение их современными информационно-коммуникативными средствами, материально-техническое обеспечение, материальное обеспечение кадров, большинство из которых работает на добровольных началах, что говорит о необходимости введения штатных единиц педагогов воскресных школ.

В целом основной функцией воскресных школ в деле развития православного образования является воспитание и привлечение новых прихожан, просвещение в области православной культуры и православных ценностей.

Кроме воскресных школ в настоящее время на территории Нижегородской области активно развивается система средних учебных заведений, дающих ученикам общее среднее образование, соответствующее федеральному образовательному стандарту среднего образования и содержащее дополнительно православный компонент. Это – православные гимназии, или некоторые из них имеют название «классические православные гимназии». Юридический статус этих учебных заведений – «Негосударственное учебное учреждение религиозной организации». Православный компонент образования, даваемого ученикам в православной гимназии, регламентирует документ, утвержденный решением Священного Синода Русской Православной Церкви в 2010 г., а именно «Стандарт православного компонента начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования» [2].

На территории Нижегородской области в настоящее время функционирует 10 православных гимназий. Организация учебного процесса в них опирается на исторический опыт классических гимназий – традиционного для России конца XIX – начала XX века типа учебных заведений консервативной ориентации. Цель обучения состояла в формировании гармонично развитой личности, подготовленной к восприятию университетской программы по любой специальности и способной к активной деятельности на любом общественно полезном поприще. Основу образования в классических гимназиях составляли три блока предметов: древние и новые языки, математические и естественнонаучные дисциплины, Закон Божий.

Организация образования современных гимназий строится по таким же принципам: в учебных планах всех современных православных гимназий кроме дисциплин федерального компонента школьного образования обязательно наличествуют древние языки (церковно-славянский, латинский и древнегреческий), основы православной веры (или благочестие), в старших классах – Закон Божий, церковное пение. Занятия по Закону Божию проводятся православными священниками. В каждой гимназии есть школьная церковь и духовник. При этом, цель уроков благочестия и Закона Божия – не учить лишь религии и всему что с ней связано (это делает семинария), а священник на этих уроках учит уважению к вере и духовно-нравственным ценностям. Серьезное внимание в обучении гимназистов уделяется отечественной литературе и истории. Новые языки являются обязательной частью учебного процесса.

Православные гимназии Нижегородской митрополии в организации учебного процесса заимствуют опыт НОУ «Классическая гимназия при Греко-латинском кабинете Ю.А. Шичалина» в Москве. Нормативные документы гимназий указывают в качестве основной миссии гимназий – создание условий для получения учащимися классического образования, а также религиозно-нравственного воспитания в духе православной христианской нравственности и традиций Русской православной церкви, содействующего восстановлению православной культуры и благочестия [3].

В настоящее время действуют следующие православные гимназии: Арзамасская православная гимназия имени святых

мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии; Городецкая православная гимназия имени св. благоверного князя Александра Невского; Гнилицкая православная гимназия имени свт. Николая Чудотворца; Дивеевская общеобразовательная монастырская православная школа; Дзержинская православная гимназия имени прп. Серафима Саровского; Заволжская православная гимназия имени св. благоверного князя Александра Невского; Саровская православная гимназия имени прп. Серафима Саровского; Семеновская православная гимназия имени св. апостола и евангелиста Луки; Сормовская православная гимназия имени св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова; Нижегородская православная гимназия имени прп. Сергия Радонежского. Старейшей православной гимназией на территории Нижегородской митрополии является Семеновская православная гимназия, она существует с 2000 года, в 2011 году состоялся первый выпуск одиннадцатиклассников, сейчас в ней обучается около 200 учеников, есть группа дошкольной подготовки. Гимназия прошла успешно процедуру государственной аккредитации, набрав 89% из ста. В 2012 году состоялся выпуск в Гнилицкой гимназии. Предстоят выпуски остальным гимназиям.

Несмотря на развитие системы среднего православного образования, существуют и проблемы. Прежде всего, это проблема кадровая. Наибольшие трудности в организации учебного процесса вызвало преподавание древних языков, поскольку профессиональное педагогическое образование, типичное для современного учителя, не предполагает подготовки в этой области. В ряде гимназий (в Семеновской, Дзержинской) для преподавания этих дисциплин привлекаются вузовские преподаватели. Другой проблемой является обеспечение православного компонента учебного плана современной учебно-методической литературой, адаптированной для целей обучения в православной гимназии.

Эти проблемы в настоящее время решаются путем сотрудничества со светскими учебными учреждениями, прежде всего, с вузами. Целям сотрудничества с православными учебными учреждениями служит деятельность Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа при НГЛУ. СГЛК ПФО РФ при НГЛУ был создан в 2007 г. по инициативе полномочного представителя президента (ныне – министра юстиции РФ)

А.В. Коновалова и по благословению митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия. Цель СГЛК ПФО РФ при ФГБОУ ВПО «НГЛУ» – организовать регулярную профессиональную подготовку учителей православных гимназий по латинскому, древнегреческому, церковно-славянскому, а также современным иностранным языкам. Одним из направлений деятельности СГЛК ПФО РФ при НГЛУ является просветительская работа, направленная на популяризацию и развитие православно ориентированного образования. Славяно-греко-латинский кабинет к настоящему времени стал важным учебно-методическим центром по переподготовке и повышению квалификации учителей православных гимназий по гуманитарным, главным образом, лингвистическим дисциплинам. СГЛК ПФО РФ при НГЛУ осуществляет учебную деятельность – проводит ежегодные курсы повышения квалификации учителей православных гимназий по языковым дисциплинам, оказывает также методическую помощь учителям православных гимназий по языковым дисциплинам, ведет издательскую деятельность [4. С. 51-56.] Уже изданы: учебники церковно-славянского языка, латинского, древнегреческого языков для православных гимназий, рабочие тетради по основам православной веры, основам православной культуры, латинскому, древнегреческому, церковно-славянскому и русскому языкам. Учебник по церковнославянскому языку получил гриф Синодального отдела РПЦ и широко используется в православных гимназиях Нижегородской и других епархий Приволжского федерального округа.

Предпринятый в статье обзор состояния дел в православных воскресных школах и гимназиях свидетельствует об общей востребованности религиозного образования современным обществом, обусловленным стремлением современных людей быть нравственными, преодолеть кризис идентичности в эпоху всеобщей глобализации. Осознание поликультурной и поликонфессиональной картины мира, воспитание толерантности закладывается в первую очередь системой образования. Именно образование призвано сыграть вполне определенную роль в решении универсальной задачи: помочь понять мир и понять другого, с тем, чтобы лучше понять самого себя.

Учитывая это, можно с полным основанием утверждать, что возрождение религиозного и классического образования – это путь к созданию самых благоприятных условий для народного просвещения и формирования интеллектуально мыслящих и духовно-нравственных личностей.

Библиографический список

1. Запесоцкий А. Образование: философия, культурология, политика. М., 2003.
2. Официальный портал Отдела религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви // Электронный ресурс Интернет: <http://media.otdelro.ru/>.
3. Строгеецкий В.М., Тулупова О.В. Теоретическое и педагогическое обоснование проекта учебного плана современной православной классической гимназии // Альманах Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа. Вып. 2. Нижний Новгород, 2009. С. 10-13.
4. Строгеецкий В.М. Информация о реализации проекта «Развитие деятельности православно-ориентированных образовательных учреждений на базе Славяно-греко-латинского кабинета ПФО РФ при Нижегородском лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова // Альманах Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа. Вып. 3-4. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 2012. С. 51-56.

Сведения об авторе

Самойлова Мария Павловна
кандидат исторических наук, доцент,
зав. кафедрой культурологии, истории и древних языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: mp.samoilova@gmail.com

УДК 378:81'243:316.723 (437.6)

ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОСТИ

Н.В. Шумейко

Киевский национальный лингвистический университет, Киев, Украина

В статье рассмотрены историко-педагогические основы формирования системы обучения иностранным языкам в высшей школе Словацкой Республики в условиях поликультурности. Основное внимание уделяется опыту Прешовского университета. Представлен краткий исторический экскурс становления педагогической мысли в Словацкой Республике. Приведен список монографий и публикаций, посвященных обучению иностранным языкам в поликультурной среде Словакии за период с 1993 по 2011 гг.

Ключевые слова: педагогические основы, иностранные языки, высшая школа, поликультурность, Словацкая Республика.

Historical and Pedagogical Background of University-Level Foreign Language Training in the Multicultural Environment of Slovakia

Natalia Shumeiko

The article deals with the historical and pedagogical background of university-level foreign language training in the multicultural environment of Slovakia, specially focusing on the experience of Prešov University in Prešov. The author provides a brief history of pedagogy in the Slovak Republic and analyzes some of the literature on foreign language training in the multicultural environment of Slovakia, published in 1993 – 2011.

Key words: pedagogical background, foreign languages, higher education, multiculturalism, Slovakia.

В документах ООН, ЮНЕСКО, Совета Европы, Международного бюро образования отмечается важность подготовки студенческой молодежи к профессиональной деятельности в условиях многокультурного мира. В докладе международной комиссии ЮНЕСКО о глобальных стратегиях развития образования в XXI веке подчеркнута необходимость «научить людей жить вместе, помочь им преобразовать существующую взаимозависимость государств и этносов в сознательную солидарность» [1. С. 76].

Заслуживает внимания опыт Словацкой Республики в области подготовки студентов к профессиональной деятельности в условиях поликультурности. Большое внимание ученые Словакии уделяют преподаванию второго иностранного языка в поликультурном классе. Исследователи посвящают научные труды данной тематике. Среди них Бела Ласло (Prof. RNDr. Béla László), Вера Шандрова (Viera Šándorová), Эрих Мистрик (Erich Mistrik), Эва Сухожова (Eva Suchožová), Мирон Зелина (Prof. PhDr. Miron Zelina, DrSc.), Юлия Дудашова-Кришшакова (Julia Dudášova-Kriššáková). Некоторые ученые исследуют культурологическую составляющую в процессе подготовки будущих переводчиков. В частности, этим вопросом занималась Хелена Балинтова (Helena Bálintová). Педагогические основы построения взаимоотношений между людьми в поликультурной среде являются предметом исследований Петера Каши (Peter Káša), Ксении Чинчуровой (Xénia Činčurová), Иваны Джундовой (Ivana Džundova), Марека Митки (Marek Mitka).

Целью статьи является анализ историко-педагогических основ формирования системы обучения иностранным языкам в высшей школе Словацкой Республики в условиях поликультурности.

Внедрение поликультурной составляющей в систему образования Словакии – неотъемлемая часть совершенствования процесса обучения. Ведь общество Словацкой Республики является поликультурным. Заметим, что большую часть населения страны составляют выходцы из других государств или представители разных этнических групп и национальностей. Примерно 11% – венгры, 2% – цыгане, 1% – чехи, 1% – россияне и украинцы, много поляков, вьетнамцев, албанцев и представителей других национальностей [2. С. 12].

Территория Словацкой Республики небольшая. Братислава, Кошице, Нитра и Банска Быстрица являются крупными городами в стране, с относительно высоким уровнем жизни. В северной и восточной части Словакии живут люди с невысоким уровнем достатка. Системы ценностей различных слоев населения отличаются [2. С. 12-13]. Это связано, прежде всего, с различными взглядами людей на реальность. Одним из факторов, формирующих систему ценностей жителей страны, является религия. Хотя 65% общества относят себя к католицизму, большое количество людей являются

представителями других религий. Среди них протестанты (около 8%), иудеи, буддисты, мусульмане, представители других религий, а также 18% людей, которые не относят себя ни к одной из религиозных групп [2. С. 13].

Началом развития системы образования в Словакии принято считать период расцвета Великоморавского княжества. На процесс становления и развития образования большое влияние имела церковь. Создавались церковные учебные заведения. Так, в 1465 году в Братиславе был открыт Истрополитанский университет – первое высшее учебное заведение Словацкой Республики. Основателем университета считают Матяша Корвина. В высшем учебном заведении царила атмосфера гуманизма, взаимопонимания и толерантности. Первые преподаватели университета были из Вены, а позже – Италии и Польши [3. С. 147-148]. Поликультурная среда высшей школы в стране способствовала благоприятному развитию педагогических основ формирования системы обучения в целом.

За период существования и развития системы высшего образования в Словакии учеными, в том числе в области педагогики, разрабатывались программы обучения для подготовки студентов к профессиональной деятельности в поликультурной среде. Среди педагогов, которые заложили основы поликультурного образования, почетное место занимает Я.А. Коменский и его программа «Панпедия». Эта программа построена на принципиальном признании общности людей, их потребностей и стремлений.

Развитие педагогической науки и достижения в области поликультурного образования студенческой молодежи привели к появлению смежных наук. Ондрей Балаж (Ondrej Balaž) отмечает, что на основе педагогики возникли такие науки, как «этнопедагогика», «образовательное музееведение», «история социальной педагогики», «история социальной работы» и другие. Появление новых наук обусловлено процессами интеграции и дифференциации в обществе, в связи с чем «педагогика постоянно все глубже проникает в различные области общественной жизни» [4. С. 217]. Важно отметить роль социальной педагогики в процессе воспитания специалистов высшей школы Словакии. В рамках изучения этой дисциплины рассматриваются вопросы, связанные с культурными различиями в обществе.

Уникальность исторического развития страны нашла свое отражение в образовании. По мнению Анны Масариковой и Павла Масарика (университет Конштантина Филозофа, Нитра, Словакия), образование в высшей школе Словакии может быть примером достойного формирования системы образования в Европе. На разных этапах исторического развития страны многокультурное общество Словацкой Республики принимало активное участие в жизни и культурном развитии «своего народа и культуры других наций» [5. С. 57].

Становление и развитие системы образования, со времен открытия первого высшего учебного заведения, происходило в условиях поликультурной среды. Основой такого развития была законодательная государственная база. С 1918 года на территории Словакии действовали венгерские законы. К обучению молодежи в высших учебных заведениях привлекали чешских педагогов. Отношения между специалистами разных стран в процессе сотрудничества в поликультурном коллективе были успешными [5. С. 58].

В 1939 году в стране произошли значительные политические перемены, в результате которых возникла Словацкая Республика. С этого времени система подготовки студенческой молодежи претерпела определенных изменений. Например, в учебные планы по подготовке учителей вошли новые дисциплины, среди которых важная роль отводилась педагогике [5. С. 58].

После Второй мировой войны система высшей школы Словакии несколько меняется. Важную роль в ряде преобразований занимает реформа 1953 года. Изменения в структуре и содержании учебных программ влекли за собой перечень основных требований, предъявляемых к специалистам по окончании высших учебных заведений. Будущие педагоги изучали национальную историю и народную культуру, что имело большое значение для последующей профессиональной деятельности в условиях поликультурности Словакии [5. С. 59].

В контексте политических и экономических изменений и перехода к централизованной рыночной экономике, вопросы поликультурного образования являются весьма актуальными. Во-первых, педагогический подход к воспитанию молодежи

сосредоточен на устранении стереотипов в поведении людей, воспитании толерантности и сострадания. Во-вторых, студенты высших учебных заведений, будущие специалисты, должны быть подготовлены к профессиональной деятельности в условиях поликультурной среды. Сотрудничество с представителями различных культур, признание различий, устранение предрассудков и догматизма – все эти составляющие поликультурного воспитания являются основами формирования системы обучения в высшей школе и способствуют совершенствованию образовательного процесса [2. С. 18].

Педагогические основы становления системы обучения иностранным языкам в условиях поликультурности Словацкой Республики складывались исторически. Историко-педагогические предпосылки формирования системы обучения иностранным языкам отразились на процессе обучения студентов Прешовского университета (на философском факультете, кафедре славистики). Решение о создании кафедры славистики было принято Ученым Советом в Прешове 28 июня 1993 года. А уже 1 сентября 1993 студенты и аспиранты, в том числе из ближнего зарубежья, начали обучение на этой кафедре. Процесс изучения иностранных языков проходил в поликультурной среде. Если иностранные студенты не владели словацким языком, то в рамках программы подготовки, семинарские занятия и лекции проводилось на польском, белорусском, болгарском или других языках. Научные разработки преподавателей кафедры славистики за период с 1993 по 2009 гг. опубликованы в Прешове в 2009 году в сборнике «Славистика на протяжении веков (сравнительный анализ языка и литературы)». Кафедра славистики стала научным центром изучения и преподавания славянских языков в Словацкой Республике. Были созданы программы обучения иностранным языкам (польскому, белорусскому, болгарскому) в высшей школе. Подготовка такого рода программ являлась одной из приоритетных задач Департамента словацкого языка и литературы [6. С. 114-115]. Прешовский университет стал первым высшим учебным заведением в Словацкой Республике, где в 1996-97 учебном году открыли кафедру белорусского языка. Студенты также могли изучать русский, украинский и белорусский языки.

Преподаватели университета успешно осуществляли подготовку специалистов для профессиональной деятельности в условиях поликультурности Словацкой Республики. Иностранные языки преподавали специалисты из страны-партнера Прешовского университета. Так, первым преподавателем белорусского языка в Прешове стала Виктория Лашук (Viktoryja L'ašuk) из Белорусского государственного университета в Минске. В следующем учебном году, 1997-98, лекции читал Виталий Масловский (Vital' Maslovski), ведущий специалист Министерства образования Белоруссии, который проработал в Прешове шесть лет. Виктория Лашук (Viktoryja L'ašuk) вернулась к педагогической деятельности в Прешове в 2003-2004 учебном году. В сентябре 2005 года было подписано соглашение о сотрудничестве между Прешовским университетом и Белорусским государственным педагогическим университетом им. Максима Танка. Условия договора предусматривали возможность обучения студентов обеих стран в поликультурной среде страны-партнера. Программа обмена давала возможность обучаться студентам и преподавать опытным специалистам [6. С. 129]. Педагогические основы системы обучения белорусскому языку как иностранному формировались в процессе плодотворного сотрудничества между преподавателями Словацкой Республики и Белоруссии.

Исследователи большое внимание уделяют педагогическим основам проектирования поликультурного образовательного процесса на социальную реальность. В Словацкой Республике за период с 1993 по 2011 годы были опубликованы монографии и научные материалы сотрудников кафедры славистики Прешовского университета. Юлия Дудашова-Кришшакова (Júlia Dudášová-Kriššáková) в книге «Goralské nárečia», изданной в Братиславе в 1993 году, проанализировала культуру общения людей в Словакии и Польше в условиях словацко-польского двуязычия [6. С. 133]. А в 2001 году в монографии «Главы славистики» (Kapitoly zo slavistiky) исследовательница представила результаты научной деятельности в области фонологии, морфологии и лексикологии языков (русского, украинского, белорусского). Изучение иностранных языков как составляющая процесса обучения культуре общения в поликультурной среде Словацкой Республики – в центре исследования автора [6. С. 133-134]. Юлия Дудашова-Кришшакова (Júlia Dudášová-Kriššáková) рассматривает содержание

образования в контексте целостной культуры во второй части монографии «Главы славистики», изданной в Прешове в 2008 году. В главах исследовательской работы описаны теоретические (педагогические основы формирования системы обучения иностранным языкам в условиях поликультурности, особенности межкультурной коммуникации, типология языков), лингвистические (синхронно-диахронический анализ, результаты исследований в области межкультурной коммуникации) и социальные аспекты поликультурного диалога [6. С. 135]. Особенности обучения польскому языку как иностранному изучала Марта Войтекова (Marta Vojteková) [6. С. 133]. Петер Каша (Peter Káša) в книге «Эстетика и идеология (историко-литературный сопоставительный анализ)» представил результат многолетней исследовательской деятельности в области культурных и поликультурных взаимоотношений на территории Словацкой Республики. Ученый делится своими размышлениями о словацкой литературе, культуре и искусстве XIX века. Ксения Чинчурова (Xénia Činčurová) в книге «Эпическая форма пространства», исследовала феномен отображения взаимоотношений людей в поликультурном обществе на страницах литературных произведениях [6. С. 135]. Тему воспитания студенческой молодежи в поликультурном пространстве продолжают исследования Иваны Джундовой (Ivana Džundova), Петера Каши (Peter Káša), Марека Митки (Marek Mitka) [6. С. 136]. Виктория Ляшукова (Viktória L'ašuková) в монографии «Исследование белорусского и словацкого фольклора» пишет о результатах исследования двух родственных языков (белорусского и словацкого). Работа проведена на материале народных сказок. Изучение литературного наследия Словацкой Республики стало темой исследовательской работы Петера Каши (Peter Káša). В книге «От текстов до культур (словацкая литература первой половины XIX века в контексте реалий Центральной Европы)» автор сосредоточил внимание на реалиях жизни в поликультурной среде Словацкой Республики в первой половине XIX века и на отображении этих реалий в литературных произведениях указанного периода. Необходимость эстетического воспитания молодежи для профессиональной самореализации в поликультурном пространстве, знание культуры своей страны, осознание собственной культурной идентификации в поликультурном обществе, – все эти вехи имели

большое значение для системы высшего образования Словацкой Республики, были темами научных исследований и литературных произведений [6. С. 135]. Опыт Прешовского университета способствовал успешному развитию педагогической и исследовательской деятельности в Словацкой Республике.

Таким образом, в результате проведенного исследования нами были очерчены историко-педагогические основы формирования системы обучения иностранным языкам в высшей школе Словацкой Республики в условиях поликультурности. Речь идет об обеспечении единства основных компонентов подготовки обучаемых (содержательного, деятельно-оценочного) с формированием культуры поведения в поликультурном пространстве; обогащении студентов знаниями об истории, культуре, языке и традициях в системе межпредметных связей; осознании будущими профессионалами своей роли как личности и гражданина в формировании общенациональной культуры Словацкой Республики.

Библиографический список

1. Черток Л.П. Диалог культур – основной принцип поликультурного образования // Развитие личности в поликультурном образовательном пространстве: Сборник материалов Международного конгресса–IV. Славянские педагогические чтения. Черкаassy: ЧНУ имени Богдана Хмельницкого, 2005. С. 76-77.
2. Mistrik E. Multicultural Education in Teacher Training (Curriculum Guide for Universities). Bratislava: Iris, 2000. 68 p.
3. Товканець Г. Історико-педагогічні передумови формування економічної освіти у вищій школі Словаччини // Порівняльна професійна педагогіка. 2012. Вип. 2. С. 144-153.
4. Balaž O. Sociálne aspekty výchovy. Bratislava: Veda–SAV, 1981. 354 s.
5. Масарикова А., Масарик П. До питання про освіту вчителів у Словаччині: історичний досвід і сучасний стан // Вісник Львівського університету. Серія педагогічна. 2001. Вип. 15. Ч. 1. С. 57-60.
6. Slovenský slavistika včera a dnes / Žeňuch P. (editor a vedecký redaktor). Bratislava: Slovenský komitét slavistov / Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 2012. 268 s.

Сведения об авторе

Шумейко Наталья Викторовна
аспирант кафедры психологии и педагогики
Киевского национального
лингвистического университета
E-mail: Natalia_vs@i.ua

ХРОНИКА

Язык и религия в проблемном поле германистики: научные мероприятия и направления поиска¹

В современной германистике не ослабевает интерес к изучению религиозных текстов. Предметом исследования становятся социальные аспекты функционирования языка в религиозной сфере коммуникации, религиозный дискурс, взаимодействие языка религии и языка политики, философские, культурологические, исторические аспекты религиозной коммуникации. В последние годы этим темам были посвящены многочисленные научные мероприятия, активное участие в которых принимали богословы, социологи, политологи, педагоги и психологи.

В октябре 2010 года в Университете Граца (Австрия) состоялась международная лингвистическая конференция «Религия и язык». Религиозная лексика, прочно укрепившаяся в формах приветствия, метафорах, идиоматических выражениях, топонимах и т.п., явилась предметом обсуждения языковедов из Европы, США, Южной Америки, Африки и с Ближнего Востока. Тематика конференции предопределила широкий диапазон направлений исследования взаимодействия языка и религии. Анализ функционирования религионимов проводился как с учетом современного состояния языка, так и с позиций их исторического развития. В ходе обсуждения докладов особое внимание было уделено функционированию религиозной лексики в сферах повседневного общения, средств массовой информации, науки и политики. Лозунг конференции, заявленный организаторами профессором Зальцбургского университета М. Кальдерон и профессором Грацкого университета Г. Марко, – «Мы занимаемся религией, знакомимся с политикой церкви, дискутируем о религиозных воззрениях, делимся опытом духовных практик – и все это мы делаем в рамках исследования языка» – получил реализацию в рассмотрении проблем соотношения языка и религии под общественным углом зрения, изучения религиозного дискурса, а также роли языка в определении ключевых понятий религии и религиозности.

В Вестфальском университете Мюнстера (Германия) реализуется масштабный проект «Религия и политика в культуре преמודерна и

¹ Работа выполнена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, проект 6.8444.2013 «Религиозная сфера коммуникации: дискурсивные особенности, жанры и типы текста».

модерна». Это некий аналог приоритетного национального проекта. В сообщество исследователей входит свыше 200 ученых различных гуманитарных направлений из 11 стран. Они исследуют комплексные взаимоотношения между религией и политикой со времен античности до наших дней в странах Европы, Латинской Америки, Азии и странах арабского мира. Это единственный масштабный проект, поддерживаемый федеральным правительством и федеральными землями, в котором участвует такое большое количество ученых, и единственный, который посвящен религии. В рамках указанного проекта Институтом германистики Мюнстерского университета осуществляется инициатива «Между религией и политикой: конфессионализация языка в Новое время?». Одно из мероприятий прошло в феврале 2011 года – это научная конференция «Конфессия и язык в Новое время: междисциплинарные перспективы».

Остался ли язык социально немаркированным посредником или он воспользовался собственным потенциалом в индексации социально значимых явлений, в том числе в религиозной сфере – в этом основная проблематика проходившего в Мюнстере мероприятия, в котором приняли участие филологи, историки, культурологи. Именно с позиций своих наук они попытались глубже проникнуть в проблемы конфессиональной обусловленности языковых манифестаций и речевых жанров в различных социальных формациях. Доклад П. Рёслера из Венского университета был посвящен определению социофункционального статуса графических вариантов в книгопечатании на востоке Германии. В результате подробного анализа ученый приходит к выводу о формировании в ранний период Нового времени конфессионально обусловленного восточнонемецкого религиолекта.

Среди объектов междисциплинарного анализа ученых из Германии, Австрии, Швейцарии, Италии были также католические и евангелические проповеди XVII века, эпиграфика конфессиональных меньшинств на юге Германии, конфессиональные особенности вкладных надписей германских князей, конфессиональные дискурсивные маркеры в различных речевых жанрах и многое другое (В. Хаас, М. Хаберман, Д. Бройер, Р. Матеус, К. Штайнингер, С. Шольц, Я. Брадеман, Ю. Маха). Научные изыскания в этих направлениях были продолжены и в 2012-2013 гг.

Проблемам религиозной, конфессиональной и этноконфессиональной полисемии была посвящена также работа форума «Диалект и религия», который был организован в 2012 г. в рамках Пятого симпозиума по диалектологии в Институте германистики Университета Регенсбурга (Бавария, Германия). В форуме приняли участие ученые из университетов, духовных академий и научных центров, представители

общественных объединений диалектологов, преподаватели гимназий, сотрудники издательств из Германии, Австрии, России, Швейцарии, Чехии, США. Подробному анализу были подвергнуты католические и евангелические конфессиолекты Баварии и Рейнской области, язык религиозных книг на диалекте, проблемы перевода библейских и богослужебных текстов на диалекты, функциональный потенциал использования диалекта в храмовой проповеди и в богослужении. Из историко-филологических исследований следует отметить диахронический анализ языка древневерхненемецкой и древнесаксонской исповеди, нижненемецких литургических текстов, изучение процессов конфессионализации диалектов на примере Швейцарии времен Реформации. Ученые обсуждали роль диалектов в создании и функционировании богослужебных и народных духовных песен, влияние диалектов на историческую и современную эпитафику, специфику современной духовной поэзии на диалекте, отражение религиозных понятий и суеверий в языке отдельных местностей, результаты исследования религиозно маркированной топонимики отдельных областей Германии. Не остались без внимания и вопросы взаимодействия религиозных текстов и текстов обиходно-разговорного стиля.

В Национальном техническом университете Цюриха (Швейцария) в 2013 г. прошла международная конференция «Язык ассимиляции», которая была посвящена проблемам взаимодействия языка и социума. Феномен ассимиляции рассматривался с учетом разноречивых подходов: как процесс, способный изменять языки, и как явление, формируемое языком. Язык, по мнению организаторов и участников форума, выступает также в роли «парадигматизатора» транскультурных влияний и изменений. Обсуждение этой проблематики проходило при широком использовании философского дискурса, о чем свидетельствуют темы выступлений: «Ассимиляция как лингвообразующая сила», «Модифицирующая сила мышления и ассимилирующая сила языка: примеры из философии языка», «Метафорика света в конфликте неоортодоксии и секуляризации», «Стилизация на пути к ассимиляции: иудейская проповедь и христианская гомилетическая модель XIX века», «Языковая ассимиляция как конфликт: идея Вильгельма Штапеля о “немецко-еврейском симбиозе”», «О терминологическом трансфере между паранаукой и эзотерикой», «Немецкая культура языка в еврейских общинах», «Транскulturация нации в диаспоре», «Дифференциация языков в религиозной общине и ее моральное измерение». В фокусе исследовательского внимания были феномены стандарта, гибрида, стереотипа, трансфера. Завершилась конференция подиумной дискуссией «Имитация — ассимиляция —

трансформация: эпистемология, значение и практика ассимиляционных процессов в XIX и XX веках».

Практически любое научное мероприятие, посвященное взаимодействию языка и религии, не проходит без участия богословов. Европейское общество католического богословия является одной из ведущих теологических организаций европейского уровня, в ее составе насчитывается в настоящий момент более 800 членов. Основной задачей сообщества является выделение богословия как науки и стремление к междисциплинарному взаимодействию, а также популяризация богословских дисциплин в европейских странах, оказание поддержки ученым и членам сообщества, занимающимся актуальными проблемами богословия. Последние конгрессы Общества проводились в Граце (2001), Фрайбурге (2004), Левене (2007), Лимерике (2009), Вене (2011). В 2013 году очередной конгресс Европейского общества католического богословия проходил в Институте философии и богословия г. Бриксена (Италия) под руководством вице-президента сообщества, профессора института Мартина Линтнера. В работе конгресса приняли участие более 200 теологов из многих европейских стран.

Участниками конгресса обсуждались проблемы, касающиеся соотношения религиозного языка и светских языков, а также ряд философско-религиозных вопросов: можно ли сегодня говорить о Боге с людьми, ставящими существование Бога под сомнение? Почему люди, не владея в настоящее время религиозным языком, тем не менее понимают язык Евангелия и руководствуются Словом Божиим в течение всей своей жизни? Архиепископ Бруно Форте в своем вступительном слове отметил, что верующие и неверующие люди имеют гораздо больше общего, чем кажется. Верующий человек, не отягощенный сомнениями в существовании Бога и борьбой с ним, должен учиться ставить себя на место неверующего человека, понять причины его неверия и тем самым помочь ему прийти к Богу. Ряд выступлений был посвящен темам: «Слово Божие и средства массовой информации», «Слово Божие и церковный язык», «Церковь и политика». Целью представленных исследований был поиск новых форм взаимодействия церкви и общества в современных условиях при посредничестве языка.

В 2013 г. в Институте славистики Университета Вюрцбурга (Германия) прошел симпозиум «Традиция, язык и религия как идентифицирующие элементы в полиэтнической России» (руководители профессор доктор А. Эббингхаус и доктор Ж.-К. Маршельке). Мероприятие было организовано в рамках реализации проекта «Глобальные системы и межкультурная компетенция». В докладах немецких, финских и российских ученых были затронуты проблемы

официальной и личной идентичности коренных жителей России, функции национальных языков малочисленных народов России в религиозной и культурной трансформации, традиции и современное состояние шаманизма в Республике Тыва, роль церкви как идентифицирующего фактора современной России.

Проблемам соотношения языка и религии было посвящено несколько публикаций последних лет, среди которых особо следует выделить две книги: Ammon, Ulrich; Darquennes, Jeroen; Wright, Sue: *Sprache und Religion (Sociolinguistica: Internationales Jahrbuch für europäische Soziolinguistik. Band 25)*. Berlin: De Gruyter, 2011. 304 S.; Nagórko, Alicja (Hg.): *Wortsemantik zwischen Säkularisierung und (Re)Sakralisierung öffentlicher Diskurse*. Hildesheim: Georg Olms, 2012. 494 S. Первая книга под редакцией известного немецкого лингвиста Ульриха Аммона и др. вышла в свет в 2011 году в серии «Международный ежегодник европейской социолингвистики» и объединила научные статьи, посвященные изучению коммуникативной функции языка в сфере религии, описанию теолингвистики как самостоятельного направления социолингвистики, изучению роли языка и религии в национальной идентификации, влиянию религиозных текстов на процессы ассимиляции, осознанию особого значения языка в религиозных и политических конфликтах. Во второй книге собраны материалы конференции в Берлинском университете, которая была посвящена обсуждению вопросов соотношения языка, религии и политики. Процессы секуляризации и сакрализации рассматриваются лингвистами, литературоведами и теологами на материале немецкого и славянских (польского, словацкого и чешского) языков. В обсуждении этих вопросов затрагиваются проблемы современной культуры повседневности, а также индивидуализации, демифологизации и фольклоризации религии.

Е.В. Плисов, Ю.Н. Зинцова

Об экспертизе электронных учебных материалов по иностранным языкам²

Вопросы оценки эффективности и качества научно-исследовательской деятельности находятся в центре внимания государственных органов и академической общественности. На сегодняшний день Министерством образования и науки Российской Федерации сформирован и закреплён в различных нормативных документах (в том числе критериях оценки эффективности вузов и диссертационных советов) комплекс ключевых показателей результативности НИД, к которым, прежде всего, относятся публикационная активность ученых, измеряемая показателями российских и зарубежных индексов (Web of Science, Scopus, РИНЦ и др.), количество монографий в ведущих академических издательствах, участие в проектно-грантовой деятельности (привлечение средств на НИР) и международных исследовательских проектах, доклады на конференциях, проводимых ведущими научными ассоциациями по дисциплине и т.д.

Менее определенно задан инструментарий оценки прикладных исследовательских разработок, к которым, в частности, относится создание мультимедийных учебно-методических материалов и электронных учеников. Главным показателем эффективности здесь продолжает оставаться количество патентов и свидетельств о праве собственности, которые фиксируют авторское право, но не дают оценки качества РИД. Этот вопрос обсуждался на встрече членов рабочей группы по экспертизе электронных учебных материалов по иностранным языкам НГЛУ и созданного им малого инновационного предприятия «Информационные технологии иноязычного образования».

Согласно Федеральному закону об образовании российские вузы наделены правом реализовывать образовательные программы с применением дистанционных технологий. Процесс информатизации образования отражает мировые тенденции повсеместного внедрения компьютерных технологий и перехода к информационному обществу. Однако бурный рост количества мультимедийных образовательных ресурсов, наблюдаемый в последнее десятилетие, не обеспечивает

² Подготовлено в рамках выполнения работ по государственному заданию Министерства образования и науки Российской Федерации, регистрационный номер НИР № 6.5157.2011, проект «Экспертиза заявок для включения в перечень проектов, выполняемых вузом в рамках государственного задания, и итоговая экспертиза проектов, выполняемых в течение года».

качественного изменения учебного процесса. Одной из причин, по-видимому, является отсутствие научно-методического обоснования экспертизы создаваемых электронных учебных материалов, которое отражало бы уровень научной разработанности проблем формирования компетенций в режиме интерактивного взаимодействия обучающегося с компьютером.

Проблема отсутствия научно обоснованной технологии экспертизы электронных учебных материалов приобретает особую остроту при обучении иностранным языкам, что связано со спецификой процесса формирования иноязычной коммуникативной компетенции, ориентированного на развитие языковых и речевых навыков и умений.

Актуальность названной проблемы обусловлена рядом факторов. Прежде всего, это социальный заказ общества на углубленное и массовое овладение иностранными языками, который на настоящий момент остается неудовлетворенным ввиду недостаточной эффективности обучения в школе и вузе. Следующий фактор – реформа образования, предполагающая рост роли самостоятельной работы студентов и школьников и учет значительного дидактического потенциала ИКТ для ее организации и интенсификации. Важным фактором является экономическая и политическая конъюнктура, выдвигающая знание иностранного языка в качестве базового требования к квалификации специалиста международного уровня.

Ориентированность действующих ФГОС на формирование иноязычной коммуникативной компетенции и специфика компьютерного обучения, направленного на активизацию когнитивных процессов обучающегося, обуславливает перспективность коммуникативно-когнитивного подхода как методологической основы прикладных изысканий, направленных на создание научно обоснованной технологии экспертизы электронных учебных материалов. В ходе ее разработки необходимо решение следующих задач:

- анализ целей обучения иностранному языку в школе и вузе и критериев оценки степени ее достижения;
- уточнение возможностей ИКТ как средства обучения иностранным языкам на основе анализа теоретических источников и программных продуктов;
- типологизация электронных учебных материалов в соответствии с формами и целями обучения, определение требований к каждому типу материалов в ходе экспертизы;
- выработка критериев экспертной оценки электронных УММ, ориентированных на обучение иноязычной фонетике / грамматике /

лексике и видам речевой деятельности, а также дополнительных критериев, отражающих специфику электронных учебников, нацеленных на интегрированное формирование навыков (лексических, фонетических, грамматических) и умений (аудирование, чтение, письмо, говорение).

Необходимо учитывать важность и сложность проблемы научного обоснования критериев экспертизы мультимедийных учебно-методических материалов по иностранному языку и возможность выделения данного направления в качестве самостоятельной темы НИР. Вместе с тем, решение проблемы находится не только в теоретической, но и в практической плоскости: помимо научного обоснования, необходима активная экспериментальная работа. По мнению членов рабочей группы, целесообразно рассмотреть вопрос о создании в рамках НОЦ мультимедийных технологий обучения иностранным языкам экспертного совета, в состав которого войдут специалисты в области методики преподавания, молодые исследователи (аспиранты, докторанты) и преподаватели практики иностранного языка. Основной задачей Совета станет экспертиза мультимедийных материалов, создаваемых и используемых в НГЛУ.

Е.С. Гриценко, К.В. Александров

Марина Серафимовна Ретунская (1940-2013)

19 апреля 2013 года на 73 году жизни скоропостижно скончалась доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова Марина Серафимовна Ретунская.

М.С. Ретунская родилась 8 августа 1940 года в городе Горьком. Вся ее жизнь связана с Горьковским государственным педагогическим институтом иностранных языков им. Н.А. Добролюбова (ныне Нижегородским государственным лингвистическим университетом). После окончания с отличием в 1962 году факультета английского языка она начала работать ассистентом на кафедре английского языка. С 1970 по 1973 гг. обучалась в очной аспирантуре ГГПИИЯ им. Н.А. Добролюбова. В 1974 году под руководством профессора Ю.М. Скребнева защитила кандидатскую диссертацию «Английское окказиональное словообразование (на материале окказиональных имен существительных и прилагательных)». После присвоения ей ученой степени кандидата филологических наук М.С. Ретунская была принята на кафедру английской филологии, где прошла все должностные ступени: ассистент, старший преподаватель, доцент (с 1977 года), профессор (с 1999 года). С 7 декабря 1992 г. по 30 августа 2011 г. Марина Серафимовна руководила кафедрой английской филологии. В 1998 году защитила докторскую диссертацию «Английская аксиологическая лексика» в Санкт-Петербургском государственном университете.

М.С. Ретунская внесла значительный вклад в развитие высшего образования и науки Российской Федерации. Она была одаренным лингвистом, талантливым многогранным ученым, преподавателем высочайшей квалификации, прекрасно владела английским языком и методикой его преподавания. Ее отличали искренняя любовь к языку, глубокая преданность науке, творческая энергия, интеллектуальная свобода, постоянный научный поиск, разносторонность научных интересов – английское словообразование, семантическое пространство английского языка, актуальные проблемы аксиологии, лингвистические основы межкультурной коммуникации, коммуникативные стратегии в различных сферах общения. М.С. Ретунской опубликовано свыше 90 работ научного и научно-методического характера, среди них монография «Английская аксиологическая лексика», учебники по лексикологии и теоретической фонетике английского языка.

С 1993 года М.С. Ретунская руководила научной школой «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи», которая

продолжает традиции её основателя, заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Ю.М. Скребнева. Пропаганде научного наследия учителя благодарная ученица и преемница посвятила всю свою жизнь. Благодаря ее трепетному отношению и творческим усилиям в НГЛУ была открыта мемориальная аудитория, ежегодно проводится научная конференция «Скребневские чтения», публикуются сборники научных трудов.

М.С. Ретунская воспитала несколько поколений студентов. Под её научным руководством защитили диссертационные исследования более 30 аспирантов, которые сегодня работают в НГЛУ, других вузах России и за рубежом (США, Великобритания, Ирландия, Франция, Турция).

Заслуги М.С. Ретунской в области высшего образования и науки отмечены высокими ведомственными наградами: «Отличник народного просвещения» (1990), «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (1998), Диплом лауреата премии Ю.М. Скребнева (2010), Почетная грамота губернатора Нижегородской области. В 2012 году ей было присвоено звание «Почетный профессор НГЛУ».

М.С. Ретунская – хранитель традиций кафедральной и университетской жизни, икона академического стиля. Подлинная интеллигентность, неизменная доброжелательность, демократичность, мудрость, безупречный стиль, преданность родному «инязыку» – отличительные черты, которые характеризовали Марину Серафимовну на протяжении всего ее жизненного пути.

Для кафедры английской филологии кончина М.С. Ретунской – тяжелая невосполнимая утрата. Марина Серафимовна – это личность, которую мы – коллеги, ученики – почитали за духовного лидера, по ней мы сверяли свои поступки как по этическому камертону. Мы восхищались ее порядочностью, честностью, скромностью, нравственной чистотой. Интерес не только к своей специальности, но и к людям, снисходительность к их странностям, слабостям, понимание человеческого в человеке, чуткость и внимательность к человеку, сочувствие ему – важнейшие черты личности Марины Серафимовны. Она обладала ими в полной мере.

До последнего дня своей жизни М.С. Ретунская была с нами. До последнего дня нашей жизни она и останется с нами – в нашей душе, в нашей памяти, в наших сердцах.

Коллеги и ученики

Наталья Васильевна Живолупова

...Последняя встреча с Наташей – в ноябре 2011 года, на Достоевских чтениях в Петербурге – была полна юмора, веселья и опьяняющей радости. В последний день конференции мы поехали в Петергоф, и там, в маленьком привокзальном кафе, в узком кругу друзей – муж Наташи Александр Кочетков, Наталья Ашимбаева, Наталья Чернова и я – отпраздновали выход моего «Достоевского» в серии ЖЗЛ. Немного еды, чай-кофе из автоматов и танцы под музыку из магнитофона, которую включили нам сочувствующие официанты. Получилось зажигательно, буйно, молодо. Мы смеялись и хохотали как от щекотки. Вышел праздник непослушания, северное сияние... «Петергофское шаленство» – так назвала Наташа тот наш ноябрьский экспромт. Мы опоздали к автобусу, вышла неловкость, но лица наши сияли, и казалось, мы все еще пребываем в танце.

Под Новый 2012 год, уже из Москвы, я написала Наташе:

«Не забуду Петергоф
И фокстрот среди снегофф.
И глаза танцора,
И расстройство хора...»

Вокруг этих строчек развернулась наша с ней поэтическая вакханалия, искры летели в обе стороны. Взорвалось сонное течение длинных новогодних каникул, и полился шуточный стихотворный водопад – в духе незабвенного Игната Тимофеевича. Мы лихо фантазировали, придумывали драматические ситуации, сочиняли конфликты. Поэтический турнир «В кафэ у Лебядкина» завершился комическим опусом Наташи:

*«В темном зале ресторана
Танцевала танго дама,
Дама-достоевсковед,
Видный леттратуро-вед.*

*А те, кто не танцевали,
Хором даму осуждали:
Это даж' не контрданс,
Это просто мэзальянс.*

*Но глаза ее блистали,
И партнер едва дышал.
Хор завистников в печали
Буттерброды доедал.*

*Это было в Петергоффе,
На дворе мороз трещал,
Темной страстью лился коффе,
Томен был певца вокал...*

*Как прекрасно страстью жгучей
В танце сонных оживлять!
Как ужасно общей кучей
Сплетни жирные жевать!*

*Это было в Петергоффе,
В середине ноября...
Танго страсти, и ламбада,
И за окнами заря...*

«Ваша Игнат» – так она подписала свои шуточные строчки. Вполне в духе нашего с ней любимого персонажа. Мы собирались продолжить турнир по весне – но в самом ее разгаре, в конце апреля 2012, из Нижнего Новгорода пришло страшное известие. В него трудно было поверить и ни за что не хотелось верить; казалось, произошел сбой почтовой программы: кто-то послал письмо не туда и не оттуда, произошла дикая ошибка, потому что такого известия не должно было быть вообще. Я всегда думала, что уйду раньше нее, и это она, моя младшая подруга, будет, наверное, писать обо мне *mémoires*. Однажды мы даже говорили об этом – шутили, дурачились, составляли вычурные фразы, вроде той, казенной, шаблонной: «Советская филологическая наука понесла тяжелую утрату...».

Но теперь было совсем не до шуток...

Я знала Наташу много лет, была оппонентом еще на ее кандидатской защите. Мы быстро сблизились; живя в разных городах, интенсивно переписывались, гостили друг у друга, общались семьями. Для меня она была светлым лучиком, душевным, сердечным человеком. Всегда находила слова поддержки, мягкие примирительные интонации, точные оттенки смысла слов и мыслей. Всегда видела лучшее в непростых ситуациях, в той среде, куда мы порой вместе с ней попадали. Она была полна жизни, светила теплом, добротой, юмором. С какой невероятной

нежностью и ласковостью она рассказывала о своем доме, о семье, о дочерях Маше и Любочке... Ее острый ум, наблюдательность, женская проницательность были несравненны и вызывали мгновенную симпатию. Ее трудно было не полюбить всей душой...

Ее уход представляется мне теперь вдвойне несправедливым, ведь она так много знала и о болезнях, и о лекарствах. Многим захворавшим друзьям и знакомым Наташа составляла методики лечения, советовала принимать травы и знала в них толк. Казалось, она совершенно неуязвима для смертельных недугов, застрахована от них своей молодой жизненной силой и доброй энергией, ограждена щитом любви и семейного счастья...

Человеческих качеств Наташи с избытком хватило бы, чтобы она запомнилась как тонкая, душевно щедрая женщина – обаятельная, остроумная, неподражаемая. А она – ко всем своим уникальным талантам – была еще и одаренным филологом, глубоко чувствующим поэтические смыслы; завидной театралкой, интеллектуалкой, чарующей собеседницей «про серьезное». Я любовалась ее выступлениями на конференциях и в Питере, и в Старой Руссе, и в далекой Японии; она блистала в Будапеште, Женеве, Неаполе. Ей очень шли темы, которыми она занималась как исследователь поэтики: идеей женственности в чеховской «Ариадне», сюжетными метафорами у русских классиков, притчей о блудном сыне применительно к пушкинским «Повестям Белкина». Даже самые высоколобые термины, когда она их произносила («эксплицитный», «интертекстуальный», «эволютивный», «интенциональный», «кумулятивный»), звучали в ее устах как ласка, как доброе слово, которое и кошке приятно. Наташа умела вдохнуть жизнь в самое засушенное знание, одухотворить самую пресную научную материю; она на своем примере замечательно доказала, что наука вовсе не всегда иссушает человека, что вполне по силам человеку подключить к науке животворящий источник своей души.

Я высоко ценю Наташину работу о христологии Достоевского и Чехова³ и то, с каким глубоким сочувствием писала она о метафизических кризисах обоих художников, об очеловеченной характеристике Христа, демонстрирующей огромную личную пристрастность обоих писателей, о поразительных совпадениях пристрастных характеристик Христа у Достоевского и Чехова. Не только проницательность филолога, не только образованность ученого, но и чуткое сердце человека, обладающего

3 Живолупова Н.В. Христология Достоевского и Чехова: между антигероем и идеальной человечностью // Достоевский и мировая культура. Альманах № 19. СПб.: Серебряный век, 2003. С. 159-174.

духовной свободой, нужно было иметь, чтобы увидеть в канонах догматического богословия религию любви, актуальность живой жизни.

А как пронизательно через богатство метафор разобрала она рассказ Достоевского «Крокодил» – текст, к которому редко обращаются исследователи. И как новаторски прозвучал вывод ее большой статьи: «Особая маргинальность “Крокодила” – он на время как бы закрывает тему, начатую образом Фомы Фомича в “Селе Степанчикове и его обитателях”, – возможно, и приводит к сгущению смысла, проявляющегося в слоях сюжетной метафорики. Но, с другой стороны, художественная исчерпанность темы оказывается мнимой, и проблема “воплощенного слова” или логосности высказывания вновь станет актуальной в пяти больших романах Достоевского, начиная с идеи Раскольникова»⁴.

Мне остается теперь только жалеть, что далеко не все, что я могла бы сказать ей в похвалу, в одобрение, в поддержку, я сказала ей в те моменты, когда, быть может, это было наиболее нужно. Опоздала навеки.

Она многое успела, многое сделала. Прежде всего, она создала себя, свой неповторимый образ – понятно, почему в сердцах своих родных и близких она оставила неизгладимый след. Перечитываю ее письма: только она умела писать так неподражаемо, в духе легкого, даже летучего живого общения, с шуточками и прибауточками, полуцитатами и хохотком (он всегда был слышен и в ее строчках, и между строчек). «Да, конечно, Вы Кармен. / В Вас не видно перемен!»

От Саши, ее мужа и верного рыцаря, я узнала, что роковая болезнь настигла Наташу среди полного счастья, неожиданно и коварно. До последних дней она была в полном сознании, все время шутила с родными, не испытывала боли. За ней наблюдали лучшие врачи. Дома она лежала в окружении цветов, слушала свою любимую музыку. Юноша-итальянец, друг дочери Маши, вслух читал Данте на своем родном языке. Семья была готова к длительному лечению Наташи, надеялась на чудо. Но чуда не произошло, и ранним апрельским утром, едва рассвело, она ушла – так же, как жила: непринужденно, красиво, изящно, в своем привычном стиле, не испепелив тяжелой болезнью всё вокруг себя. Цветы, музыка, Данте, рыцарственное служение близких проводили ее в мир иной.

Спустя месяц участники конференции в Старой Руссе грустно поминали Наталью Живолупову. Борис Тихомиров назвал ее одной из самых ярких личностей в нашем сообществе. Мы обсуждали случившееся как жестокую несправедливость, как глобальное недоразумение. Никто не

4 Живолупова Н.В. Сюжетная метафора в рассказе Достоевского «Крокодил» // Достоевский и мировая культура. Альманах № 15. СПб.: Серебряный век, 2000. С. 76.

верил, что это произошло с ней, такой молодой, такой солнечной. Теперь, в годовщину ее кончины, в это поверить еще труднее. Хочется думать, что просто она занята работой и не может приехать на очередные Достоевские чтения...

Л. Сараскина
доктор филологических наук,
член Союза писателей Российской Федерации

Natalia Vasilievna Zhivolupova

Natalia Zhivolupova added sparkle to Dostoevsky Symposia from 1998 – 2010. We will all miss her in Moscow 2013. I met Natalia in 1998, when she came to the Symposium in New York and spoke on “The Meek One” (Кроткая) as the confession of an anti-hero. Her paper, turned into an article for *Dostoevsky Studies*, Volume 4, not only demonstrates her dazzling breadth and depth as a scholar, it also contains a blueprint of her academic output. Natalia’s very choice of subject illustrates the continuity of her scholarly interest in genre, literary structure, ethics, metaphysics, and theology. She identifies the multiple layers of the three stories she discussed – *Notes from Underground*, “The Meek One,” and “Dream of a Ridiculous Man” – in the anti-heroes’ interactions with a female other, the world, and God. Never losing focus on theodicy, she looks at plot components, thematics, and structure as reflections of the battle between good and evil in the human heart of these deliberately unnamed anti-heroes, whose quest for personal freedom leads them to marginalize or discount others as means rather than ends in themselves. Natalia places the antihero’s adventures of consciousness in the polarized field of truth and lie, good and evil. She diagnoses their spiritual condition using Dostoevsky’s metaphors of the corner / угол / упавшая пелена (pawnbroker), the dream journey (ridiculous man) and identifies some of their Biblical and literary precedents in Christ and the adulteress (underground man), Isaac and Rebecca (pawnbroker), Jean Valjean and Cosette (ridiculous man). She examines the battle between good and evil in the antihero’s soul, a battle whose outcome is determined by overcoming (or not) the antihero’s fear of love – because love requires openness and mutuality, recognition of one’s own vulnerability, and respect for the other’s autonomy. The antihero has the potential to find truth by using his own intellect, soul, and will; he is capable of acknowledging truth about himself; and he is capable of self-sacrifice. But only in recognizing his own guilt can he defeat the evil within. Although she started

her career with a dissertation on Dostoevsky's confessional antiheroes, Natalia turned the sharp edge of her critical eye and compassionate soul on all of Dostoevsky's oeuvre. Her more recent work on Dostoevsky's incarnational poetics was an organic part of her lifelong work.

In Natalia, life and scholarship were united. It is still hard for me to believe that Natalia is no longer physically with us, but her spirit remains with us – in her written work and in our memories. We will all miss Natalia's paper at this summer's symposium in Moscow, but most of all we will miss Natalia's sparkly spirit.

*Deborah Martinsen
President, International Dostoevsky Society,
Columbia University*

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 23

Редакторы: А.О. Кузнецова
А.С. Паршаков
С.Н. Переволочанская

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 30.09.2013

Формат 60х90 1/16

Печ. л. 11,25

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ

Типография ФГБОУ ВПО «НГЛУ»
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а